

Николай Николаевич Герасимов – биолог-охотовед, кандидат биологических наук, заслуженный эколог России. На Камчатке с 1962 года. В Управлении охотничье-промыслового хозяйства работал старшим охотоведом, затем начальником отдела охраны и воспроизводства фауны. Создал честную, действенную службу госохотнадзора Камчатки. Инициатор организации более десяти зоологических заказников, в числе первых – «Карагинский остров». Автор и непосредственный исполнитель успешного и принципиально значимого проекта по возврату в фауну России и Азии исчезнувшего десятилетия назад подвида – алеутской канадской казарки.

С 1984 года – в науке. Работал заведующим лабораторией орнитологии Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН. В настоящее время – старший научный сотрудник этого института.

В вопросах охраны природы и борьбы с браконьерством компромиссов не признает.

Н. Н. Герасимов

Остров Карагинский: путешествие в непознанный мир Природы

Н. Н. Герасимов

Остров Карагинский: путешествие в непознанный мир Природы

Вторая премия имени Ф. Р. Штильмарка 2017 года

Конкурс «Люди в истории заповедников и заповедники в человеческих судьбах» с 2006 года проводится Фондом имени Феликса Робертовича Штильмарка (1931–2005) – ученого, писателя и публициста, всю жизнь посвятившего заповедному делу.

Цель конкурса 2017 года – моральная и практическая поддержка авторов, чьи работы вносят значимый вклад в отстаивание принципов научной заповедности, в собрание достоверных знаний о заповедной природе России.

В жюри конкурса по номинации «Книги о природе» входили *Ольга Асписова* – доцент Российского государственного гуманитарного университета, *Вера Киселева* – доцент Мытищинского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана (до 2016 г. – Московского государственного университета леса) и *Александр Онуфреня* – старший научный сотрудник Окского биосферного заповедника.

**Камчатский филиал
Тихоокеанского института географии
ДВО РАН**

Центр охраны дикой природы

Н. Н. Герасимов

**Остров Карагинский:
путешествие
в непознанный мир
Природы**

Серия «Заповедная библиотека»

Москва

Издательство Центра охраны дикой природы

2018

УДК 598.2 (571.66)
ББК 28.693.35:28.088л6
Г 37

Герасимов Н. Н.
Г 37 Остров Карагинский: путешествие в непознанный мир
Природы. – 2-е доп. изд. – М: Изд-во Центра охраны ди-
кой природы, 2018. – 220 с.

ISBN 978-5-93699-100-4

Книга посвящена экспедиционным наблюдениям на остро-
ве Карагинский, лежащем в Беринговом море у северо-восточ-
ного побережья Камчатки. Главная нить рассказа – впечатления
орнитолога, посетившего этот неизведанный зоологами остров
одним из первых. Автор также знакомит читателя с местными
жителями и их бытом, дополняя описание краткими экскурса-
ми в историю освоения острова.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

ББК 28.693.35:28.088л6

Ответственные за выпуск *А.В. Зименко и А.А. Строганова*

*Второе издание книги осуществлено с использованием гранта Президента
Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставлен-
ного Фондом президентских грантов*

ISBN 978-5-93699-100-4

© Герасимов Н. Н., 2008, 2018
© Коллектив авторов, фото, 2018
© Центр охраны дикой природы, 2018
© КФ ТИГ ДВО РАН, 2008

Об авторе

Перед нами лежит книга Николая Николаевича Герасимова – известного российского орнитолога и деятеля охраны природы, всю свою сознательную жизнь посвятившего изучению и сохранению природы прекрасного, лежащего на востоке России полуострова Камчатка. Здесь были первопроходцы и исследователи крайних земель Российской империи – Витус Беринг, Степан Крашенинников, Георг Стеллер... Не обходят Камчатку своим вниманием и современные исследователи. Одни приезжают сюда только на время экспедиции, другие здесь живут. Семья Герасимовых – Николай, Алла и годовалый сын Юрий – начала обживать Камчатку с 1962 года. Здесь она живет и сейчас.

Родился Коля в городе Иваново в 1936 году. Здесь окончил среднюю школу № 30. Буквально с детских лет Николая интересовали птицы, с 12 лет он уже бродил по болотам с ружьем. В 14 лет пришел на Ивановскую станцию юных натуралистов, где учился делать чучела птиц. Имея гарантированную возможность поступить в один из вузов родного города, Николай уехал в Иркутск. С 1957 по 1962 год учился на отделении охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института, два года возглавлял студенческий отряд по охране природы. При распределении молодой биолог-охотовед выбрал Камчатку, где в Управлении охотничье-промыслового хозяйства сразу попросил передать ему всю инспекторскую работу. Вскоре, уже в должности начальника отдела охраны фауны, Герасимов из добросовестных молодых охотоведов создал эффективную, честную службу государственного охотничьего надзора области.

Будучи не только инспектором, но и орнитологом, с помощью охотоведов и егерей Николай организовал всекамчатские учеты мигрирующих гусеобразных птиц, стал инициатором создания более десяти государственных зоологических заказников. Такие из них, как «Река Морошечная», «Карагинский остров», «Утхолок», «Озеро Харчинское», «Лагуна казарок», «Юго-Западный тундровый», имеют исключительное значение для сохранения птиц, летящих по Австрало-Азиатским миграционным трассам. Первые три из названных заказников включены в список важнейших международных Рамсарских угодий, все организованные Николаем Герасимовым заказники вошли в число ключевых орнитологических территорий нашей страны.

Исследуя Камчатку, Николай вдруг открыл для себя совершенно не изученный орнитологами Карагинский остров. Две тысячи квадратных километров самых разнообразных ландшафтных участков и всего лишь трехдневное (да и то в XIX веке) присутствие на острове иностранного орнитолога – это ли не мечта для исследователя? В 1966–1972 и 1978 годах экспедиции Николая на Карагинский остров следуют одна за другой. И в 1979 году, еще работая в Охотуправлении, Николай Николаевич успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Эколого-географический анализ авифауны острова Карагинского». С 1983 года он – старший научный сотрудник ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства, с 1989 – старший научный сотрудник, а затем – заведующий лабораторией орнитологии Камчатского филиала Тихоокеанского института географии. В активе Н.Н. Герасимова более 160 научных публикаций, участие в авторских коллективах Красных книг России, севера Дальнего Востока, Камчатки, международной Красной книги птиц Азии. Совместно с японскими коллегами Николай Николаевич начинал массовое кольцевание птиц – чаек и гусей Камчатки. В последующем на более высокий уровень эти работы поднял его сын, профессиональный орнитолог Юрий Герасимов.

С 1992 года Н.Н. Герасимов – автор и практический исполнитель уникальной для нашей страны, для Азии программы по возврату в пределы бывшего ареала азиатской популяции алеутской канадской казарки. До начала XX столетия этот гусь являлся исконным обитателем Курильского и Командорского архипелагов, в массе зимовал в Японии, исчез там по вине человека. Будем надеяться, что книгу об этой работе мы с вами еще увидим.

А пока, дорогой читатель, мы с удовольствием прочитали сами и рекомендуем прочитать вам первую книгу заслуженного эколога России Н.Н. Герасимова об исследованиях прекрасного, во многом остающегося неизвестным Карагинского острова. Являясь орнитологом, автор тем не менее постарался рассказать о птицах только то, что будет интересно узнать всем нам. В этой книге нет ничего надуманного, в ней вы встретите только реальных людей: островных жителей, коряков и русских, – тружеников, осваивавших совсем еще дикий Север в 1930-х годах. В основном же эта книга – о путешествии, о прекрасной природе уникального острова Севера нашей Родины.

*Н.Н. Дроздов,
В.А. Остапенко*

Москва,
25 мая 2006 г.

Предисловие к первому изданию

Впервые на Карагинский остров я ехал как орнитолог. В этом качестве я фактически являлся первооткрывателем его птичьего мира, что уже само по себе вызывало большой эмоциональный подъем. Первая экспедиция не только не обманула моих ожиданий, но вызвала еще больший восторг от увиденного. Это было похоже на внезапно вспыхнувшую любовь пылкого юноши. Уже во время второй экспедиции на Карагинский я понял, что не могу рассматривать остров только как место обитания птиц, что хочу хоть что-то узнать о его истории, его людях. Правда, многого мне узнать так и не удалось. Поначалу в газету «Камчатская правда» я привозил короткие фото- и текстовые зарисовки. Дал несколько коротких очерков в камчатское издание «Норд-ост», статью о Птичьем острове опубликовали в журнале «Природа». Отзывы были самые хорошие, в значительной степени этим и продиктовано мое желание рассказать о Карагинском острове в этом небольшом повествовании.

Есть и еще причина. Давайте попробуем вспомнить людей, имена которых связаны с Карагинском островом. А лучше попросим это сделать географа или историка. Тот и другой, уверен, сразу же назовут землепроходца Ивана Голыгина, обязательно – Федора Литке, не забудут, конечно же, Степана Крашенинникова, который на самом деле об острове и его людях писал только с чужих слов, сам же на Карагинском не бывал. А дальше, боюсь, наши коллеги окажутся в затруднении. И будут правы, так как

исторически известных людей в этом списке действительно совсем-совсем мало. Для Большой Истории нашей планеты этого вполне достаточно. Но, я в этом уверен, не для истории Камчатки.

И потому, рассказывая о Карагинском острове, я считал просто обязательным назвать имена, как у нас принято говорить, «простых людей», которые отдали ему часть своей жизни и до конца дней своих сохранили и хранят к нему любовь. Имена многих из этих людей достойны того, чтобы остаться в истории Карагинского острова и Камчатского края.

В этом повествовании все названные имена подлинные, и нет ничего придуманного лишь «для красного словца». Все я либо видел и пережил сам, либо слово в слово передаю на ваш суд услышанное мною от других участников событий и их очевидцев.

Предисловие ко второму изданию

Многое изменилось в судьбе Карагинского острова после моего рассказа о том, что я смог увидеть и узнать о нем в 1966–1978 годах. Моя книга об этом замечательном, тогда еще диком, кусочке нашей Родины, изданная небольшим тиражом, быстро была разобрана по библиотекам и встретила очень теплый прием читателей.

Со времени, о котором я рассказал, прошло полных сорок лет. А в 2017 году книга была заявлена на конкурс на соискание Премии имени Ф.Р. Штильмарка, где в номинации «Книги о природе» автор был награжден Дипломом II степени. Одновременно было принято решение о ее переиздании. Это взял на себя Центр охраны дикой природы. Я же считал должным дополнить книгу главой, в которой рассказал о тех изменениях, которые произошли на острове за столь немалый срок.

За эти годы изменилось, как все мы знаем, многое. Изменился и я, но, надеюсь, лишь (о возрасте не говорю) в одном: стал еще более жестким в отношении к вопросам сохранения Природы. Обращаясь через СМИ к властям, к депутатам, в личных беседах с власть имущими считаю неприемлемыми экивоки и называю вещи своими именами. А потому, уж не обессудьте, совсем не благодушными получились мои рассказы об острове в «новые» времена. Но очень надеюсь, что вы меня поймете.

Страна моей мечты

Первую книгу об Африке «Путешествие по Замбези», написанную братьями Ливингстонами, я прочитал, еще учась в пятом, если не в четвертом, классе. Затем в библиотеке мне посчастливилось найти «Путешествие по Северо-Восточной Африке» Альфреда Брэма. Позже был Стенли, а затем я начал жадно искать и «проглатывать» все, что было написано не только об африканских джунглях, но и о южноамериканской сельве, о путешествиях. Насколько помню, мои детские «литературные находки» на темы путешествий исчерпались до обидного скоро. Но уже самых первых книг было достаточно: я «заболел» Африкой и с тех пор несчетное число раз в детских и юношеских мечтаниях уходил в глубь джунглей этого, казавшегося мне прекрасным и загадочным, материка. Не боясь ни мухи цеце, ни огромных змей, я бесстрашно шел искать встреч с кровожадными львами, ужасными гориллами и крокодилами.

С годами, может быть в силу своего прекратившегося развития, мечтать я так и не разучился. Правда, уже после школы, учась на отделении охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института, я все больше убеждался, что путешествовать можно не только по Африке. Институт (благословенные были времена!) давал нам возможность знакомиться с любыми регионами нашей огромной тогда страны. Кроме Прибайкалья, на полевой практике я побывал в Приамурье на реке Селемже, в горах Восточных Саян, охотился на уток и ловил ондатру в дельте Амударьи. Большого за такие короткие студенческие годы увидеть было просто невозможно.

И уже тогда, в институте, я понял: обжитые районы страны не для меня. При распределении мне был неинтересен теплый Казахстан, требовавший в те годы много специалистов охотничьего хозяйства, отказался я и от приглашения на работу в Общество охотников Черниговщины.

Я выбрал Камчатку. Она была тогда далеким, непознанным и потому очень влекущим к себе краем. В августе 1962 года я приехал на полуостров и с тех пор счастлив, что сделал этот свой выбор. Выбор на всю жизнь. На третьем и четвертом курсах института я возглавлял студенческий отряд охотничьих инспекторов, так что на Камчатку прибыл уже готовым инспектором, нетерпимым к любым видам браконьерства. Надеюсь, что за 21 год работы в управлении охотничьего хозяйства, сначала в должности старшего охотоведа, затем много лет – начальника отдела охраны фауны, я успел сделать для сохранения природы, в основном для охраны птиц Камчатки, немало.

Буквально с первых дней жизни на Камчатке я по-настоящему был увлечен своей интересной работой, много ездил, не уставал удивляться ошеломляющей красоте природы полуострова.

Но, как оказалось, моя детская мечта об Африке не умерла, она просто старалась меня не тревожить, пряталась где-то в глубине души. Когда же в 1965 году до Камчатки донеслись слухи о том, что для работы в национальных парках развивающихся африканских стран требуются специалисты-охотоведы, моя детская «болезнь Африкой» выплеснулась резким рецидивом. Я буквально не находил себе места, засыпал и просыпался с ожившими вдруг детскими и юношескими бреднями о джунглях, слонах и чернокожих проводниках.

Борис Борисович Парамонов, мой старший товарищ-охотовед, заказал из своей квартиры телефонный разговор со специалистом Главного управления охотничьего хозяйства в Москве, стал говорить обо мне как о возможном кандидате для работы в Африке, потом передал трубку мне. И я услышал

тусклый голос и рассказ о том, что все это не так просто, что это не так интересно и что вряд ли вообще кто-нибудь куда-нибудь нужен. Нетрудно было понять, что мы говорили на разных языках: языке мечты и языке скучного безразличия. И это подействовало как лед на мою разгоряченную голову: не вылечило, а жар на какое-то время сняло.

Еще не успев переболеть потерей вновь было обретенной мечты, просматривая как-то карту северо-востока Камчатки (куда бы поехать в командировку?), я вдруг увидел название реки, заставившее вздрогнуть мое сердце, – Лимимтэ! Река Лимимтэ! Много раз потом, мысленно возвращаясь в то время, я пытался понять, почему именно с Африкой ассоциировалось в моем сознании название этой реки. Еще раз (сколько этого было в юности!) внимательно изучил атлас Черного континента. Объяснение для себя нашел одно: река Лимимтэ была созвучна для меня с рекой Лимпопо. А что Крокодиловая река – Лимпопо – находится в Африке, знал не только я, это было известно, наверное, всем детям нашей страны.

Лимимтэ протекала на Карагинском острове. Так вот она, моя Африка, мой неизведанный континент!

Я стал лихорадочно искать любые печатные и рукописные источники, которые бы рассказали мне об острове. Это были либо небольшие научные статьи конца девятнадцатого и первой трети двадцатого столетия, либо рукописные отчеты геологов и вулканологов. Поскольку в отчетах меня в основном интересовали данные о животном и растительном мире острова, труды геологов в этой части были, мягко говоря, весьма и весьма неточны. В целом же статей и отчетов было так немного, что относительно изученности (а сказать точнее – неизученности) острова Карагинского у меня не осталось никаких сомнений. И самым приятным для меня было то, что там сколько-нибудь долго не работал ни один орнитолог. Птиц острова исследовал только один ученый – американский орнитолог Баррет-Гамильтон, и пробыл он там летом 1897 года всего лишь три дня.

Но самый замечательный документ об острове Карагинском я получил от моего товарища, в дальнейшем – научного руководителя моей диссертации, ученого с большой буквы Александра Кишинского. Но это было уже потом, года через два. Саша дал мне прочитать затрепанный рукописный экземпляр «Отчета о поездке на остров Карагинский». Он был написан в 1928 году В.И. Разумовским, научным сотрудником Тихоокеанского института рыбного хозяйства из Владивостока. Прекрасно владея пером, автор писал о природе острова, с добрым юмором поведал о его коренных жителях, и этот отчет рассказал мне о предмете моего интереса, а в дальнейшем – и предмете большой любви, об острове Карагинском, значительно больше, чем уже прочтенные мной две его же, Разумовского, научные публикации. По мере своего повествования я буду не раз обращаться к материалам этого, как мне показалось, замечательного человека и исследователя. Очень жаль, что его труд не опубликован. Я уверен, что дарования его как автора ничуть не меньшие, чем, например, Аркадия Фидлера.

Потом, по прошествии немалого числа лет, из северного села Ивашка я получил очень хорошее многостраничное письмо от Николая Ефремовича Гейченко, одного из самых замечательных людей, живших на острове, творивших его историю в послевоенные годы. Почерпнутые из этого письма сведения позволили подправить и уточнить некоторые мои островные впечатления и записи.

Такова, в общем, предыстория того, о чем я рассказываю в этой книге.

И, конечно же, ни моих столь замечательных экспедиций, ни защищенной диссертации, ни этой книги не было бы, не встретить я на своем пути стольких замечательных людей. Я буду упоминать о них по ходу своего рассказа. Но об одном очень хорошем человеке должен сказать в самом начале этой книги.

В те далекие благословенные годы начальником нашего областного управления охотничьего хозяйства был замечательный человек – Николай Михайлович Бабенков. Через всю свою жизнь он пронес данные ему природой прекрасные душевные качества. Будучи многие годы первым секретарем райкома КПСС, сохранить в себе уважение к людям мог только по-настоящему цельный человек. В те же годы Николай Михайлович был в опале: всего лишь раз в чем-то не согласился со вторым секретарем обкома партии и «вот докатился до работы в вашем управлении» – дословно так сказал мне мой начальник.

Итак, решено: мы едем на Карагинский остров! Предварительно все в деталях обсудив со своим другом, в первых числах июня 1966 года я зашел в кабинет начальника:

– Николай Михайлович, мы с Юрой Воропановым хотим поехать на Карагинский остров.

– А хорошо, Коля, поезжайте, – сильно нажимая на «о» (он был родом из Иванова, моим земляком), тотчас согласился начальник.

– Мы пробудем там не меньше месяца.

– Ну и хорошо. Приедете – расскажете.

– Николай Михайлович, так мы уже собрались.

– А я чево тебе говорю? Поезжайте! Только ты уж там поосторожнее на лодке-то ездил, я же знаю, какой ты сумасшедший на воде; спать ведь не буду, пока вас нет.

Такие тогда были годы, и таков был наш начальник. Но, как оказалось, против нашей командировки категорически воспротивился заместитель начальника управления. Его мы уговаривали и сразу всей дружной, тогда еще молодой, «семьей» охотоведов, и по одному заходили в кабинет. Он выслушивал нас молча и так же, без единого слова, уходил. Николай Михайлович позвал меня в кабинет:

– Коля, ты не знаешь, чево-то Паша против вашей поездки на остров? Он говорит, что ты не браконьеров ловить едешь, а птиц изучать. А я ему говорю: ну и хорошо, хоть

*Юра Воропанов, мой напарник
и помощник в первых путешествиях
по Карагинскому острову*

один ученый у нас в управлении будет. Он на меня жаловаться в обком собирается. А вы быстренько поезжайте! А то ведь он и пойдет, нажалуется.

Уговаривать нас было не надо. Три дня сидели мы с Юрой в аэропорту, «ждали погоды». Не просто сидели – чаще прятались порознь. Договорились: будут объявлять наши фамилии, приглашать к «Справочной», убегает и встречаемся в лесочке. Если кого-то из нас застукают, говорим, что идем искать другого, и действуем по той же схеме – бежим и встреча-

емся в лесу. За нами не пришли, и наконец мы, счастливые, сидим в Ли-2. А через полчаса полета из кабины вышел пилот:

– Товарищи, вся Камчатка на севере закрыта, Ключи тоже не принимают, везде сплошная облачность. Будем возвращаться или полетим в Магаданскую область, в Гижигу?

– В Гижигу! В Гижигу! – в один голос мгновенно выкрикнули мы с Юрой.

Ночевали в Гижиге в своей палатке рядом с аэродромом, и еще до обеда нас прекраснейшей погодой встречала Оссора.

Оссора

Поселок Оссора – административный центр Карагинского района, охватывающего северо-восточное побережье полуострова Камчатка, – расположен на берегу Оссорской бухты. Имя свое район, как и входящий в его состав остров, получили по реке Караге, впадающей через названную бухту в пролив Литке всего в нескольких километрах к югу от Оссоры. Впрочем, писатель Сергей Вахрин считает, что не остров получил свое название по реке, а река так названа по острову, лежащему против ее устья. Остров издавна был славен богатыми лежбищами тихоокеанских моржей, русские же промышленники и казаки эти лежбища называли «коргами».

Для меня эта моя встреча с Оссорой была первой. В дальнейшем я прилетал сюда довольно часто и скоро полюбил этот чистый, аккуратный и какой-то по-особенному светлый поселок – Оссору. Но, появляясь здесь, я всегда смотрел только в одну сторону – на восток. Там, за Оссорской бухтой, за проливом Литке из Берингова моря поднимался Карагинский остров.

В пасмурную погоду его не видно совсем; при переменной облачности он то еле-еле различим, то вдруг, занимая собой все видимое пространство, четче и четче проявляется в морской дали. Если смотреть на него в ясный день, остров становится все ближе и ближе, будто сам плывет тебе навстречу.

Мне чаще везло, и я попадал в Оссору в ясную погоду. Тогда я просыпался рано-рано утром, тихо, чтобы никого не будить, одевался и торопился на берег. Там, забравшись на ставший уже знакомым, отживший свой век деревянный баркас, я долго сидел и смотрел на Карагинский остров. Сколько это раз было, когда я так вот сидел, смотрел вдаль и торопил время: скорее, скорее на остров!

Так было и в этот самый-самый первый раз. Я ушел на край поселка, не хотелось, чтобы кто-то в это светлое раннее утро

помешал моему первому свиданию с островом, на котором я еще не был, но который, как мне казалось, уже любил.

И вот я один на берегу бухты. Утро изумительное! Таким светлым и чистым может быть только раннее-раннее утро прекрасного дня в самые первые минуты его младенческого возраста. Поселок еще спит, лишь со стороны порта доносятся скрип какого-то механизма, да изредка спросонья лениво лают собаки.

После отшумевшего два дня назад неистового шторма сейчас на бухте идеальный штиль. А на берег с удивительным постоянством накатываются миниатюрные водные «валы». Они совсем крохотные и, наверное, только сами себе кажутся волнами. Я смотрю, как они возникают на совершенно ровной водной глади. Вот на ее поверхности, отражающей золотисто-розовый отсвет утренней зари, появляется серая полоска. Она то на миг исчезает, то вычерчивается вновь, при этом неотвратно с каждым мгновением приближаясь к берегу. Секунда-две, и береговая полоска песка с тихим шипеньем – шшшшШШШшшшш – поглощает маленький водный валик. На подходе следующий, и снова – шшшшШШШшшшш... шшшшШШШшшшш...

Поначалу я, кажется, совсем не слышу чаек. Но они всегда здесь, и громкий крик их не смолкает ни на минуту. Некоторые кричат просто так, можно подумать, без видимой причины, другие, вероятно, обижаются на то, что одной из них повезло – она нашла маленькую мертвую рыбку. Но можно ли представить море без чаек, без их криков? Могут ли чайки нарушить прелесть чистого раннего утра?!

А я смотрю и смотрю на остров, который очень скоро полюблю на всю свою жизнь, с которым потом будут связаны все мои чаяния ближайших десяти лет и самые яркие воспоминания всей моей камчатской жизни. На этом острове я впервые увижу огромные птичьи базары, населенные тысячами, десятками тысяч так любимых мною пернатых, всем своим сердцем приму захватывающую красоту северной

природы. И там я познакомлюсь с добрыми и лукавыми островными коряками. Это будет!

А сейчас мне уже надо возвращаться и будить Юрия.

Два дня сборов: лодку «Казанку», десятисильный мотор «Москва», оленьи спальные мешки, кукули, нам дали в госпромхозе, в магазине закуплены продукты. На удивление легко уладился и один из самых «щекотливых» для нас вопросов с получением в Оссорском рыбокомбинате разрешения на использование «в порядке взаиморасчетов с госпромхозом» некоторого количества имеющегося на острове бензина и автола. Заместитель директора рыбокомбината Александр Михайлович Захаров, выслушав меня, тотчас на нашем экземпляре «письма-просьбы» начертил: «Разрешаю». Он же дал «добро» и на попутную доставку нас на остров. Замечательные люди живут на Севере!

Первые встречи

21 июня 1966 года. Мы, два охотоведа, с борта катера жадно всматриваемся в надвигающийся на нас неизведанный таинственный «материк». Даже не верится, что перед нами лежит остров: очертания его берегов, постепенно растворяясь, тают в морской дали одинаково далеко и на севере, и на юге. Капитан Федор Максимович Халяпин, наверное, точно смог бы провести свой катер по этому курсу с завязанными глазами. Сколько же раз пересекал он пролив Литке за прошедшие 30 лет своего капитанства! Я пока не знаю, что пройдет еще столько же лет, и Федор Максимович у себя дома будет рассказывать мне, как и чем жили они на Карагинском острове в таких кажущихся нам далекими 30–40-х годах двадцатого столетия.

Прошли пролив Литке. Слева по борту остался кончик узкого лезвия косы Лекало – мыс Семёнова, и мы идем вдоль внешней границы акватории с романтическим названием

бухта Ложных Вестей. Я смотрю на берег в бинокль, где вот-вот, по моему представлению, должны появиться строения поселка Островного. Конечно же, про птиц, тут и там появляющихся на водной глади, я тоже не забываю. Но это пока несерьезно. Я знаю, что пройдет несколько часов, максимум – сутки, и тогда я уже полностью отдамся своей работе с птицами, «утону» в ней. Месяц счастливой жизни только-только начинался.

Серые, большей частью продолговатые строения поселка Островного я различил лишь на самом подходе к берегу. Вид их совсем не соответствовал заранее нарисованному моим воображением. Берег еще сверкал обширными снежными пятнами, но обращенный к морю склон увала был преимущественно бурым, и потемневшие от времени здания мало выделялись на его фоне, они как бы вросли в него. Мое первое впечатление о поселке было не самым лучшим.

А капитан уже мягко прижимал катер к бревенчатому пирсу. На берегу рядом с причалом стоял неприветливого вида мужчина. Пока ребята из команды катера помогали спустить на воду нашу шлюпку, пока мы разгружали свой не такой уж и малый багаж – мотор, рюкзаки и прочее снаряжение, – он стоял и хмуро смотрел на нас, засунув руки в карманы и поджав губы. Всем своим видом человек показывал, что он здесь хозяин и что гости ему не нравятся.

Мы подошли и представились, назвав лишь свои имена.

– Найдёнов! – коротко ответил он и продолжал демонстративно недоброжелательно рассматривать нас. Я попросил его указать нам какой-нибудь сносный дом, где мы могли бы переживать время между экспедициями по острову. Найдёнов молча показал на один из барачков, потом, подумав, посмотрел на стоящий на взгорке, пожалуй, выше всех над поселком, небольшой, очень симпатичный голубенький домик:

– Заселяйтесь в марковский дом. Только чтобы у меня порядок был!

Внутри домик оказался ухоженным и приветливым, как и снаружи. В кухне-прихожей мы увидели стол, лавку, здесь же висел умывальник, в двух маленьких комнатках стояли кровати с мягкими панцирными сетками, на окнах висели простенькие занавески. Было видно, что хозяева Марковы очень любили свой дом и, даже навсегда покидая его, чисто вымыли полы. После хозяев до нас здесь никто не жил. Чисто было и вокруг домика, здесь не валялись, как у бараков внизу, ржавые консервные банки и битое стекло. И чуть ли не самым главным для нас было то, что домик имел собственный «водопровод»: в двух-трех метрах от окна звенел удивительно прозрачный, очень разговорчивый ручеек, сбегавший по распадку с увала.

Все это я успел рассмотреть между двумя ходами за нашим скарбом. Часом позже, размещая на подоконнике инструменты для обработки будущих коллекционных сборов, я увидел, что по тропинке к нашему дому тяжело, покачиваясь, поднимается Найдёнов. Было видно, что он уже «отметил» прибытие судна.

В дверь ввалился как хозяин. Склонив голову набок и поджав губы, он прямо с порога какое-то время гипнотизировал нас тяжелым взглядом. «Пришел добавлять», – подумал я. Однако Найдёнов, по-прежнему глядя исподлобья, спросил:

– Вы знаете, кто здесь хозяин? – И тут же объяснил: – Иван здесь хозяин!

Решив, что этот неприятный человек пришел утверждать себя, мы молчали. Аудитория Ивану показалась достаточно внимательной. Тогда мы еще не знали, что перед нами классический пример «халифа на час». Мы уяснили лишь, что Иван Найдёнов – бывший танкист, а сейчас он – комендант поселка.

Это уже потом, в разъездах по Камчатке, я насмотрелся таких вот «комендантов» и «хозяев» разных мест. А сейчас мы еще узнали, что Ксения, жена Ивана, отбыла с подвернувшейся оказией в Оссору за покупками, что сам он «третий день

пьет» и что «он здесь – главный!». А мы были по-настоящему счастливы, что добрались-таки до острова, что нас здесь встретила прекрасная солнечная погода. Нам очень не хотелось сейчас объяснять местному диктатору «кто есть кто». И, едва заведя в окно только еще идущего к нам Найдёнова, я специально убрал лежавшие до того на подоконнике наши с Юрой кобуры с револьверами.

Не собираясь оспаривать Ивановы привилегии, мы, по-прежнему молча, стали расстилать на кроватях свои спальные мешки. И это вдруг возмутило «хозяина»:

– Вы что думаете, что на острове бичи живут?! Что я вам позволю так жить? Давайте быстро за мной!

Шагая под гору уже вполне твердо, Иван повел нас на склады, доверху забитые всевозможным рыбокомбинатовским имуществом, необходимым, как мы узнали от него, для нормального существования рыбаков-сезонников и засылаемых на остров каждое лето заготовителей сена. «Так вот кто запакостил поселок», – подумал я, рассматривая валявшийся вокруг барачных железный и стеклянный хлам. И опять мы с Юрой поднимались в гору нагруженные: несли матрацы, одеяла, по две (совсем как в гостинице) простыни, подушки и даже полотенца. Иван сразу от складов пошел домой «спать».

Когда мы высадились на берег, и после, перетаскивая в домик наше имущество, я обратил внимание на исключительное обилие в поселке птиц: белых и желтых трясогузок, чечеток, чечевиц. Песням и трелям их, как мне показалось, буквально не хватало места в окружающем пространстве. Раз за разом, поднимаясь к дому с вещами, затем вновь и вновь спускаясь к морю, я нарочно не смотрел по сторонам: так мне не хотелось дробить на «кусочки» то, за чем, главным, я сюда приехал, берег целостность своего первого впечатления. Переноска вещей и самые необходимые работы по обустройству заняли час, затем едва ли не больше времени отнял у нас буйный «хозяин острова». И вот, наконец-то

свободный от прочих забот, с биноклем и дневником я вышел из дома.

Меня всегда угнетал вид покинутых деревень. Мне их приходилось встречать не так много, но всегда деревни без людей казались мне чем-то похожими на кладбища. Особенно остро я ощутил это в Приамурье, где провел одну из институтских «практик» незадолго до приезда на Камчатку. Хорошо помню, как в жаркий летний день я и Леня Щусь, мой проводник и товарищ, входили в очень красивую, зеленую, но совершенно безлюдную деревню. Дома были добротными, почти все сверкали целыми стеклами, но люди были вынуждены навсегда оставить ее из-за изменившегося в худшую сторону характера реки Селемжи. На пригорке стояла школа, а от нее хорошо набитая тропинка сбегала к пруду с кувшинками и нешироким серпиком чистенького песчаного пляжа, на котором, как я тогда с грустью подумал, уже никогда больше не отпечатаются маленькие детские ступни. И еще одно особенно яркое воспоминание осталось у меня о той деревне – это колодезные «журавли». Они почему-то казались особенно одинокими и в моем сознании больше всего не вязались с отсутствием людей. Мы прошли по деревне, как по храму: тихо-тихо, даже разговаривали вполголоса.

Поселок на острове Карагинском также покинут его жителями, и, по-видимому, навсегда. Но почему-то это не вызывало у меня гнетущего чувства. Возможно, потому, что я здесь сразу же окунулся в весну. И уже само то, что, находясь в тысяче километров от уже встреченной мною в этом году весны, я второй раз мог любоваться всем великолепием самой любимой мною поры года, казалось чудесным, сказочно настоящим. Кругом – и на дороге, по которой уже не ездили, и на крышах домов, в которых уже никогда не будут жить люди, – лежали пласты снега совершенно изумительной, непривычной для нас, горожан, белизны. Всюду беззаботно и радостно бежали, журчали, звенели ручьи. Они выбегали из-под сугробов, из-под крыш домов. В одном месте я увидел,

что тоненькая чистая струйка воды нашла маленькую дырочку в борту старого, стоявшего на берегу баркаса и, казалось, очень радовалась этому. Падая с двухметровой высоты, она так заразительно звенела веселым колокольчиком, что я стоял, смотрел на нее и улыбался, радовался вместе с ней.

Но главным здесь, как я уже отметил, было какое-то немыслимое в эту весну обилие птиц. Все, буквально все вокруг было наполнено песнями жаворонков, подорожников, щебетанием белых трясогузок. С неба сыпались вниз звонкие, как голоса маленьких смеющихся колокольчиков, трели чечеток. Чуть выше домов на увале в зарослях ольхового и кедрового стлаников громко пели бурые дрозды, слышались мелодичные песни соловьев-красношеек, куковала обыкновенная кукушка, а издали доносилось: «Ду-ду, ду-ду, ду-ду» – это ей вторила кукушка глухая. От домов к кустам на увале и обратно вниз то и дело сновали зелено-желтые китайские зеленушки. Ярчайшими рубинами тут и там сверкали кажущиеся не нашими северными, а тропическими птицами самцы чечевицы. Некоторые из них, вероятно не надеясь на мои орнитологические познания, беспрестанно повторяли: «Чи-чи-ви-ца!.. Чи-чи-ви-ца!» Другие спрашивали: «Чи-вы-чу-ви-дел?.. Чи-вы-чу-ви-дел?» Видовой состав птиц в поселке был небогат, зато количество их, как мне показалось, исчислялось сотнями особей. И все пели, щебетали, звенели – радовались весне.

Когда я вернулся домой, Юра валялся на кровати с книжкой: «библиотека» – аккуратно сложенная в углу комнаты стопка книг – тоже была оставлена в доме бывшими хозяевами. Кончался наш первый день пребывания в сказке. Где-то там, за тридевять земель, на Камчатке горы мягко приняли в свои объятия натрудившееся за день солнце. Но было еще светло, и тратить на сон хотя бы чуточку первого дня моей сбывшейся мечты казалось кощунственным. Я вышел из дома и сел на камни около нашего неугомонного ручья. Просто сидел, слушал птиц, смотрел на идеальную гладь

бухты Ложных Вестей и на лежащий внизу покинутый жителями поселок.

Как-то исподволь в мое сознание все настойчивее стал проникать непрерывный говор моего соседа-ручейка, а я, опять же, сам того не желая, вслушивался в его беззаботную болтовню. И вот мне уже кажется, что в его журчании иногда слышатся совершенно отчетливые слова. А вдруг он пытается рассказать мне о совсем недавней, но ушедшей навсегда в историю жизни этого лежащего сейчас под нами поселка? Может быть, он не хочет, чтобы все увиденное им здесь за годы исчезло из памяти будущих людей навсегда. Но возможно ли сейчас вспомнить все, что было?

О чем хотел рассказать ручей

В те годы Россия с неимоверными усилиями выбиралась из разрухи, оставленной Гражданской войной и прокатившимися по стране годами смертельного голода. Необходимо было срочно накормить народ. На X, затем на XII съездах ВКП(б) были намечены вехи возможно скорейшего создания государственной рыбной промышленности. Естественно, что особое внимание было обращено на необходимость освоения богатейших ресурсов морей Дальнего Востока. На этой волне в 1927 году было организовано Акционерное Камчатское общество (АКО), в задачи которого входило всемерное и быстрое развитие на Камчатке действенной рыбодобывающей и рыбообрабатывающей отрасли. Ускоренными темпами на побережьях Камчатского полуострова строились десятки рыбокомбинатов, баз, перерабатывающих заводов, ориентированных главным образом на кажущиеся фантастическими запасы лосося.

Но для развития рыбной отрасли бедной своим населением Камчатке нужны были люди, много людей. И по обширавшей Руси поехали специально на то уполномоченные

бойкие на язык люди – «вербовщики». Появляясь в донель-зя разоренной крестьянской глубинке, на сельских сходах, они изо всех сил убеждали народ в возможности невероятных для его сознания заработков на дальневосточных рыбных промыслах. Люди верили и, надо сказать, не напрасно: за один сезон работы на рыбном промысле тогда можно было купить не одну и даже не две коровы – это ли не возжеленная мечта крестьянина? «Жатва» вербовщиков была обильной, и пошли на восток эшелоны «телятников», в них с большими надеждами, но чаще «всего лишь на один срок» ехали в неизвестность тысячи и тысячи в основной своей массе молодых, крепких людей. Знай тогда многие из них, что не судьба им больше вернуться к привычному крестьянскому быту, что на десятилетия, а кого – и навсегда, приколдует, прикует к себе своей дикой красотой и богатствами эта далекая Камчатка, наверное, многие так и не отважились бы оторваться от бедного, но родного дома.

В отличие от самой Камчатки, Карагинский остров не был настолько богат лососем, но его прибрежные воды славилась обилием трески и сельди. Освоение этих богатств моря и было главной задачей образованного на острове самостоятельного, напрямую подчиненного АКО Карагинского рыбокомбината.

Поначалу поселок так и назывался – Карагинский рыбокомбинат. Захариди, Нахабов, Авдонин, Вахитов, Соколовский – один директор сменял другого, и поселок рос. Люди вербовались на Север на один срок – на три года. Волжанин Федор Халяпин приехал на Карагинский двадцатилетним парнем. Каким же большим казался тогда ему трехлетний срок вербовки! Увидев заснеженные неприветливые берега острова, он представить себе не мог, как здесь можно прожить такие долгие три года. Ох, как хотелось ему отсюда убежать! И если бы кто сказал тогда: – Жить тебе, Федор, здесь полных тридцать лет! – честное слово, удавился бы. С ним вместе приехал на остров и Василий Тюляндин.

Вместе начинали они в 1934 году свою жизнь на базе Северной, сначала были просто ловцами трески, потом оба выросли до старшин кавасаки, потом... много чего было потом у Василия Андреевича за двадцать шесть лет островной жизни. Двадцать восемь лет жизни прошли на острове у семьи Тепляковых, Михаила и Зои (оба Андреевичи). Константин Четвериков, Михаил Новиков, один из самых фартовых рыбаков – Федор Смирнов, Николай Дёмин и еще два Николая, два фронтовых друга, воевавших в одном танке, – Гейченко и Дуюнов, – и это далеко не все люди, с кем породнился Карагинский остров, для кого жизнь на нем навсегда осталась светлой и счастливой порой молодости.

На остров все приезжали как «временные», но устраивались по-разному. Кто-то из ящичных дощечек и парусины строил себе конуру, сидел и спал на ящиках, боялся потратить копейку на приличную тарелку. Другие даже на недолгое время создавали себе достойный быт. Они хорошо устраивались даже в этих вот похожих снаружи на бараки домах. А кто мог – как, например, «наши хозяева» Марковы, – устраивали свои собственные ухоженные и уютные домики. Они и сейчас стоят на взгорках – одинокие, осиротевшие, но сохраняющие красоту души своих бывших хозяев. И потому эти дома красивы даже в пору своего увядания.

В конце 1930-х годов в поселке уже постоянно жили 180–200 человек, в 1940-е годы – не менее 300. Постоянные жители обустроивали свой быт по-хозяйски, обзаводились коровами, и в 1940 году их, не считая телят, было более пятидесяти. Тридцать коров содержал рыбокомбинат. Частникам были отведены ближние к поселку покосы, комбинату – дальние. В военные годы литр молока на острове стоил 15 рублей. Нормальную жизнь поселку обеспечивали два магазина – продуктовый и промтоварный, были здесь свои пекарня, больница, кузня. Школой стал деревянный рубленый «американский» дом. Его перевезли с расположенной не так далеко фактории, где до этого он был церковью.

В 1940-е годы школа была «семилеткой». С прибытием сезонников, летом, народу набиралось до 700–750 душ. Сезонные рабочие частью жили в бараках, для них же построили и просторную столовую. Во время путины в поселке работали все – взрослые, школьники и даже кормящие матери, а потому для самых маленьких островитян, включая грудничков, имелись ясли. Матери только строго по времени уходили покормить своих малышей. Детские ясли комбинату были действительно необходимы... ну, хотя бы для семьи Комарова. Свою жену Петр Комаров, как он сам рассказывал, буквально «украл» в одном из городов Приморья, в Шкотове. На острове Комаровы жили едва ли не с первых дней образования комбината, и благодарная за любовь супруга регулярно «дарила» мужу по двойне. Так вскоре совместными усилиями и скопили они едва ли не четырнадцать детишек. Это их дед, отец Петра Арефьевича, «частный рыбопромышленник» Комаров, был похоронен на острове Верхотурова.

Не сказать, что людям здесь жилось очень легко, многого не хватало. Но народ в поселке жил дружно: возвращавшийся с богатой добычей охотник еще по пути домой раздавал сельчанам чуть ли не всех уток или зайцев. В добрых соседских отношениях поселковые находились и с живущими неподалеку, в «фактории», местными оленеводами-коряками.

Был в поселке свой сельский совет, на его печати значилось: «Карагинский-Верхотуровский район», впоследствии – «Карагинский островной сельсовет». А еще в те годы на острове Верхотурова в летнее время стояла рыболовецкая бригада, имевшая в лучшие времена до двенадцати кавасаки. Рыбаки там ловили и солили треску, на зиму вытаскивали суда на берег, и все с острова съезжали.

Какое-то время пост председателя сельсовета занимал Халяпин. Однако Федор не был «освобожденным советским работником», и председателем он являлся как бы по совместительству. После учебы в Петропавловске в 1937–1938 годах (а учился Федор только зимой) он получил специальность

«штурмана малого флота» и хлопотную должность капитана флота острова. И сменивший его на «председательском» посту Василий Солопов летом также являлся старшиной катера, а зимой из березняков на реке Лимимтэ, как простой каюр, возил для всего поселка дрова. Тогда на вывозке дров всю зиму, без выходных, работали не менее, обычно – больше, четырех нарт. На нарту при десяти запряженных собаках грузили кубометр сырой березы. А поселку на год нужны были не меньше трех тысяч кубов одних только дров, да еще восемь-девять тысяч березовых жердей для изготовления чанов под сельдь.

Культурной программой на комбинате заправлял женсовет, его председателем долгое время была Александра Васильевна Халыпина. Кроме разрешения чисто женских вопросов на женсовете лежала и забота об организации праздников. Так, например, ко дню 8 Марта дома у кого-то из женщин выстаивались одна или две трехцентнеровые бочки браги. Гуляли всегда всем поселком. Тогда в праздничный день народ собирался в столовой. После официальной части в зал торжественно в стоящих на подносах стаканах заносилась брага, выставлялась закуска. За вечер выпивали до двух центнеров браги. Так же отмечались и другие главные праздники страны: Первое мая, годовщина Октябрьской революции и, конечно же, Новый год. Значительную часть праздничных расходов брали на себя профсоюз и директор рыбокомбината.

Поселок «закрыли» в 1964 году, люди с острова разъехались. Кто-то жил здесь недалеко за проливом, кто-то в Петропавловске, кто-то в Приморье... Константин Иосипович Четвериков уехал в Казань. И долгое время после этого он настолько тяжело переживал разлуку с островом, что иногда, не в силах бороться с ностальгией, поднимался на крышу своего четырехэтажного дома, долго-долго смотрел на восток и, казалось ему, видел свой Карагинский остров, свой поселок, цветущую тундру и сверкающие неимоверной

белизной хребты. С крыши он иногда спускался с красными – должно быть, от напряжения – глазами.

Ручей все говорил и говорил взахлеб, торопился высказать случайно объявившемуся вдруг слушателю все, что он видел, что знает об этом поселке, о его людях. А я с возрастающим сожалением понимал, что не смогу узнать всего, не смогу потом донести это до детей и внуков самоотверженных жителей этого прекрасного острова. Мне все-таки нужно было чуточку поспать. Завтра, да нет же – уже сегодня, нас с Юрой ожидал не менее интересный и насыщенный день. Второй день сказки!

О некоторых «плюсах» и «минусах» фауны Карагинского острова

Сейчас, я думаю, надо вкратце рассказать об особенностях фауны острова. Вот что я знал о ней ко времени своего первого посещения Карагинского и что почерпнул из нескольких проведенных здесь полевых сезонов.

В понимании ученых, так называемый «островной тип» фауны, флоры подразумевает видовую обедненность, «нехватку» на какой-то изолированной территории большего или меньшего числа видов животных или растений. Камчатка, например, обладающая таким «типом», недосчитывается довольно значительного числа представителей животного и растительного мира, в том числе млекопитающих и птиц, обитающих в Восточной Сибири всего лишь за Охотским морем. На Карагинском острове, уже в сравнении с Камчаткой, нет волка, выдры, снежного барана, белки, черношапочного сурка, суслика-евражки. Сейчас на острове нет и бурого медведя, которого экспедиция Ф.П. Литке застала там во множестве, и о котором Разумовский сто лет спустя говорил как о вполне обычном звере. Но здесь никакой «тип» ни при чем: виновником исчезновения из островной фауны бурого медведя

стал истребивший его человек. А вот возможности появления на Карагинском бродяг-волков я бы исключать не стал. Они могли приходить сюда и уходить обратно через пролив Литке по зимнему ледоставу. Другое дело, что задержаться на острове им не позволят люди. Остальные названные виды четвероногих на Карагинском острове не могли жить в силу других серьезных причин. Кому-то из них недостаточно было бы пищи, кому-то – убежищ. Суркам и сусликам хватило бы того и другого, но им не под силу перебраться через пролив вплавь. В общем, у каждого отсутствующего на нашем острове вида есть для этого вполне веские причины.

В конце концов, какое влияние на благополучие народа такого вот маленького островного «государства» может оказать обедненность карагинской фауны? Не все ли равно – есть на острове суслики или сурки, нет ли их? Скорее всего, ни-ка-ко-го! Но иногда, оказывается, всемогущее провидение может и на этом сыграть очень злую шутку. Вот что рассказывает нам одна из легенд островных коряков.

...Когда-то давно возглавляемая отцом и сыном воинствующая группа островитян, переправившись через пролив на камчатское побережье, не получила здесь подобающей их запросам добычи. Уверенные в своей силе, карагинцы решили идти через перевал на запад Камчатки. Ночь застала воинов в горах. Проснувшись утром в густом тумане, они, к своему ужасу, поняли, что окружены. По раздающемуся со всех окружающих гор свисту, по мелькавшим тут и там искаженным туманом теням стало ясно, что количество врагов неисчислимо и в битве спасения не будет. В панике коряк-воины стали разбегаться, и все они, сорвавшись в ущелья, погибли. Лишь отец и сын остались на месте и, став один к другому спиной, ждали нападения врага. И стояли так, пока не рассеялся, не поднялся вверх туман. Неприятелей не было, но всюду, сколько видели глаза, столбиками стояли и свистели неизвестные островитянам толстенькие зверьки. Это были черношапочные сурки. И это они «победили» весь тогдашний цвет воинства острова Карагинского.

Таково же положение и с птицами: на Карагинском острове пока не было найдено значительное число видов, характерных для полуострова Камчатка. И вот как я «обыгрывал» это в своей диссертации, приводя пример с дятлами. Работая в Сибири ли, на Камчатском ли полуострове, иногда мы можем видеть большого пестрого дятла, высоко перелетающего между лесными массивами, скажем, с одной гряды сопки на другую. В то же время малый пестрый дятел это расстояние покрывает, перемещаясь с дерева на дерево и только низом. Лично мне за многие десятилетия полевых работ ни разу не приходилось видеть эту птицу высоко летящей, например, через широкую пойму реки. Вот почему большой пестрый дятел смог перелететь через пролив Литке и поселиться на Карагинском острове. Он и на Командорах иногда появляется. А малого пестрого мы в фауне Карагинского острова видеть не можем. Здесь «работает» известный орнитологам так называемый «психологический» фактор, когда некоторые лесные виды птиц категорически против преодоления больших открытых пространств. Да что там больших! Известно же, что прокладка автомобильной трассы через сельву Южной Америки создала непреодолимый психологический барьер для нескольких сутубо лесных птиц. Потому и в моих рассуждениях о дятлах все выглядело логично и вполне научно: «психологический барьер» не есть проблема для расселения только птиц южноамериканской сельвы. Вот вам пример с нашей северной птицей, которая не может преодолеть несколько десятков километров чуждого ей безлесного пространства над проливом Литке. Но, как оказалось, о моих научных размышлениях не знал сам малый пестрый дятел. В то время как я защищал диссертацию в Москве, на острове этого дятла добыл для меня начальник островного маяка Владимир Козаков. Да и потом малых пестрых дятлов, а иногда – и их парочки, на Карагинском острове видели неоднократно.

Мое и ближние к нему поколения россиян выросли под лозунгами, призывающими к «борьбе с природой»,

к ее покорению. Мы уяснили, что не надо «ждать милостей от природы», их у нее надо отбирать, что «природа не храм, а мастерская...», и всячески старались устранить ее «недоделки». К таким «недоработкам» природы была отнесена и «недоукомплектованность» отдельных регионов нашей страны необходимыми, на наш взгляд, видами животного и растительного мира. Это надо было исправлять. Массовое поветрие акклиматизации животных в XX веке охватило немало стран, но больше всех, наверное, поразило нашу Россию.

Кстати, первому своему появлению на острове В.И. Разумовский был обязан той же цели: он вез туда для интродукции ондатр, закупленных в Канаде, голубых песцов с Командорских островов и камчатских соболей. Так летом 1928 года на Карагинский остров была доставлена партия из трех десятков ондатр. Для нашей страны это было первым опытом акклиматизации неизвестного пушного вида. Среди российских ученых единодушия в отношении этого мероприятия не было. Более того, многие категорически выступали против внедрения в нашу фауну чуждых видов животных. Аргументы? Как отреагируют виды веками складывающихся биоценозов на появление нового консумента – потребителя органического вещества? Какие еще конкурентные проблемы создадут вселенцы в устоявшихся экосистемах? А паразиты, болезни, которые новые животные обязательно принесут с собой с другого материка!

Но кто в России слушал ученых? Победили, естественно, «практики».

Ученые настояли лишь на том, что первую ондатру необходимо вселить на территорию, изолированную от необъятных просторов нашей большой страны. В качестве одного из испытательных полигонов и был выбран удаленный Карагинский остров. Здесь, на модельной территории, можно было изучить все вероятные негативные последствия этой операции. Впрочем, похоже, на это никто уже не смотрел. И по прошествии нескольких лет натурализация данного вида на европейско-азиатском материке приняла беспрецедентные масштабы.

На модельном же Карагинском острове эта акция, слава богу, прошла безболезненно: с внедрением в ее биоценозы нового грызуна вымирания других видов этого отряда не произошло. И ондатра из провинции Онтарио до настоящего времени счастливо сохраняет там чистоту своих «канадских кровей».

Акклиматизационный зуд в сознании некоторых наших специалистов не утих еще и в конце двадцатого столетия. Уже работая во ВНИИ охотничьего хозяйства, я случайно узнал о тлеющем в ближайшем нашем окружении понастоящему серьезном «заговоре» против фауны моего острова. Как оказалось, один из наших научных сотрудников уже договаривается с доктором наук из Новосибирска о переселении на Карагинский остров партии европейской норки. Сравнительно недавно вид этот неплохо чувствовал себя в западных районах нашей страны. Но практики охотничьего хозяйства решили, что в качестве пушного промыслового объекта для России более выгодна норка американская. Решили и тотчас начали расселять по стране новый вид. Вселенец оказался более сильным и агрессивным, вид-хозяин начал быстро хиреть, исчезать с исконных своих местообитаний. Вполне естественно, что ученых это не волновать не могло.

Привезли американскую норку и для выпуска в охотничьи угодья Камчатки. До острова, слава богу, не добрались. И вот на свободную от американской норки территорию обратили внимание радетели угнетенного вида. Они и связались с одним из моих коллег по институту на предмет образования «анклава» европейской норки на Карагинском острове. Это могло бы стать подлинной бедой для его фауны. Новый хищник, не имеющий в предлагаемой ему экологической нише ни конкурентов, ни врагов, — это трагедия для целого ряда животных и, прежде всего, для многих видов птиц. О той же островной ондатре сейчас мы с вами знали бы только из давнишних научных публикаций.

Жестких радикальных мер для подавления инициативы нашего коллеги не потребовалось, мне хватило мер ультимативно-дипломатического характера.

Одним из главных персонажей фауны млекопитающих Карагинского острова, несомненно, является лисица. Почему? Сначала обратимся к одному историческому документу.

«С рассветом приступили мы к описи Верхотуровского острова... на котором видны... следы посещений олюторцев и камчадалов, которые переезжают на этот остров для промысла чернобурых лисиц... Зверь этот до сих пор водится исключительно тут, на Карагинском острове нет его вовсе и на соседнем матером берегу весьма немногo. Суеверная какая-то боязнь, заставляющая олюторцев, по словам Штеллера, беречь этого зверя, объясняет, может быть, то странное обстоятельство, что его до сих пор на таком малом пространстве совершенно не извели».

Так писал Ф.П. Литке в книге «Путешествия вокруг света на военном шлюпе “Сенявин” 1826–1829». Это было заблуждением Федора Петровича. И привели великого мореплавателя к данному ошибочному мнению, конечно же, имевшиеся в его распоряжении «известия» об этом крае. О часто встречающихся неточностях, получаемых им из этих «известий», сам Литке пишет: «Подобные несообразности в сведениях от полудиких людей через диких же переводчиков неизбежны».

На самом деле не остров Верхотурова, а именно Карагинский был издавна и по сию пору славен обилием лисиц редкостных цветовых вариаций: чернобурок, крестовок, сиводушек. Вот что узнаем мы из датированного 13 октября 1941 года письма государственного инспектора охоты Михайлова: «На острове числятся в наличии 300–350 лисиц, из которых 20 % чернобурых, 50 % сиводушек и 30 % красных».

После похода Литке прошло столетие, а лисица Карагинского острова продолжала волновать умы ученых и специалистов охотничьего хозяйства. Островная «чернобурка»

*Молодая лисица еще не видела человека,
и ей хочется посмотреть, что это за зверь*

являлась притчей во языцех едва ли не всех исследователей, когда-либо здесь побывавших или касающихся фауны острова, что называется, заочно. Вопрос о селективном клеточном разведении карагинских лисиц с необычной окраской меха возникал и умирал неоднократно. Сейчас передо мной лежат несколько научных статей и отчетов, и в редком из этих трудов не увидишь рекомендаций по клеточному разведению на острове «цветных» лисиц и голубых песцов. «Карагинский остров представляет собой островное хозяйство голубых песцов до 10 000 штук и будет заселен туземцами-лисоводами, которые на отведенных им участках научатся разводить в питомниках черных лисиц», – читаем мы в одной из таких далеких от жизни научных публикаций.

В 1928 году В.И. Разумовский осматривал распланированную территорию будущего островного питомника лисиц и верил в прибыльность здесь клеточного разведения животных. Но уже два года спустя он говорил о перспективности Карагинского острова только в качестве «натурального

зверового рассадника» и рекомендовал лишь вольное разведение ценных пушных животных в их естественной среде обитания.

Другие же ученые и охотоведы, побывав на острове летом и дивясь благодатному микроклимату срединной части его западного побережья, впадали в добросовестные заблуждения. Им, очевидно, не приходило в голову, что у госпожи Погоды может быть и совсем другое настроение.

В 1928 году на острове уже имелась метеостанция «второго разряда», очень хорошо для того времени обеспеченная необходимым оборудованием и приборами. Надо признать, что установка ее в центре западного побережья была удобна лишь для людей, ее обслуживающих. Но она, очевидно, весьма мало отвечала своему основному предназначению. Нередко, когда над восточным побережьем острова, на его севере и юге, так же как и над Оссорой, висели густые морозящие туманы, когда там шел дождь, над бухтой Ложных Вестей и над самой метеостанцией ярко светило солнце. В такие дни «создателями» хорошей погоды в двух главных населенных пунктах острова и в их ближайших окрестностях являются Центральный и Западный горные хребты Карагинского острова. Им не под силу сдерживать лишь более сильные восточные ветры, а западные и северные, по крайней мере, в летнюю пору, почти никогда не несут сырого ненастья.

Зима на острове со времени установления устойчивого снежного покрова до его разрушения длится около семи месяцев. Три четверти осадков в двух главных населенных пунктах выпадают в виде снега. В самые мягкие зимы здесь фиксируется около сорока дней с пургами, но бывают годы, когда суммарная продолжительность выюжных дней занимает полные три месяца. До двадцати двух дней с метелями в декабре, еще больше в январе (и это в самой благоприятной точке острова) – таковы малоприятные сюрпризы здешней погоды.

Первый настоящий питомник для разведения чернобурых лисиц был построен в полутора километрах от устья

реки Гнунваям (Унунну-уаям) летом 1929 года. Всего лишь одной пурги хватило, чтобы все строения фермы с ее клетками и огораживающим забором превратились в один сплошной утрамбованный снежный холм. Погибли восемь из шестнадцати лисиц. Летом следующего года питомник перестроили в расчете на девяносто животных. Из Владивостока на остров были привезены пятьдесят закупленных в США серебристо-черных лисиц. И только нескончаемый в течение всей зимы адский труд персонала питомника спас дорогих животных от гибели в последовавшую за тем зиму. Лисиц вывезли обратно, сама же идея развития клеточного звероводства так и осталась лежать под зимними сугробами Карагинского острова.

Впрочем, неудачи в развитии клеточного звероводства на Карагинском острове не были забыты. В 1937 году точку в этом «деле» поставили чекисты, объявившие народу, что погодно-климатические условия острова здесь были ни при чем. Эти неудачи явились «несомненно результатом подрывной работы врагов народа, орудовавших в АКО». О чем широкой общественности страны было сообщено автором одного солидного научно-географического печатного источника, опубликованного ленинградским издательством в 1938 году.

Бухта Ложных Вестей

Мне показалось, что я всего на какой-то короткий миг прикрыл глаза и тотчас открыл их. Но было уже утро – утро 22 июня 1966 года. Едва осознав, где нахожусь, я буквально вылетел из кровати. Юра проснулся раньше, и на плите уже закипал чайник. Меня же переполняло ожидание чего-то необычного, праздничного. Скорее, скорее на берег! Там со вчерашнего вечера нас ждала «Казанка», а минимума бензина, взятого нами еще из Оссоры, на сегодня должно хватить. Сегодня мы идем на косу Лекало.

Собирая кофр, служащий мне и походной сумкой, укладывая к «Зениту», телевику, пленкам еще и бинокль, дневник, с десятков патронов с мелкой дробью, крахмал и салфетки – это нужно для сборов птиц, я заметил поднимавшегося к нашему дому «гостя». Это был Иван. Зашел тихо, поздоровался. Ему явно нездоровилось, и было видно, что это уже не вчерашний «диктатор», а другой человек. Я пригласил гостя к столу, достал бутылку водки. Он самостоятельно, притом очень скромно, определил «норму»: нужно было «поправить» больную голову. К чести Ивана Найдёнова надо заметить, что на самом деле он оказался добрым, отзывчивым, готовым в любое время прийти тебе на помощь человеком. Не знаю, что нашло на него в ту первую нашу встречу. А пока, находясь под ее впечатлением, мы не очень-то были расположены к теплоте с ним общению. Сейчас же он решил самый важный для нас вопрос – объяснил, где находятся бочки с бензином и автолом, добавив, что мы можем брать горючего столько, сколько нам надо. Соответствующий документ от руководства рыбокомбината мы ему передали.

Через пятнадцать минут «Казанка» уже несла нас по утреннему, идеально гладкому зеркалу бухты к основанию косы Лекало.

Подобно причудливому плавнику огромной рыбы, от западного побережья острова вдоль русла пролива Литке с севера на юг протянулся 18-километровый клинок косы Лекало. Для меня конфигурация этого удивительного природного образования ассоциируется лишь с одной «козой» – плавником кита-косатки. Оторвавшись от островного побережья в устье реки Маикинваям, плавно изгибаясь, эта коса рождает акваторию с поистине романтическим названием – бухта Ложных Вестей. Откуда столь интригующее название? В далеком 1828 году Федор Петрович Литке, исходя из имеющихся у него «известий», надеялся найти здесь полностью защищенную от ветров гавань, но, к своему разочарованию, обнаружил эту «открытую бухту», которая,

как он пишет, «нимало не походила» на искомое. Наверное, за это и получила от знаменитого мореплавателя бухта такое имя. Косу Лекало и в Оссоре, и здесь многие зовут косой Семёнова. На самом же деле это название было присвоено лишь мысу, самому острию косы. Так великий Литке увековечил имя своего верного соратника – поручика Семёнова, который вместе с мичманом Ратмановым делал первые «описи» побережий острова. Кстати, об увековечении имен: пролив Литке, разделяющий остров Карагинский и Камчатку, был назван так отнюдь не самим Федором Петровичем, а его благодарными соотечественниками.

Едва высадившись на косу и вытащив лодку подальше на песок пляжа, мы вдруг услышали панический, безнадежно тоскливый крик крупной чайки. Такой вопль могла издавать птица, осознающая свою скорую неизбежную гибель. Готовый к драматическому зрелищу, я поднял голову и высоко над собой увидел судорожно машущую крыльями, в панике улетавшую в сторону моря тихоокеанскую морскую чайку и двух

Длиннохвостый поморник – гроза крупных чаек и гагар

стремительно мчавшихся ей вслед соколов. Острые крылья, стреловидное устремленное вперед тело и неукротимая отвага виделись мне в этих двух маленьких хищниках. Будь я горожанином, не знавшим птиц, так бы и запомнил этот эпизод, как воспринял его с первого взгляда. Но это были не соколы – за чайкой гналась парочка длиннохвостых поморников. Они просчитали точно, что летящая откуда-то с верховьев реки «толстая матрона» переполнена пищей. И не жизни этой птицы угрожали поморники, и сама чайка, вероятно, знала, что сейчас ей всего лишь придется расстаться с частью своей добычи. До тех пор эти рэкетиры птичьего мира будут гонять огромную по сравнению с ними «родственницу», пока не отрыгнет она часть своей пищи. Да что там чайки! Маленькие смелые разбойники не прочь напасть даже на гагара. В дальнейшем, путешествуя по острову, мы неоднократно видели, как эта сильная птица, спасаясь от поморников, с лету плюхалась на воду и тотчас исчезала с поверхности. Поморники улетали, а гагара, вынырнув, потом еще долгое время с опаской смотрела на небо.

В этот раз воздушный конфликт, как и ожидалось, был исчерпан лишь после получения «дани». Я огляделся. Мы находились в основании косы Лекало, «фундаменте» этого грандиозного сооружения. За чистым песком пляжа и узкой полосой пионерной прибрежной зелени развертывалось волнистое полотно тундры. На взгляд трезвого человека, все здесь было обыденным. Но я был пьян! Пьян этим привольем, запахом особой приморской прели, издаваемой оставленными морем водорослями, этим совершеннейшим безлюдьем, изумительной голубизны небом и звенящими в нем прекрасными песнями лапландских подорожников. Да, при всей своей северной скромности окружающий мир был завораживающе прекрасным. И украшенный изумительной погодой день этого первого нашего свидания с косой Лекало нам казался, нет, не казался, а на самом деле был великолепным дорогим подарком.

На водном зеркале бухты, которое мы несколько минут назад разрезали нашей лодкой, сейчас не видно было даже мельчайшей ряби. Кажется, что бухта замерла, залюбовавшись, как и мы, прекрасной погодой. Это уже не морской залив, это небо, манящее и бездонное, опрокинулось вниз. И это не над водой, а над перевернувшимся вдруг небосводом, подобно бабочкам, но при этом тихо меж собой перекликаясь, спокойно порхают алеутские крачки. То одна, то другая из них останавливаются, порхая на месте и удивленно вглядываясь в почему-то упавшее вниз голубое небо. Желая проверить, действительно ли совершилось такое чудо, птицы одна за другой падают в эту манящую голубизну, но, встретив вдруг водную преграду, будто в испуге тотчас взмывают вверх. Я засмотрелся на этих, таких легких и удивительно изящных, чаечек, и кажется, что они так же, как и я, были сейчас безмятежны и счастливы.

И вдруг снизу вверх, как будто вынырнув из самой тундры, к крачкам явно с недобрыми намерениями устремилось хищное создание. Чеглок?! Нет же, я опять ошибся. Это поморник, но уже короткохвостый. И, конечно же, его интересовали именно эти, еще секунды назад такие безмятежные, крачки. И я вновь становлюсь свидетелем захватывающего зрелища.

В отличие от своего ближайшего родственника, на Карагинском острове короткохвостый поморник в качестве объектов для разбоя отдает явное предпочтение алеутской и полярной крачкам. Реже, как нам показалось, он эксплуатировал третий вид островных крачек – речную.

Если крупные жертвы поморников при виде настигающего их хищника нередко впадают чуть ли не в настоящую истерику, миниатюрные, легкие крачки в подобной ситуации, мне кажется, не испытывают страха. Преследование поморником крачки совсем не кажется «несправедливым» угнетением сильным слабого. Практически каждый раз встреча этих двух видов превращается в красивейший поединок двух

непревзойденных воздушных асов. В нем нет шаблонов, каждый раз это импровизация захватывающих своей красотой фигур высочайшего пилотажа. Нередко на выручку подвергшейся нападению птице сразу же устремляются одна-две другие крачки. И тогда над побережьем завязывается настоящий «воздушный бой». Помощь отважных крачек – не имитация нападения, они действительно хотят поразить агрессора своими клювами. И, догоняя выбранную жертву, поморник сам должен уворачиваться от острых пик ее защитников. И все же часто у преследуемой крачки не выдерживают нервы, и она отрывает-таки требуемую настырным грабителем только что пойманную маленькую рыбку. Именно этого и хотят от своей жертвы тот и другой поморники, они практически всегда успевают на лету подхватить брошенный им «выкуп» и, тотчас забыв о своих «фуражирах», улетают. В других случаях, и я не знаю, бывает ли это реже, поморник проигрывал сражение и летел искать более покладистую жертву.

Глядя на этих двух достойных противников – поморника и крачку, – поневоле думаешь о великой мудрости матери-Природы, создавшей преследователя и преследуемого, хищника и жертву. Из века в век при смене тысяч и тысяч поколений они совершенствуют один другого, оттачивают мастерство нападения и сопротивления ему, и каждый лишь выигрывает от этой непрекращающейся борьбы. В биологии такая форма совместного сосуществования двух различных видов получила название коэволюции, что с латинского можно перевести как «изменяться вместе».

Более точного народного названия, закрепившегося за этими двумя хищными чайками, придумать, наверное, невозможно. Их – длиннохвостого и короткохвостого поморников – называют «разбойниками». Видовое латинское название длиннохвостого так и переводится, «латынь» другого – паразитикус – тоже говорит сама за себя. Книжные же русские свои названия они получили по двум центральным парам хвостовых перьев. У короткохвостого поморника

они выдаются из хвоста двумя острыми, редко – сантиметров до десяти, стрелками. В «боевом» полете он резок, в погоне разворачивается мгновенно и практически под любым углом, именно таким должен быть разбойник, чтобы гоняться за юркими крачками. У длиннохвостого поморника центральные рули значительно длиннее и, можно сказать, эластичнее, воздушные охотничьи развороты его кажутся более изящными и, я бы сказал, «аристократичными». Благодаря таким различающимся талантам эти виды и смогли безболезненно разделить между собой жертвы паразитирования.

Поморники всеядны и могли бы жить, не паразитируя на других видах, так как способны прекрасно добывать пропитание подобно другим чайкам более «честным» способом. Может быть, разбой – всего лишь хобби этих птиц? По нашим данным, на Карагинском острове длиннохвостые поморники разнообразят чисто чайчью рыбную диету ягодами брусники, шикши, не брезгают гусеницами. В пищевом тракте поморников короткохвостых мы находили останки серых полевок, молодого подорожника, желтой трясогузки, чечевицы. Приходилось нам наблюдать и сам факт убийства парой этих поморников куличка фифи, а как-то они явно с недобрыми намерениями упорно преследовали стаю больших веретенников. И здесь еще надо посмотреть, что является бóльшим разбоем: отъем у птиц пищи или их убийство.

Вполне естественно, что эти два вида с равными хищническими наклонностями в период гнездования должны быть разделены территориально. На преобладающей части их ареалов длиннохвостый поморник является как бы более «континентальной» птицей, селится дальше от моря, предпочитая сухие тундровые участки. В период размножения он занимает довольно обширную гнездовую территорию, с которой изгоняет даже случайно залетевших чужих особей своего вида, не говоря уже о поморнике короткохвостом. Последний же обычно селится в узкой приморской полосе, при этом он более терпим к близко живущим соседям своего вида.

И вот, едва отойдя от лодки не более чем на сотню метров, я вдруг обратил внимание на необычное обилие поморников, сидящих попарно на всем видимом мне пространстве тундры. В общем-то, их было не так много, но не менее десяти пар – это точно. В бинокль было хорошо видно, что это поморники двух видов, и расстояние между парами не превышало ста метров. Если они сидят на кладках, то это практически смешанная гнездовая колония. Или птицы здесь всего лишь вместе охотятся и сейчас отдыхают?

Итак, необходимо найти гнезда обоих видов. Но как сделать это на однообразном рельефе тундры? Птицы точно просчитают мои намерения и сойдут с гнезда задолго до моего появления рядом с ним. А их зеленовато-бурые, испещренные коричневыми пятнышками яйца почти не отличаются от такого же цвета здешней тундровой растительности.

До ближайшей пары длиннохвостых около ста пятидесяти метров. И вот, буквально вцепившись взглядом в место предполагаемого гнезда, не глядя под ноги, я иду к птицам. Только бы не потерять нужной точки на этой однообразной тундровой поверхности. Вот поднялся и устремился прямо на меня один член пары, следом слетела вторая птица, и их надо мной уже две. Краем глаза вижу, что подлетает третий, затем и четвертый поморники: забеспокоились и идут на выручку соседи. На птиц я не смотрю, так как не должен спускать глаз с места подъема первой пары. И тут над моей головой раздается пронзительный, злой, стремительно приближающийся крик. Вскинув голову и увидев летящий на меня яростный комок перьев, я невольно присел. И все... нет больше точки на тундре, где минуты назад предположительно на кладке сидел поморник.

Продолжаю идти в выбранном направлении, и вот уже гнездо где-то рядом: у одной из птиц вдруг подломилось крыло, и она с болезненным криком упала недалеко от меня. Поморник начинает прямо-таки остервенело рвать клювом свое ставшее бесполезным, предавшее его крыло. И этого мало:

сломанной оказывается еще и одна нога, и птица с писком старается подальше уползти от меня, волоча по земле перебитое крыло и отталкиваясь одной здоровой лапкой. Чуть дальше беспомощно падает на землю второй поморник, но он демонстрирует свою немощность заметно менее активно. В отдалении несчастье случается и с подлетевающей парой соседей: они также лишились способности к полету, но и их расстройство по этому поводу не идет ни в какое сравнение с эмоциями первой птицы. Да, можно представить, перед каким выбором (за кем бежать?) встала бы сейчас оказавшаяся здесь вместо нас лисица. А я просто не могу оторвать глаз от первой, ближней ко мне, птицы: ее артистические способности неподражаемы. Трудно, действительно трудно поверить в то, что меня сейчас всеми силами пытается обмануть существо, лишенное разума, что все это переполненное экспрессией представление продиктовано всего лишь какими-то непостижимыми инстинктами и рефлексам в общем-то «неумного» существа.

Второй член пары какое-то время еще вяло пытался имитировать обманные приемы, но быстро успокоился и, как казалось, безучастно сидел недалеко в стороне. На его беду, он имел на удивление длинные центральные рулевые перья, и этим, по моему мнению, представлял большой интерес в качестве коллекционного экземпляра. Подняв поморника на крыло, я выстрелил. Увидев падающий сверху безжизненный комочек перьев, первая птица с громким горестным криком тотчас бросилась к нему. Я подходил, до птиц оставалось уже не более четырех, затем – трех метров, а она, живая, стелая, теребила и теребила, пыталась клювом поднять мертвое тельце с земли. Сколько же неподдельной, настоящей боли было в ее крике!

Я – полевой зоолог, к тому же еще и охотник по перу, мне немало приходилось собирать птиц для научных коллекций, много стрелять их. И было всего лишь три поразивших меня эпизода из моей полевой практики. В августе 1964 года,

собирая научную коллекцию птиц в долине реки Камчатки, я отстрелял молодого мохноногого канюка, очевидно, последнего оставшегося в живых из выводка этого года. Самка-мать видела, как я укладывал ее птенца в рюкзак, и более двух километров летела следом за мной, тихонечко подавая голос, звала и звала его. Лишь в поселке птица перестала меня преследовать. Описанный мною случай с поморниками – второй. Третий произошел в мае 1975 года на реке Морошечной, когда я добыл для коллекции алеутскую крачку. Та же сцена припадания второго члена пары к тельцу убитой птицы, попытка вытащить, поднять его из прибрежной грязи, несогласие с его гибелью. И опять этот совершенно особый горький крик потери! Уже после того, как я забрал добытую птицу, вторая крачка вновь и вновь возвращалась к месту ее гибели, подлетала ко мне и кричала, кричала... Это, я утверждаю, был пронзительный крик горя. При других обстоятельствах такого не услышать никогда.

Гнездо на косе Лекало мы нашли, его углядел Юра. Потом здесь же обнаружилась и кладка короткохвостого поморника. В этот год на косе явно гнездились, по крайней мере, не менее десяти пар этих двух видов. Рядом находилось несколько поселений крачек, на берегу косы, ее лагун постоянно держались многие десятки, чаще – сотни, холостых тихоокеанских и сизых чаек, немало гнездилось и птичьей мелочи. Пищи для разбойников хватало, возможно, этим и объясняется такая терпимость их к близкому присутствию пищевых конкурентов.

В последующие свои приезды на остров здесь же, на косе Лекало, я неоднократно встречал и третий вид из этого разбойного племени – среднего поморника. Он заметно крупнее своих собратьев, отличается от них и своеобразным строением средней хвостовой пары перьев. Но в способах добывания собственного пропитания данный вид не оригинален, это точно. Моя мечта еще об одном небольшом орнитологическом открытии, о находке здесь гнезда и этой птицы не сбылась,

она просто не могла осуществиться, так как средний поморник гнездится далеко в Заполярье.

В экспедициях на Карагинский остров мне пришлось добывать поморников, тушки их сейчас находятся в научных коллекциях МГУ. К сожалению, при таких работах отстрел какого-то числа птиц бывает необходим. Рассказ о «разбойных наклонностях» поморников отнюдь не говорит о каком-то отрицательном моем отношении к ним. Это действительно красивейшие, совершеннейшие создания нашей Природы. Добыча даже очень интересного с научной точки зрения экземпляра какого-то вида мне почти всегда приносит больше сожаления, чем радости от удачи. Описанные же здесь редкие случаи из моей полевой практики заставляют задуматься над истинностью некоторых научных догм, забытых в наши головы в институтах. А непроходящие воспоминания об этих трех эпизодах постепенно стали отвращать меня от ружейной охоты.

Домик Марковых. Обработка собранных материалов. 1966 г.

Село Ягодное

До сороковых годов поселение аборигенов в устье Гнунва-ям (в те годы эта река звалась Унунну-уаям) значилось просто «факторией». Как известно, так назывались торговые конторы или поселения, которые в отдаленных районах устраивались купцами, закупающими, выменивающими у местных охотников их продукцию. В СССР фабрики с той же целью организовывались государством. Когда и от кого такое название пристало к селению коренных жителей Карагинского острова, сейчас сказать трудно. Скорее всего, со времен до-советских: немолодые коряки говорили мне, что помнили времена, когда на остров специально за пушниной прилетал американский гидросамолет. В фактории жил поп, американцы специально для него привезли деревянный дом-церковь. Боюсь, что здесь местные жители что-то путали. В истории зафиксирован факт посещения Карагинского острова в 1910 году генерал-губернатором Приамурья Унтербергером. В результате этого визита в следующем году на острове «на средства казны» была построена небольшая церковь.

Поп, как продолжали рассказывать коряки, выменивал у аборигенов для американцев пушнину, с каждого рождения ребенка за крещение брал по две-три шкурки лисицы-чернобурки или соболей. Он и вызывал по радию самолет. Брали американцы также шкуры лахтаков и нерп. Потом русские «энкэвэдэшники» попа забрали, и, конечно же, он оказался «белогвардейцем» и «американским шпионом». Впрочем, по другим изустным источникам-«преданиям» старожилов, в 1924 году батюшка успел отбыть с острова с американцами, а чекистам от него в виде трофеев достались лишь какая-то пушнина и бензин.

«Советизация» острова прошла в 1923–1924 годах, организация «советского хозяйства» – в 1926–1927 годах. В 1936 году здесь в результате коллективизации стала функционировать артель «Новый товарищ».

Селом Ягодным, об этом говорили мне «островитяне», фактория стала называться в середине 1940-х годов с «благословения» бывшего председателя здешнего колхоза «10 лет национальных округов» Н.Е. Гейченко. На острове Гейченко появился вместе со своим другом и тезкой Дуюновым вскоре после завершения войны. На фронте два боевых друга, два Николая воевали в одном танке и потом вместе то ли по велению сердца, то ли «по воле партии» прибыли сюда поднимать хозяйство далекого Карагинского острова. Все, кто рассказывал мне о бывшем председателе бывшего островного колхоза, говорили о нем с искренним теплом и большим уважением. В своем письме ко мне Гейченко сообщил, что Ягодным село называли еще до него, но я уверен, что Николай Ефремович говорил так только из скромности.

23 июня 1966 года. Два гордых независимых человека (это мы с Юрой) входят в селение аборигенов, село Ягодное. Стараясь увидеть все сразу, мы тем не менее оказались очень невнимательными, и пожилой коряк, стоявший около своего дома на самой окраине села, первым поздоровался с нами. Не спрашивая, кто мы и зачем приехали (наверное, он и так догадался, что мы «геологи»), хозяин пригласил нас в дом «чаевать». Переглянувшись, мы не решились, постеснялись отказаться от вежливого приглашения и нехотя вслед за хозяином вошли в дом. Первое, что я испытал, едва шагнув через порог, это был стыд – стыд за себя. Юра потом сказал мне, что и он был шокирован. Мы были посрамлены в привезенном с собой предвзятом мнении относительно чистоты жилищ островных коряков. Лично меня поразили только недавно выкрашенные и уже с утра чисто вымытые полы, добела выскобленный обеденный стол, чистенькие белые марлевые пологи над кроватями. Нет, эти люди не ждали гостей, таков был их уклад жизни в селе.

Мы с удовольствием пили чай с добрыми хозяевами, рассказывали о себе: что нас интересует, расспрашивали о предстоящем нам маршруте по морю, в деталях пытались уяснить

условия прохода на лодке вдоль побережий, около мысов (простой рисунок острова у нас все же был). В не меньшей степени нас интересовали сведения о размещении нерпичьих лежбищ и, уж конечно, – птичьих базаров. Хозяин дома, Елизар Иванович Котлов, очень подробно все объяснял. Достоинство, светившееся в глазах, доброжелательность, спокойная речь говорили о незаурядности этого старого коряка. Как много он мог нам еще рассказать об острове и его людях!

В первых своих заметках тех лет я написал, что, по слухам, Елизар Котлов был последним шаманом Карагинского острова и этим, как потом оказалось, очень насмешил местных жителей, прочитавших мои рассказы. Котлов в тот наш приезд был действительно очень уважаемым всеми человеком, бригадиром оленеводов-колхозников. И как же жаль, что я больше не встретился с ним. После этой первой и единственной нашей встречи пройдет сорок лет, и из книги М.А. Сергеева «Советские острова Тихого океана» я узнаю, что еще в самые первые годы АКО комсомолец Елизар Котлов являлся руководителем Карагинского островного национального совета. А я записал его в шаманы.

Село Ягодное оказалось довольно многолюдным. Нас встречали старожилы острова, многих из которых я потом уже не встречал никогда. И на удивление много в это лето в селе собралось молодежи, приехавшей на родину из интернатов и техникумов. Село звенело молодыми голосами, смехом; и мы с Юрой, занятые своими делами, не раз замечали сверкающие откровенным любопытством девичьи взгляды.

В отличие от поселка Островного, национальное село Ягодное удивительно гармонично вписывалось в окружающую его природу, было как бы неотъемлемой частью ее. Островерхние юкольники – строения, формой своей не характерные для русских селений, – казались очень естественными на фоне поднимавшихся вдали гор. Совершенно не портили окружающего пейзажа и полтора десятка небольших, стоявших разброс, где кому нравится, домов. Так же, само

*Юкольник – типичное северное «строение»:
внизу сушится рыба, наверху хранятся продукты*

по себе, стояло здание бывшей школы. Вот это массивное бетонное строение было здесь единственным чуждым окружающей обстановке.

По деревне шла одна более или менее набитая дорога, а между домиками сохранялась самая настоящая ягодная тундра. В июне-июле она расцветала морошкой, княженикой, шикшей, брусникой. В августе созревали ягоды, да так густо, что ведро княженики, например, можно легко было собрать в тридцати-пятидесяти метрах от одного дома, зато прямо под окнами другого, соседского. В этом мы имели возможность убедиться уже в следующие свои посещения острова. Вот откуда это название – Ягодное.

Меня, орнитолога, конечно, прежде всего интересовали птицы. Я сразу же обратил внимание на хорошие отношения в селе людей и птиц. Не сказать, что местные жители питали какую-то сентиментальную привязанность к своим пернатым соседям. Нет, это было просто хорошее спокойное сосуществование: у людей не было в мыслях обижать птиц,

а те доверчиво относились к людям. Особенно же тогда меня поразили шуры. Эти птицы вообще очень спокойны и не испытывают боязни перед человеком даже в лесу. Но лишь в Ягодном я увидел, как розовые шуры-самцы деловито, точь-в-точь как домашние куры, собирали с земли корм у порогов домов едва ли не под ногами у маленьких детей.

Белые трясогузки гнездились в селе под крышей каждого дома, в каждом юкольнике. Вероятно, за всю историю совместной жизни в этом селе людей и птиц пернатые не испытывали такого массового стресса, столько беспокойства, как с нашим здесь появлением. Мы с Юрой бесцеремонно вытаскивали из гнезд птенцов и каждому на лапку надевали кольцо. И дети, и взрослые наперебой показывали нам гнезда трясогузок, однако взрослые коряки, как мне показалось, смущаясь своей заинтересованности нашей работой, не забывали ехидно над нами подшучивать. И особенно острым на язык, я это заметил сразу, был небольшого роста горбатенький абориген Иван Тимофеевич Лазарев.

Мы остановились, лишь когда в деревне не осталось ни одной не перепутанной нами трясогузочьей семьи. После этого объяснили наконец собравшемуся поглазеть на нас всему мужскому и детскому населению Ягодного, для чего это делается. Я расспрашивал их о птицах, заносил в полевой дневник интересные для меня сведения. Один из жителей (это был Михаил Котлов) сходил домой, принес и дал мне два крупных яйца. Одно из них, серовато-оливковое с бурыми пятнами, было явно чачье. Второе же, чисто белое и более округлое

*Белые трясогузки –
добрые соседи аборигенов*

по форме, как объяснил Михаил, в мае было взято «здесь недалеко», на реке Кетовой, из орлиного гнезда. Судя по описанию настоящего «хозяина» яйца, оно принадлежало бело-плечему (тихоокеанскому) орлану. Яиц орланов я раньше не видел, но меня поразило другое: яйцо чайки по своим параметрам – длине и ширине – превосходило орлиное. Вечером я взвесил яйца, и чайчье – это был действительно великолепно-экземпляр – при весе 132,6 грамма чуть-чуть, но опять «победило» яйцо орлана. Эта чайка гнездилась на островке Птичьем, находящемся где-то там, на восточной стороне острова. Птичий! Надо ли говорить, что с этого момента он стал одной из важнейших целей моего присутствия здесь!

Ягодное подарило мне еще одно приятное орнитологическое открытие. Когда в гостеприимном селе все наши дела на сегодня были закончены и мы шли к своей лодке, чуть ли не из-под самых наших ног выбежала сильно встревоженная мородунка. Этот симпатичный куличок, насколько я знал из литературы, должен был гнездиться далеко к северу от здешних широт. Но птица была явно с детишками, и они, скорее всего, где-то здесь, совсем рядом. Пока мы, боясь сделать неосторожный шаг, внимательно всматривались в траву, у од-

Мородунка с малышом. 1966 г.

ного не далее как вчера родившегося малыша не выдержали нервы, и он бегом бросился искать более надежное, на его взгляд, место укрытия. Я, конечно же, не мог позволить ему скрыться, и отважная мать с тревожным

тонким свистом бросилась к самым моим ногам. Быстро надев на маленького куличка колечко, я буквально «с рук на руки» передал его матери, и она, будто нас здесь и не было, сразу же присела, забрав кроху под себя.

Наши будни. Найдёновы

В течение следующих дней мы предприняли несколько маршрутов по ближайшим окрестностям, дважды побывали на косе Лекало. В одно из посещений косы мы с Юрой стали свидетелями интересного атмосферного явления. Весь остров был залит солнцем, комаров еще не было, и мы едва ли не голышом слонялись по косе в поисках гнезд. А над бухтой Ложных Вестей зависло, а затем стало уплотняться как будто бы из ничего образующееся облачко. И вдруг оно прохудилось, притом прохудилось изрядно. Излившись быстрым дождем, облако, словно его и не было, испарилось.

В этот свой первый островной год я представить себе не мог, что когда-то буду готовить и защищать диссертацию по фауне птиц Карагинского острова. Но буквально все свои наблюдения, даже самые, казалось бы, незначительные, все, даже не совсем научные, соображения я сразу на ходу заносил в маршрутный дневник. Вечером все, но уже начисто и более осмысленно, переносилось в другой полевой дневник. Я просматриваю дневниковые записи тех дней: учеты птиц на кочкарниковой тундре, замеры гнезд и яиц, опять учеты, описание птенцового оперения крачек и так далее и тому подобное. Это наши рабочие будни, рассказ о которых может быть интересным лишь для специалистов-орнитологов. И потому сейчас из многочисленных своих записей стараюсь достать лишь некоторые наблюдения тех дней.

На Карагинском живут два вида куропаток – белая и тундряная. Летом они делят территорию острова на два «государства»: равнинные ландшафты принадлежат белой

куропатке, горную зону захватывает тундряная. Не случайно последнюю здесь, как и по всей Камчатке, называют горной куропаткой. Летом общение этих двух крылатых народов происходит в основном в пограничной полосе, где они иногда гнездятся бок о бок. Зимой же белые куропатки мигрируют по всему острову.

На одном из своих маршрутов в сторону гор, пересекая забитый снегом распадок, я увидел протаявшую снежно-ледяную корку, под которой виднелся трупик белой куропатки. Ее пока еще не нашли ни горностаи, ни лисица, снежник сохранял девственную чистоту, но и эта чистая страница подробно рассказала мне о произошедшей здесь трагедии.

Зимой в предвечерних сумерках куропатка, как всегда, с лету упала в сугроб. Упала и закопалась. Хорошо в снегу: и тепло, и все слышно. Поверхность сугроба сейчас стала для птицы крышей, сложенной из множества снежинок, как из черепицы. На морозе, предупреждая о потенциальной опасности, снежинки хрустят даже под легкими прыжками горностая. Веками от зимней стужи и от врагов куропатки спасаются под снегом. Но бывает, что он их и губит. Очевидно, в тот последний для этой «путешественницы» день дул восточный морской ветер, было относительно тепло, и снежинки чуть подтаяли. В ночь теплый восточный ветер стих, и тут же с горных хребтов вниз стал стекать холодный морозный воздух. Он быстро сковал ослабшие в тепле снежинки в единое целое. Утром бедная птица била снежную корку и крыльями, и головой. Она так и вытаяла с приподнятыми вверх побитыми на суставах крыльями и с застывшей кровью на голове. Погибла куропатка от истощения.

Скорее всего, здесь ночевала не одна птица, а стайка куропатов, но тем хватило силы пробить наст, и она осталась одна, самая слабая. Законы естественного отбора в природе неумолимы.

Птицу я положил на виду, пусть ее найдет лисица. Она сейчас, наверное, уже кормит своих детей, и эта погибшая

куропатка избавит лисицу от необходимости ловить живую птицу. А у той, в свою очередь, будет больше шансов выжить, успешно высидеть кладку и вырастить своих птенцов. Таковы цепи взаимоотношений в природе: даже мертвое звено может сцеплять несколько живых, и жизнь одних сохраняется за счет уже умерших.

Летом на острове любая мало-мальски сохранившаяся отдельно стоящая постройка, будь то домик, юрта, юкольник или даже шалаш, дает приют паре белых трясогузок. Очевидно, тяга у них такая к элементам культурного ландшафта. Но, вероятно, из-за личных взглядов этих птиц на минимум площади гнездового участка больше одного гнезда в одном строении мне видеть не пришлось. Трясогузок же на Карагинском острове значительно больше, чем домов и юкольников. Потому птицы, не успевшие захватить «хоромы» побогаче, строят свои гнезда и под выброшенной морем дощечкой, и под кустиком кедрового стланика, а то и просто в углублении берегового обрыва.

Кольца для мечения птиц у меня всегда с собой. Однажды, выйдя к устью реки Маикинвоям, я направился к дощатому строению. Некогда добротный сделанный домик еще нес на себе печать, я бы сказал, взаимного уважения человека и построенного им жилья. Однако годы взяли свое: ветры сорвали с крыши толь, кто-то унес входную дверь. Пара белых трясогузок, еще издали выверив направление моего пути, стала подавать сигналы тревоги. Только что я видел двух птиц, и вот их уже четыре, подошел еще ближе – появилась и третья пара...

Гнездо трясогузок находилось на боковой балке коридорчика. Плотно прижавшись один к другому, в нем сидели пять крупных птенцов. Я взял одного из них и вышел наружу. Там уже стоял такой переполох, что я сразу не смог определить, сколько птиц мельтешат вокруг. Посчитал: надо мной летали, садились на крышу, вновь поднимались и беспрестанно

кричали пять пар до предела взволнованных белых трясогузок и две пары трясогузок желтых. А метрах в тридцати над домом летал еще и встревоженный «зевака» – краснозобый конек. Собрались едва ли не все обитавшие в данном биотопе представители семейства трясогузковых.

Окольцевав птенца и желая лучше рассмотреть его оперение, я чуть расслабил пальцы. Он вдруг выпорхнул у меня из руки и очень даже хорошо полетел над самой травой. И улетел бы с перепугу далеко. Но тотчас из общей массы белых трясогузок вслед за ним вырвались две птицы. Одна из них с легу попыталась сбить птенца, но промахнулась. Вторая оказалась точнее, и малыш, успевший пролететь не более десятка метров, плюхнулся в траву. Взрослая же птица, накоротке подсев к нему, тотчас возвратилась назад.

Заинтересовавшись действием трясогузок, я раз за разом выпустил всех птенцов. И все они были так же сбиты взрослыми птицами, которые при этом обязательно, возможно, для успокоения перепуганного малыша, на секунду подсаживались к слетку. К сожалению, не было возможности проследить, всегда ли за птенцами устремлялись члены одной пары. Но взаимопомощь среди птиц одного вида, а может быть, даже и семейства, была явной. Желтые трясогузки и даже беспрестанно подающий сверху голос конек, по крайней мере, демонстрировали свою солидарность с попавшими в беду соседями.

В чем же биологический смысл этого «сбивания» птенцов? Я склонен рассматривать это только как меру, предупреждающую вылет птенцов из досягаемой для родителей зоны, из пределов гнездовой территории родительской пары. В противном случае птенец, еще не наученный самостоятельно добывать для себя пищу, почти неминуемо погиб бы.

Удивительную «разумность» проявили в этой ситуации соседние пары. Интересно, стали бы они выкармливать чужого птенца, оказался он на их гнездовом участке? Может быть, какие-то особи и стали бы, примеры альтруистического

поведения среди птиц известны. Изредка наблюдаются удивительные случаи, когда птенцов, отгоняя родителей, кормят даже птицы другого вида. Но в дикой природе это всего лишь не свойственное нормальному поведению исключение из правил.

Это наблюдение, как представляющий для науки интересный факт, позже я включу в свою диссертацию, а сейчас я просто получил замечательную возможность прочитать новую для себя страничку из жизни хорошо известной нам белой трясогузки, увидеть еще одно из многообразных проявлений механизма сохранения вида.

На четвертый день нашего здесь пребывания неожиданно развеялся миф о главенствующем Ивановом положении на острове. Возвратившись из недалекой экскурсии по окрестностям поселка, мы затопили печь, подготовили все необходимое для супа и поставили на огонь кастрюлю. Юра в ожидании обеда лег почитать, а я занялся обработкой собранных за два дня материалов.

Еще спускаясь с увала к дому, мы видели, что в бухту заходит катер, но потом как-то об этом забыли. К тому же мне не терпелось скорее взяться за работу с собранными птицами. Я успел лишь взвесить и промерить их, начал подготовку к препарированию, как вдруг снаружи донеслись звуки, которых мы просто не ожидали здесь услышать. Судя по всему, в покинутом, считай, совсем нежилом поселке во всей своей самобытной красе расцветал семейный скандал.

Мы вышли из дома и поняли, что скандала как такового нет и не будет, так как одна из противных сторон – «комендант острова» Иван Найдёнов – в одних подштатниках молча и сосредоточенно убегал в гору. За ним никто не гнался. Его дорогая породная супруга (об этом мы догадались) стояла у дома и чисто по-женски выкрикивала вслед своему суженому все, что она думала о нем нехорошего. В руках у нее была палка, которая, как мы поняли, и придала незадачливому «хозяину

острова» необходимое ускорение. Помня о том, что «милые дерутся – только тешатся», посчитав, что эта сцена нас не касается, посмеиваясь над свергнутым «диктатором», мы пошли обедать.

Но оказалось, что именно мы и были виновниками этой семейной бури. Еще в Оссоре Ксения Максимовна узнала о нашем прибытии на остров и о том, что муж ее «взял нас на довольствие», злые языки еще что-то приплели насчет пьянства самозванного коменданта. И вот, возвратившись сегодня домой и не увидев на берегу встречающего супруга, Ксения взъярилась окончательно. Оставив на пирсе свои вещи, она тут же, на прибойке, нашла хороший дрючок, посмотрела только, чтобы гвоздей да сучков острых на нем не было, и пошла в дом будить мужа. Временно занятые позиции Иваном были сданы без боя.

Эти маленькие подробности Ксения Максимовна рассказывала нам вечером, когда, выждав приличествующее ситуации время, мы нанесли ей визит вежливости. Она оказалась и впрямь решительной, но в то же время по-матерински заботливой и беспокойной женщиной.

– Думаете, мне жалко, что он вам вещи выдал? Они для того здесь и есть. Я вам не дам в поселке спать кое-как. Не стесняйтесь, приходите, когда что-то будет надо. У нас здесь и в магазине кое-что из продуктов осталось, не успели все вывезти. Я здесь и за коменданта, и за продавца. За охрану имущества мне зарплату платят. А Ваньку-то я только за своеволие проучила.

Незадачливый «диктатор» молча и хмуро сидел рядом.

Уже потом вечерами и в этот, и в следующий свой приезд на остров в 1968 году, выбрав несколько свободных минут, мы с Юрой не раз приходили в чистый и уютный дом Найдёновых. Иван и Ксения, как они нам рассказали, приехали на остров пятнадцать лет назад на одну путину. Здесь они познакомились, здесь и живут уже столько лет. После «закрытия» в 1964 году поселка Ксения Максимовна осталась

присматривать за имуществом Оссорского рыбокомбината. У нее был образцовый порядок во всем: и на складах, и в магазине, и в отчетности. Иван ей помогал, а на лето его еще нагружали обязанностями пастуха. Каждый год на остров привозили несколько десятков телят, а для Ивана, чтобы не бегать за ними пешком, – еще и лошадь. Когда я видел его, как-то по-особенному свободно-небрежно раскачивающимся в седле, невольно вспоминал пословицу: «Сокола видно по полету».

Кузьма

В один из июльских вечеров с Иваном и Ксеньей я сижу на высоком крыльце их дома. День сегодня был ясный, серые строения поселка впитали в себя солнечный жар, и сейчас, когда не ощущается даже малейшего ветерка, они возвращают его, а потому в поселке не по-северному тепло. Комары не очень докучают, и, хотя меня ждет дома интересная работа с собранными за день материалами, уходить мне не хочется.

Рядом с домом лежит старый рыжеватый пес. Я уже не раз обращал внимание на эту собаку с прогнутой годами и тяжелым трудом спиной, низко опущенной головой и очень усталыми стариковскими глазами. Ясно, что этот пес не много видел добра в своей собачьей жизни. В память о бывших сварах уши его истрепаны в лохмотья, на морде белеют шрамы. Сейчас у пса все уже в прошлом. Он лежит с закрытыми глазами, время от времени тяжело вздыхает, и мне кажется, что он думает об очень трудных, но так быстро пролетевших днях жизни.

Я знаю о неблагоприятном обычае северян убивать собак, переставших по старости работать. Обычай жестокий, но продиктован он суровыми северными реалиями. Имея несколько таких собак, хозяин не сможет их прокормить, и зимой они либо умрут голодной смертью, либо их задавят собаки первой же наскочившей упряжки. А рыба, которую

надо скормливать ставшим никчемными собакам, так необходима их молодым работающим преемникам. И потому жизнь таких бедолаг чаще всего обрывается выстрелом, а у хозяина, если он не совсем плохой человек, еще долго после этого трясутся руки.

Мне стало интересно, не думает ли Иван застрелить старого пса.

– Это Сивуча? Да ты что! Он у нас персональный пенсионер, – наперебой заговорили Иван и Ксения. И рассказали мне о том, что Сивуч был отменным передовиком, вожакom нартовой упряжки и не раз вывозил хозяина из тундры в лютую пургу.

– Он много поработал и заслужил человеческой смерти, – подытожил Иван.

– Не знаю, как ему бедному придется, если доживет до нашего отъезда с острова. Будем просить, чтобы кормили новые хозяева, но ведь люди-то разные бывают, – вздыхает Ксения.

Мы замолчали. Я совсем уже было собрался уходить, когда Иван, до того задумчиво смотревший на Сивуча, вдруг начал мне рассказывать историю, которую я в тот же вечер записал в свой дневник. Это невыдуманная история самого знаменитого на Карагинском острове ездового пса Кузьмы. Впоследствии о Кузьме я спрашивал и других некогда живших на острове людей – пса помнили все. А Владимир Тимошенко называл мне и имя хозяина этой собаки.

Михаил Новиков сразу обратил внимание на молодого сильного пса по кличке Кузьма, который раньше передовиков исполнял команды хозяина. И вскоре молодой пес сам встал во главе нартовой упряжки. Он никогда не затевал свар, никогда на него не бросалась ни одна собака. Это был общепризнанный лидер. Свою порцию юколы, не в пример другим собакам, Кузьма съедал неторопливо и с достоинством. Глупые щенки иногда отбирали у него пищу, и мудрый Кузьма ни разу не задал им трепки. Но что особенно отличало его

от собратьев – это глаза. Животные, как известно, не любят прямого взгляда, ибо сосредоточенный прямой взгляд воспринимается ими как предшествующая нападению угроза. Кузьма мог смотреть в глаза человеку как равный. При этом люди нередко невольно ловили себя на мысли, что природа только по какому-то роковому недоразумению наградила это существо оболочкой пса.

Гордого, благородного пса уважали и люди, и собаки. Хозяин вскоре перестал сажать Кузьму на цепь, он ходил и отдыхал, где хотел. Привязанные собаки очень ревниво относятся к «вольняшкам». Стоит какой-то из них освободиться от привязи, как все псы в округе поднимают жуткий лай и не успокоятся до тех пор, пока хозяин не поймает их блудного собрата.

На свободного Кузьму собаки не лаяли. Однако не раз случалось, что, завидев вдруг лежащего где-нибудь неприязненного пса и не признав Кузьму, собачья упряжка резко меняла свой курс. Надо видеть, как, совершенно не слушаясь каюра-хозяина, в едином порыве несутся восемь-десять сильных собак. Это уже не группа, это один сильный, кровожадный, безжалостный зверь. И цель у него одна – убить. Кузьма успевал встать как раз вовремя. Он встречал летящую на него упряжку собак суровым прямым взглядом и лишь иногда чуть приподнятой губой. И звери, которых только что ничто не могло остановить, вдруг тормозили всеми своими лапами, смущенно отворачивали в сторону. Кузьма же беззлобно смотрел им вслед и ложился опять. Не было случая, чтобы он от кого-то спасался бегством, для этого он был по-настоящему горд.

Своим умом и достоинством знаменитый пес покориł всех островитян. Люди уважали его еще и за то, что он был настоящим и честным работягой. Не было случая, чтобы упряжка ушла на работу без него: Кузьма всегда угадывал, когда надо быть у нарты. И работая, он никогда не лукавил:

не мог бежать в нарте, лишь натянув алык, как это делают некоторые собаки, делая вид, что трудятся.

Ездовые собаки живут недолго, редко более семи-восьми лет. Кузьма в полную силу работал не менее десяти лет. Однако годы брали свое, и однажды хозяин решил, что Кузьме больше не надо работать. В тот последний для Кузьмы сезон его упряжка использовалась на вывозе дров из долины реки Лимимтэ – там находятся основные массивы островных каменноберезников. Кузьма, как всегда, ко времени запряжки собак был у нарты и, найдя свой алык, сам пытался залезть в него. Хозяин сделал вид, что не замечает старого друга, и попытался вместо него поставить в упряжку другого пса. И Кузьма, никогда ни о чем не просивший гордый Кузьма, вдруг заскулил... он просил. Михаилу показалось, что он незаслуженно унизил своего друга, и не смог больше ему отказывать, стал каждый раз вновь как равного ставить его в упряжку.

Кузьма старался. Хозяин видел, как трудно ему бежать рядом с сильными молодыми псами, как изнемогает он, таща тяжело груженую нарту-«дровянку». Наверное, понимал это и Кузьма. И когда после первого рейса хозяин снимал с него алык, пес больше не просился на работу, ложился где-то в сторонке и отдыхал до завтра. Иногда его увозили в поселок, но на следующий день он появлялся ко времени и опять, задыхаясь, изо всех сил тянул алык.

Умер Кузьма, как и жил, хорошо. Сердце его остановилось сразу, когда он как равный шел в упряжке с сильными грудастыми псами. Хоронили его не как собаку. Несколько мужчин по очереди долбили могилу в промерзшей земле увала недалеко от устья Лимимтэ. После похорон были поминки. И все это не было балаганом, все было серьезно от начала до конца. Надо сказать, что люди, ставшие Кузьме товарищами при его жизни и достойно проводившие его в последний путь, были настоящими северянами: отчаянными, часто грубыми, презиравшими слюнтяев, способными сожалеть о смерти далеко не каждого человека.

Много лет прошло после смерти знаменитой собаки, а люди помнили о гордом псе с человеческим именем Кузьма, не совершавшем никаких подвигов, но так достойно прожившем всю свою жизнь.

В одно из своих посещений острова, когда Найдёновых, к тому времени живших в Оссоре, сменила другая семья «островитян», я опять увидел Сивуча. Сразу было видно, что новые хозяева были людьми добрыми. Пса явно хорошо кормили и не обделяли лаской, выглядел он для его возраста неплохо. «Сивуч!» – позвал я собаку, и он, раньше только хмуро провожавший меня взглядом, сейчас, вдруг приветливо помахивая хвостом, подошел ко мне. Я подумал, что и в теперешней неплохой жизни преданная собака помнит своих прежних хозяев. Она явно помнила и меня, потому ей, наверное, и была приятна встреча со мной, товарищем ее бывших хозяев.

Путь на север

Главной же целью в этом нашем первом на острове году оставалось путешествие на неизвестные еще ни одному орнитологу север и восточное побережье острова. В эти дни мы еще дважды побывали в Ягодном. Не имея хотя бы какого-никакого приличного чертежа побережий Карагинского, о чем подробнее я расскажу несколько позже, мы расспрашивали коряков о возможных трудностях предстоявшего нам пути на север к мысу Голенищева и далее в обход его, по восточному побережью, – уже на юг. Аборигены путались в расстояниях и не только в них, и это удивляло: как, постоянно живя здесь, можно не иметь точного представления о самом, как мы считали, жизненно необходимом.

И хотя все наши помыслы были заняты предстоящим «северным походом», в один из дней, также после предварительных расспросов местных жителей, мы решили сначала

сходить на юг. Эта поездка казалась таящей меньше сюрпризов и потому менее опасной. Прекрасная солнечная погода сопровождала нас до реки Унъюновьям, больше известной под названием Кетовой. Но еще за километр-два до ее устья мы обратили внимание на иной цвет моря на горизонте. Оказалось, что прямо от устья Кетовой по морю как бы была проведена невидимая пограничная полоса, за которой на море хозяйничал восточный ветер. Вскипевшее море было сплошь покрыто белыми гребешками. Наша «Казанка» запрыгала, хлопая «животом» по воде и вдребезги разбивая гребни волн. Взлетающие соленые брызги подхватывал бортовой ветер и щедро обсыпал ими нас. В какие-то минуты мы с Юрой промокли насквозь. Пора было возвращаться.

«Казанку» ведет Юра Воропанов

И тут метрах в ста с моря туча за тучей стали взлетать утки. Юра взял бинокль: это были горбоносые турпаны и, как нам показалось, в основном самцы. Значит, коряки, сообщавшие о скоплении в этом районе птиц, были правы, и здесь, скорее всего, находится район летней линьки. Стараясь по возможности определить более или менее приблизительную численность птиц, мы «поскакали» дальше. О том, что горбоносых турпанов летом

на этом участке пролива собирается не менее пяти тысяч, мы узнаем лишь при следующих своих сюда заходах. Сейчас же птицы стали отлетать мористее, и мы, успев замерзнуть, как я это увидел по Юре, до синевы, повернули навстречу ветру к замеченному на берегу домику. Он стоял на перешейке, и, значит, где-то в километре от него уже на восточной стороне острова должен был находиться военный маяк. Быстро растопив добротную железную печь, мы разделись, и пока просыхала наша одежда, успели плотно перекусить.

Посетовав на так некстати испортившуюся погоду, прячась, насколько это было возможно, от ветра под берегом, мы возвращались домой. Сквозь налетавшие время от времени с востока клочья тумана добрались до реки Кетовой и... опять попали в другую страну. Здесь ярко и тепло светило солнце, ветра не было и в помине, а наша шлюпка плавно заскользила по совершенно гладкой поверхности моря. Это ли не чудо?!

Чуда не было, в чем мы потом убеждались не раз: для данного участка островного побережья это было вполне рядовым явлением. Сейчас, когда над центром западной части Карагинского острова ярко светит солнце, трудно было себе представить, что противоположное его побережье находится во власти сильного сырого «востока». И не будь вдоль всего острова цепи гор, останавливающих восточные ветры, так же противно было бы сейчас и здесь. Горные хребты с высотами в пятьсот метров и выше проходят по острову с севера и до самого перешейка. Но в одном месте восточного побережья, где горы почти двухсотметровыми обрывами прижимаются к самому морю, скальные кручи разрывает узкая и глубокая долина реки Ильхатухваям. В эту «щель» и врываются восточные ветры, достигающие сначала русла Унъю, а затем и вод пролива Литке.

Мы наконец созрели для похода на север. На «Казанку», считая нас самих и мотор, которому предстоит все «толкать» по морю, набралось чуть менее четырехсот килограммов

груза. Большой вес приходился на горючее, которым кроме трех стандартных бачков были заполнены также несколько японских пластиковых кухтылей. Последние еще недавно служили японским рыбакам в качестве поплавков для морских сетей. Много, очень много их, сорванных штормами, болтается по морям и выбрасывается на морские побережья. Русский сметливый ум увидел в кухтылях весьма удобную тару для транспортировки горючего. Кроме того, пластик служит отличным топливом для костра и очень этим ценен, особенно на безлесной тундре.

Сразу от основания косы Лекало морской берег, ровный и невысокий, по мере продвижения на север постепенно поднимается над пляжем до пяти-шести метров. Сложен он из рыхлого осадочного материала, схваченного сверху тонким слоем типичной тундровой растительности. Берег постепенно осыпается, растительность же за счет сцепления корней какое-то время козырьками нависает над обвалами. Местами прямо под этими козырьками берег, подобно сыру, весь истыкан норками. Это гнездовья береговых ласточек. Чистая от подводных камней литораль позволяет лодке двигаться у самого берега, и это дает мне возможность подсчитывать встречающиеся на нашем пути колониальные поселения береговушек.

Вдоль косы Лекало и далее по пути нашего продвижения на север тут и там на воде видны группы американских синьг, нырковых уток рода турпанов. Иссиня-черные самцы не имеют в оперении ни единого светлого пятнышка, но зато основание их надклювья в этот период украшает золотисто-желтая округлая шишка.

Это одна из самых доверчивых к человеку наших птиц. Если одна птица из пары ранена или убита охотником, другая ни за что ее не оставит и, как правило, тоже погибнет.

Однажды в мае мне пришлось очень близко наблюдать ритуал ухаживания самцов американских синьг за самочкой. Именно самцов. Их, ловеласов, тогда собралось аж четыре,

а она была одна. Я сидел на берегу лимана в скрадке, и пять этих уток – сероватая самочка впереди, четыре ее ухажера тесным табунком сзади – подлетели прямо ко мне и плюхнулись возле берега в воду. Уточка вышла на прибойную полосу, опустилась на песок. Один из неотступно следующих за ней кавалеров прилег рядом. Остальные три жениха расположились так, что образовали вокруг лежащей пары, хотя их наверняка интересовала только дама, фигуру равносостороннего треугольника. Все трое начали одновременно очень важно вышагивать по кругу диаметром около метра. Самцы шли по часовой стрелке, потом враз останавливались и продолжали движение. При этом между ними всегда сохранялось равное расстояние и они, эти трое, как бы ставили себя в совершенно равные условия. Если, гоняясь за самкой в воздухе, самцы все время издают свист, то этот ритуал покорения сердца дамы проходил при полном молчании. Но самым забавным в этом «объяснении в любви» было то, что самцы, ходящие по кругу, при этом широко раскрывали рты. Скорее всего, там, внутри клюва, расположены какие-то сигнальные раздражители, способные «разжечь любовную страсть» самочки.

Спокойно лежащего рядом самца я посчитал лидирующим в этой группе, избранником уточки. То же мы видим в подобных ситуациях и в группах животных других классов: лидирующий самец всегда держится более уверенно и ближе всех к самке. И практически никогда самцы, находящиеся на второстепенных ролях, не смеют покуситься на его привилегии.

Но, может быть, я ошибаюсь? И этот самец здесь вообще «не у дел», так как по молодости пока не готов к воспроизведению себе подобных? Была только одна возможность разрешить мои сомнения – выстрел. Состояние гонад позволило бы определенно ответить на этот вопрос. Но пусть простят меня холодные умы некоторых ученых: выстрел в подобной ситуации – это было уже выше моих сил, значительно выше.

Сейчас по всему нашему пути все синьги держатся парочками. Завидев приближающуюся лодку, они поднимаются на крыло и начинают описывать вокруг нас эллипсы, восьмерки и другие непонятные замысловатые фигуры. Так птицы провожают нас до следующей пары или небольшой группы парных же синьг и возвращаются назад к ранее облюбованному участку моря.

Первым пунктом нашего путешествия стала река Плоксан, здесь мы остановились и решили заночевать, чтобы хоть что-то еще узнать о предстоящей дальнейшей дороге. Мы уже знали, что здесь, в устье реки, встретим семью коряка Майновье и деда Ефима Колегова. По сто граммов водки на человека (деду Ефиму – побольше) не стали лишними и несколько оживили наше первое знакомство. Вечер прошел в расспросах, притом спрашивали только мы. Оказалось, что Майновье – фамилия совсем не здешняя. «Приблудившийся» на острове Семен – из западнокамчатских тигильских коряков, его жена Настя – местная; сейчас у них две маленькие девочки, и, судя по нашим впечатлениям, в ближайших планах семьи – очередной ребенок. Здесь же, в островной корякской общине, на них и деда Ефима возлагаются задачи по заготовке лососевой рыбы, чем они сейчас и заняты. Отрыбачив на этой реке, переберутся на реку Маркеловскую.

Проснувшись на другой день чуть свет, я сходил к ближайшей колонии береговушек. Посчитал птиц, из гнездовой камеры ласточек, обнажившейся в результате очередного стихийного бедствия – обвала части берега – достал и обмерил два яичка. Когда вернулся, Юра уже плотно уложил в лодке полевое снаряжение. Путь сегодня нам предстоял не дальний, и я еще пошел побродить вверх по реке в надежде найти место гнездования озерных чаек – утром я видел над рекой двух этих птиц.

На двадцать километров хода по спокойной воде между устьями Плоксана и Маркеловской нам хватило часа с небольшим. Пройдя между крутым и довольно высоким здесь

берегом и песчаной косой, наша «Казанка» оказалась в спокойном и красивом лимане. Прекрасная погода, широкая долина реки была буквально переполнена радующими меня весенними голосами самцов шилохвостей, связей, чирков-свистунков, пронзительными вскриками чаек, истощенными – краснозобых гагар и «жеребьчьим ржанием» серошеких поганок.

Людей, как мы поняли, здесь не было давно. На высоком левом берегу стояли старая юрта, юкольники, тут же рядом торчали палки, несомненно служившие опорой для палатки. Кто-то побывавший здесь последним предпочел ночевать «ближе к природе». Я заглянул в юрту, и меня будто что-то оттолкнуло от нее: не то что ночевать, в нее не хотелось зайти хотя бы на минуту. Погода была прекрасной, комаров, вылетевших из своего разбойного гнезда два дня назад, считай, почти не видно.

На лимане реки Маркеловской

Проснулись рано. Более тесного знакомства с долиной реки Маркеловской в планах этого дня не было. Нас ждали более чем тридцать километров волнующего маршрута к мысу Голенищева и далее в обход его до бухты Северной. От коряков чего-либо внятного по этому отрезку пути нам добиться так и не удалось, а это значило, что впереди все было неожиданным, немного пугающим и поэтому особенно интересным.

Во избежание встречи с подводными каменными «сюрпризами» мы шли в сотнях метров от берега, взяв курс на мыс Плоский. За Плоским обозначился мыс Промежуточный, и здесь на море появились первые берингийские бакланы. Их становилось все больше, птицы ныряли, кормились, потом, тяжело поднимаясь с воды, летели вдоль берега на север – туда, где, мы это уже видели, над каменистым пляжем отвесно стояли высокие скальные обрывы. Вот и первая бакланья колония, которую я потом буду обозначать как «северо-западную». Сейчас же мы проходили ее не останавливаясь, так как торопились дойти до намеченного пункта – бухты Северной.

И вот уже видна крайняя северная точка острова, мыс, названный славным именем А.В. Голенищева. Будучи сначала помощником начальника, а в 1828–1834 годах – начальником Камчатки, Аркадий Васильевич многое сделал для развития управляемого им края и по праву заслужил, чтобы его имя было увековечено на картах России.

На мыс я приду, может быть, уже завтра, сейчас же, обогнув его, мы должны пройти первые километры восточной стороны острова.

Во все глаза рассматривая величественные скалы последних километров северо-западного побережья острова, мы совсем не обращали внимания на море. Свежий ветер обдал нас брызгами, сорванными с гребешков волн, едва наша «Казанка» вышла из-под прикрытия скал мыса Голенищева. Дул свежий и очень даже резкий «восток». Перегруженная лодка

не подсказывала на волнах, а будто бы пыталась под каждую из них поднырнуть. Благо волны были не очень крутыми. Юра сделал мне знак рукой – «Поворачивай!» – и показал назад. Минута-две хода, и мы опять на гладкой воде.

Все было очень просто. Еще на полпути к мысу Голенищева я сказал Юрию, что наша «Казанка», похоже, освоилась с морем и потому сегодня бежит по воде гораздо увереннее и быстрее, чем два последних дня, хотя груз на ней оставался прежним. Но, как оказалось, наш сегодняшний путь на север сопровождался попутно идущим с нами приливом, он и прибавлял лодке скорости. Не всегда, но довольно часто прилив сопровождается так называемым «приливным» ветром, как правило, сильно раскачивающим море. В проливе мы были защищены от него берегом, а он, оказывается, ждал, когда мы выйдем из-под защиты скал. И дождался.

Остановились километрах в двух с половиной – трех от мыса. Здесь скалы несколько отступили от воды, и за каменистым пляжем образовалась приподнятая, заросшая травой площадка. Хорошо закрепили лодку, поставили палатку, и я заспешил к мысу.

На мысе Голенищева царство берингийских бакланов. По скалистой стене берегового обрыва на каждом скальном уступе гнезда, гнезда, гнезда. Начинаются они метрах в четырех от подножья клифа и поднимаются на десятки метров вверх к самой его шапке. Пересчитать все гнезда поштучно здесь практически невозможно, однако уверенно можно было сказать, что в нынешнем году их в колонии мыса Голенищева около тысячи.

Колониальные поселения морских птиц часто называют «птичьими базарами». Для большей их части более подходящего названия и впрямь придумать трудно, настолько много там споров, криков, скандалов. Колонию же бакланов, даже такую крупную, обозвать «базаром» можно только с большой натяжкой: даже тысяча этих молчаливых птиц не может так нашуметь, как, например, четыре-пять десятков чаек любого

вида. Спокойное тихое урчанье и шум слетающих со скал либо возвращающихся к гнездам бакланов – вот и все звуки в этой колонии. От поселения бакланов веет какой-то чинностью, и это впечатление усиливается видом одетых почти во все черное и поэтому кажущихся чопорными птиц.

Как бы велик остров ни был, его скалистые обрывы и кекуры могут дать пристанище лишь определенному числу птиц. Нам еще предстоит идти вдоль восточного побережья на юг. И тогда мы увидим, что более просторные и ровные скальные площадки занимают толстоклювые и тонкоклювые кайры, рядом с ними, но часто уже на более узких карнизах, селятся моевки. И практически на любом базаре – кстати, здесь, на Голенищева, тоже – мы видим тихоокеанских морских чаек.

Это чайка-хищник, не брезгующая разбоем на гнездах своих соседей по общежитию. Селясь в смешанных птичьих колониях, гнезда свои, как правило, она строит в верхних точках базара: отсюда удобно наблюдать за оставленными без присмотра кладками и птенцами других видов.

Когда все места в колониях распределены и сообщества птиц вполне устоялись, казалось бы, о чем тогда им спорить. Но так действительно может только казаться: здесь не только между видами, но и между особями одного вида идет непрекращающаяся борьба за жизненное пространство. Самыми массивными и в то же время совсем неагрессивными, неспособными постоять за себя в колониальных поселениях птиц, являются бакланы. На скалах для постройки гнезд им часто остается лишь то, что остается. И бакланы этим не только довольствуются, они приспособились к таким условиям. На Карагинском острове есть километры скалистых побережий, где лишь бакланы и могут выискать мало-мальски подходящие уступчики, на которых хоть как-то можно прилепить гнездо. А так как берингийский баклан является видом общественным, желательно, чтобы этих уступчиков и выбоин недалеко друг от друга было несколько. На них в соседской близости и образуются бакланьи колониальные поселения иногда всего лишь из пяти-пятнадцати гнезд.

Мне пора уже возвращаться «домой», к лагерю, а я, удобно разлегшись на валунах, все шарю биноклем по стенке клифа: вдруг здесь живет еще и краснолицый баклан? Сразу скажу – этот вид на Карагинском острове ни мной, ни в более поздние годы Петром Вяткиным не найден. А я вдруг замечаю спокойно летящего вдоль обрыва и как бы просто так посматривающего на бакланов ворона. Не заметив меня,

*Вот она – «большая птица
с маленькой головой»*

лежащего совсем рядом, черный разбойник спокойно, будто прилетел к себе домой, присел на край гнезда рядом с бакланом и на какое-то время замер. Баклан тихо что-то проурчал и, освобождая место на краю гнезда, чуть отодвинулся. Выждав несколько секунд, ворон так же спокойно склонился к кладке, взял клювом яйцо и, не торопясь, улетел. Баклан, так и хочется сказать – с тупой физиономией – продолжал спокойно осматривать окрестности. Нет, эта птица с большим телом и малюсенькой головой не чопорная, она просто непомерно глупая!

Перед тем как направиться к месту нашего временно-го пристанища, я еще раз вышел на острие мыса: море на восточной стороне острова было почти ровным, медленно переваливающиеся с боку на бок пологие волны нам были не страшны, и, значит, ночевку на месте сегодняшней

высадки есть смысл отложить до будущих времен. А сейчас мы идем в бухту Северную.

Бухта Северная

Оказалось, что избушка оленеводов стоит едва ли не в километре от морского берега. Нагруженные рюкзаками, коробками с продуктами, фотоаппаратами и чем-то еще, что нам совсем не было нужно для ночлега, мы с Юрой еле тащились по предельно захламленному всяким, в основном древесным, морским выбросом приустьевому участку долины Акановаям. Мы ругались, что кого-то утораздило поставить избушку в такой дали от моря, и нам совсем не приходило в голову, что «сухопутные» оленеводы при постройке избушки уж точно не руководствовались нашей логикой. Зато мы шли в надежде на хороший, как нам сказали, домик, и это уже само по себе было здорово.

Вид на бухту Северную и долину реки Акановаям

Землянка в бухте Северной. 1966–1972 гг.

Однако снаружи, это мы увидели сразу, «дом» казался самой заурядной, к тому же страшно запущенной землянкой. Стены, некогда прикрытые дерном, местами это свое прикрытие потеряли, виднелись почерневшие доски. Подошли к двери, шагнули в темный коридорчик-«прихожую» – в нос ударил совершенно немыслимый запах многолетней тухлятины. Темно было внутри землянки, свет еле-еле пробивался сквозь латаное-перелатаное грязное окошечко. Справа от входа стояла давно прогоревшая железная печь, нары вдоль стен были засыпаны перетертой не за один год травяной трухой.

Меня прямо-таки что-то выталкивало наружу. Я это ощущал как непонятное физическое сопротивление. Но от кого, откуда оно шло? Я высказался за ночевку вне землянки, Юрию хотелось иметь крышу над головой. Мне было знакомо это нежелание входить в покинутое людьми жилье, знал я и то, что это скоро пройдет. Стоит только затопить печь, открыть дверь и окно и сделать самую необходимую приборку.

Через пятнадцать минут мусор был выметен, стол накрыт чистой бумагой, печь уже перестала дымить и гудела

в проржавленной худой трубе ровным пламенем. Не избавились мы лишь от жуткого запаха чего-то протухшего в коридоре, но трогать стоявшую там бочку не стали. В дом эта вонь не поступала, а мы, каждый раз проходя тошнотворный барьер, лишь на два-три шага задерживали дыхание. Так, впрочем, будет и через два года, а еще через год Николай Бондырев, мой напарник по экспедиции на остров в 1969 и 1970 годах, выкатит из коридора зловонную бочку, и после этого в землянке реки Северной мне еще долго будет не хватать чего-то привычного.

Но сейчас пока только кончался день 4 июля 1966 года. Впечатлений, новых и острых, за день было много, я было взялся за дневник, хотел быстрее перенести в него скоро-течные записи из маршрутного блокнота, но решил не раз-рывать во времени эту приятную для меня процедуру. Дров, если чуть пройти в сторону моря, вокруг было много, Юра занялся костром, я машинально помогал ему в нетерпели-вом ожидании конца еще не начавшегося ужина.

Находясь в поле, я нередко ощущаю сильную потреб-ность в уединении. Тогда я беру дневник, а если это случает-ся ночью, еще и фонарик, и где-нибудь в удалении нахожу для себя спокойное место. Вслед за этим иногда наступает со-вершенно удивительное состояние, когда кажется, что я бук-вально растворяюсь в окружающей природе, сливаюсь с ней, и для ее восприятия у меня раскрывается сердце. В такие минуты, как бы пребывая вне своей телесной оболочки, я совершенно по-особому воспринимаю окружающий меня мир природы. Тогда, весь раскрытый настежь, я лихорадоч-но, до предела сокращая слова, пишу и пишу все, что вижу, что чувствую сейчас. К сожалению, минуты такого состояния бывают очень скоротечными. И если именно это называется вдохновением, остается только сожалеть о малой толике отпущенного на мою долю столь удивительного состояния. Я всегда жду таких мгновений. Именно в эти минуты сде-ланы самые интересные, самые сокровенные записи в моих

*Полевой быт орнитолога:
работа с собранными материалами, 1966 г.*

дневниках. Но их всего лишь микроскопические крупницы среди обыденных рабочих дневниковых материалов.

Сегодня я хотел просто спокойно осмыслить прошедший день, упорядочить записи походного дневника. Мне ничто не должно было бы помешать: Юра после всех треволнений дня сразу после ужина «заклевал носом» и, как мне показалось, заснул, пока еще шел до землянки. Докучали комары: много же злости накопили они за четыре дня после своего вылета. Хорошо, что я догадался захватить из лодки марлевый полог. Быстро натянул его, спрятался от кровопийц, взялся было за дневник, но что-то не писалось: и я поневоле заслушался звуками прекрасной, кажущейся мне совершенно волшебной северной природы. На фоне отдаленного перекачивающегося шума моря меланхолично поет бурый дрозд, недалеко раз за разом о чем-то удивленно спрашивает охотский сверчок, в приречных кустах слышен громкий

обеспокоенный голос большого улита. Музыка птичьих голосов в этом совершенно очаровывающем безлюдье завораживала. Ее можно слушать часами. И, забыв о дневнике, я лежал и слушал.

Но что-то, поначалу неосознаваемое, мешало мне впитывать это неповторимое чудо бытия. И вот это нечто наконец сформировалось в вопрос. Что же это за сила пытается остановить нас на пороге нежилых помещений? С ней я сталкиваюсь четвертый раз за две недели жизни на острове. Сталкиваюсь с этим, идущим извне и в то же время как бы из моего подсознания, тревожным и непонятным мне протестом против вторжения в давно покинутое людьми жилье. Так было дважды в оставленных домах поселка Островного, так было, когда я вчера пытался зайти в нежилую юрту на реке Маркеловской. И вот особенно остро я ощутил это сегодня. Непонятное чувство беспричинного, не обоснованного разумом то ли отвращения, то ли протеста, как будто бы навязывалось какой-то чужой волей, и в то же время – никем. Этого ведь не случается, когда я захожу в чужой жилой дом или даже в не очень чистую жилую, лишь недавно оставленную людьми юрту.

В землянке на Акановаям, похоже, уже несколько лет не останавливаются и не живут люди. Если говорить о какой-то там грязи, так здесь, при всей кажущейся захламленности, скорее, все значительно более стерильно, чем в наших городских квартирах.

Я уверен, любой исследователь-полевик – биолог, лесник, геолог, – попадая в подобную ситуацию, хоть раз сталкивался с этим внутренним ощущением душевного дискомфорта, своей неуместности, что ли, в давно покинутом человеческом жилье, в которое он только что вошел. И это ощущение себя персоной *non grata* тем сильнее, чем дольше здесь не было людей. И еще: поживши в этом доме и возвратившись в него через какое-то время, вы уже не ощутите больше столь же сильного отталкивающего вас сопротивления. Впечатление такое, что вас здесь помнят. Не абсурд ли это? Не мистика ли? Как могут отталкивать или помнить пустые неживые стены?

Вот здесь-то, думается мне, все дело в том, что эти стены не были пусты. В каждом таком домике, в каждой землянке за долгое отсутствие людей складывается свой мир, своя вселенная, принадлежащая миллиардам живых микроскопических существ, вероятно, очень даже разнообразных форм. В этой недоступной нашему пониманию вселенной свое, совершенно несоизмеримое с нашим, течение времени, за какие-то короткие для нас месяцы, а тем более за три-пять лет, здесь сменились многие и многие тысячи поколений. В этом мире еще уясняются иерархические отношения, почти наверняка происходят «локальные конфликты». Но это уже целое мироздание, вполне сложившееся и, вероятно, не повторимое в таком виде больше нигде. Это организованные в сообщества миллиарды и миллиарды микроскопических существ во всех отпущенных им Природой жизненных ипостасях.

И вот в этот их веками складывавшийся мир врывается мы, неотвратимые, как рок, чуждые, безжалостные, кошмарные. Что жители этой вселенной могут противопоставить нам? Ни-че-го! И возможно, инстинктивно осознавая это, все сущее здесь, миллионы, если не миллиарды невидимых нам живых существ, одновременно издают вопль смертельного отчаяния. Этот вопль и воспринимается самыми тонкими рецепторами нашего подсознания как непонятный протест ниоткуда, ни от кого.

С точки зрения нашего сознательного представления о сущем мире мы приходим всего лишь в заброшенные дома, юрты, землянки, захламленные и неудобные, и всего лишь поэтому в них так не хочется заходить. Но холод ли, дождь ли или другие соображения заставляют нас взять в руки ведики из живой душистой зелени. С напором бесчувственного ко всему бульдозера мы врывается в тот, другой, мир, выметая, выветривая и в неимоверном множестве убивая его прежних хозяев. И уже завтра удивляемся: почему это вчера нам здесь было так уютно?

Сейчас, когда я вынес свои впечатления на суд читателей, я уверен, что кто-то скептически подожмет губы, а кто-то будет более категоричен: «Бред!» Но полевики-исследователи, даже не согласившись со мной, все-таки, надеюсь, будут более снисходительны к этим измышлениям, появившимся в моем дневнике на самом исходе волшебного дня 4 июля 1966 года. Они, мои коллеги-полевики, знают, какими очаровывающими бывают такие вот моменты общения с девственной природой, когда не просто хочется верить во что-то запредельно удивительное, а ты наяву в нем присутствуешь. И последнее: то, о чем я только что рассказал, было записано отнюдь не в редкие минуты вдохновения, о котором я упоминал выше.

Тюлени мыса Голенищева

Я смотрел сквозь марлевый полог на мою первую в бухте Северной вечернюю зарю. Спустившись к морю, она так и не захотела уходить за горизонт, а заскользила по воде на восток. Было ясно, что настоящей ночи сегодня просто не может быть. Совсем не хотелось спать, и я заслушался песней нашего соседа-дрозда. В удивительно красивой его песне слышалась какая-то неизбывная грусть, и было трудно поверить, что птица исполняет ее просто так, бездумно, ни о чем не переживая. Я много раз слышал потом, как поет бурый дрозд, но это были другие песни. И они никогда так глубоко не проникали в душу. Кстати, и через два года при нашем посещении бухты Северной он опять будет исполнять эту свою песню. И кажется, тогда я пойму, о чем она. Птица грустила о том, что навсегда уходит еще один такой удивительный, никогда больше не могущий повториться день. И это, вероятно, было созвучно с тем, что пряталось в глубине моей души, в подсознании. В полной мере осознавать это начинаешь только потом, особенно сейчас, когда понимаешь, насколько прекрасны и как безвозвратны были те дни.

Если я и заснул, то, скорее всего, на какие-то минуты. Как-то вдруг я увидел, что стало совсем светло. Испугавшись утренней прохлады, пропали комары. Я быстро поднялся, сложил в кофр свои «Зениты», телеобъектив «Таир» и вышел к морю. В Северной бухте полнейший штиль. И очень большой отлив: вода упала, наверное, до низшего предела. Берег вдруг расширил свои владения, отвоевав у моря сотни метров каменистого дна. Воздух на удивление прозрачен, и обсохшие по отливу скальные гряды и острова видны далеко, кажется, до самого мыса Голенищева, даже без бинокля. Тратить время хотя бы на чай было откровенно жалко, и я не стал возвращаться к землянке, а поторопился на север, к мысу. Это же очень интересно, когда обнажаются вдруг такие пространства морского дна. Прошел два-три километра, а вода в море еще не прибывала. Рассматривая в бинокль обсохшую литораль, поначалу просто не мог себе поверить: ближе к мысу Голенищева камней почти не было видно под множеством тел лежащих на них тюленей. Сколько их там отдыхало, можно только гадать, но что многие сотни – это точно.

Проверил зарядку фотоаппаратов и последние двести-триста метров подбирался к нерпам ползком на животе. Все камни здесь были «завалены» ларгами, то очень светлыми, то казавшимися полностью серыми.

Тюлени были совсем непугаными. Я начал снимать их метров с тридцати, подполз ближе, сначала прятался, потом высунулся из-за камней до пояса. Среди двух-трех сотен ближайших тюленей пытался высмотреть хотя бы одну кольчатую нерпу, но безуспешно. Фотографировать больше было нечего, и я хотел уже встать в полный рост, и тут метрах в пятидесяти от своего укрытия увидел вдруг тюленя, которого здесь, так далеко на севере, не должно было быть. Возможно, я ошибся, и это необычно окрашенная крупная ларга? Я пополз. Ближние ко мне нерпы беспокоились, поднимали головы, я заморгал, потом полз дальше.

До нас ларги здесь были совсем непугаными

Все-таки это был он – островной тюлень, антур, имеющий также и необычное «народное» название – «тюлень-цветок». Так его называли за действительно очень красивую расцветку шкуры. Кто-то, глядя на нее, на очень темном поле видит белые венчики – «цветы», другие говорят, что это на белом поле густо-густо разбросаны темные фигурные пятна.

Около пяти лет назад где-то (кажется, на Южных Курилах) этого тюленя как новый вид описал молодой зоолог Алексей Белкин. Среди ученых случился небольшой переполох: в наше время у всех под носом – и вдруг новый вид такого крупного млекопитающего! Но потом оказалось, что наши отечественные маститые зоологи и видели его, и знали, но считали просто цветовой вариацией обыкновенного тюленя, ларги. Известен он был и ученым Японии, и их коллегам в США. Вот все, что я знал об этом тюлене, подползая к нему на животе. Можно только добавить, что сейчас антура выделили в качестве отдельного редкого подвида обыкновенного тюленя.

Этих красавцев оказалось двое. Подбираясь к ним, я все-таки нашумел, и сотни полторы ближних ларг, а с ними – и один из антуров, на всякий случай сошли в воду. Зато второй очень красивый зверь подпустил меня так близко, что, помещая его в кадр, я едва ли не был вынужден отползать обратно. Снимки получились и несколько позже порадовали наших камчатских и московских специалистов по морским млекопитающим.

Могилки

В один из замечательных солнечных дней мы в очередной раз переправились на другой берег Акановаям. С утра я навестил колонию берингийских бакланов мыса Горбатого, затем прошел по руслу ключика: снизу вверх, фотографируя, и обратно – с учетом птиц. Ключ невелик, может быть, чуть больше, а может, даже и меньше километра, и на этом протяжении спадает с сопки к морю метров со ста пятидесяти. О своем к нему интересе я расскажу чуть позже. Идти больше никуда не хочется, погода сегодня чудесная, и мы с Юрием загораем в ложбинке метрах в двухстах от моря. Ровный шум его еле слышен, но стоит только подняться на ноги, и море вдруг будто бы оказывается совсем рядом. Разморенные солнцем, мы неторопливо «шарим» своими биноклями по ближним окрестностям. Стоит отвести взгляд от черных и серых скал обрывов мыса Горбатого, и под сегодняшним удивительной чистоты голубым небом остается всего лишь один цвет – зеленый. Зеленые, чуть подсиненные ирисами и геранью, более пологие склоны, густо-зеленые крутые бока сопки, поросших рябиновым стлаником, и совсем темно-темно-зеленые куртины стланика кедрового. И только ближе к нам, на бледно-зеленого цвета прибрежной террасе, хорошо различаются ярко-солнечные пятна цветущего крестовника. У него есть и другое, редко употребляемое, но, как мне кажется, очень удачное название – солнечник прибрежный.

Бухта Северная. Мыс Горбатый. 1966 г.

Природа вокруг первобытная, чистая, и кажется, что здесь никогда не было людей. Уже не надеясь увидеть что-нибудь для себя новое, я провожу биноклем параллельные сверху вниз трассы по склону ближайшей к нам сопочки. Как вдруг окуляры моего бинокля перечеркнуло что-то совершенно чуждое, абсолютно для этого места неестественное. Не поверив сразу увиденному, медленно возвращаю бинокль назад. И все-таки это правда: на небольшом возвышении стоят один, два, три могильных креста. И тут же удивленный возглас Юрия:

– Видишь?!

– Вижу!

– Значит, не все ушли отсюда.

– Да! Кому-то пришлось навсегда поселиться в бухте Северной.

– Но почему крест на таком крутом склоне?

– Ты хочешь сказать – кресты? Их не менее трех. И там совсем не круто.

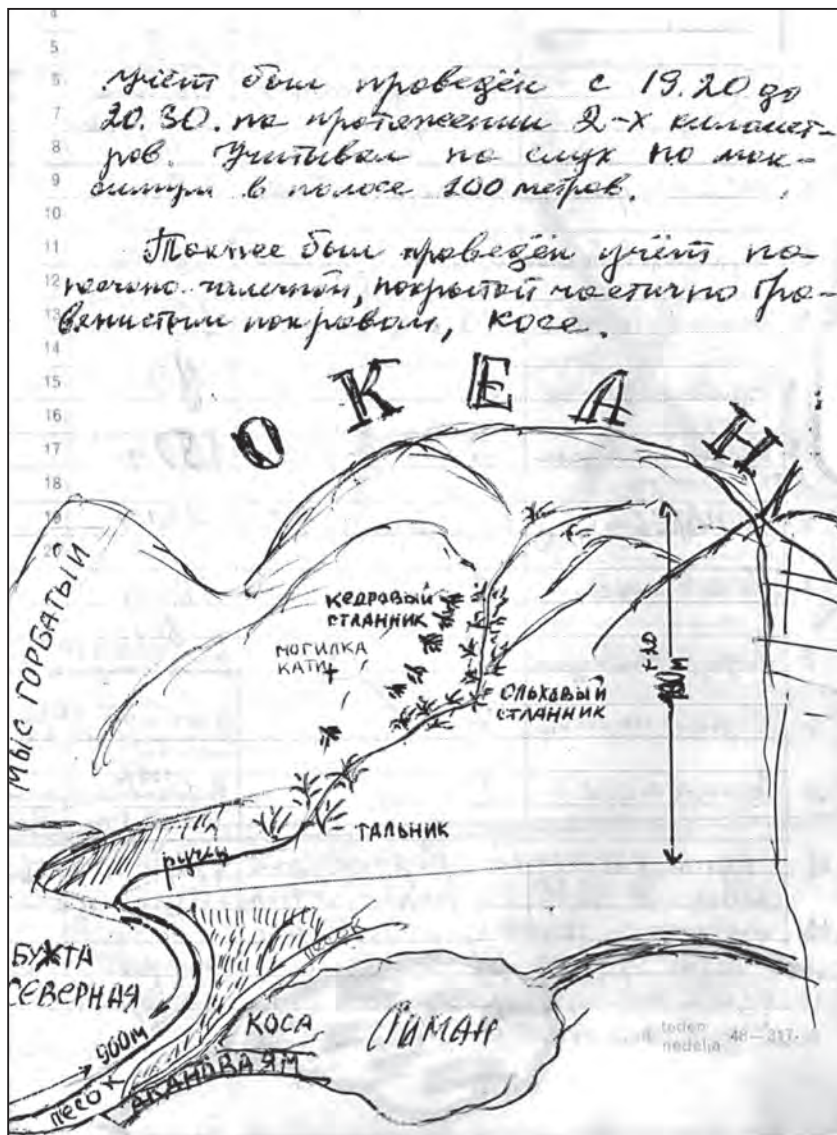
– Но я вижу один крест.

– Смотри внимательнее, они же стоят все три вместе.

Юра начинает обшаривать биноклем склон, но смотрит левее обнаруженного мной маленького кладбища. Я смотрю туда и... вот он – извечный знак печали. Крест действительно стоит высоко и на очень крутом склоне. И он одинок.

Минут через двадцать я поднялся по травяному склону сопки. Вот он, сделанный из твердого дерева, обдутый свирепыми ветрами, изъеденный туманами, иссеченный пургами и оплаканный слезами многих и многих дождей. Как давно стоит он здесь? Поднимаюсь еще и вижу сделанную суриком, выпуклую, но уже заметно разрушившуюся надпись – «Милой моей несчастной Кате и ее маленькому дитя... 193...». Я прямо-таки физически ощутил скорбный крик истерзанной души человека, оставившего эту надпись. Сколько же нечеловеческого страдания было вложено в эту эпитафию, если она еще продолжала кричать пронзительным, не излившимся за десятилетия стоном. До кого хотел он донести эту свою страшную тоску? До нас? Нет, человек просто изваял свою боль, свои страдания в этих вот буквах и этим выкрикнул свое горе в огромное пространство, в никуда. И, вознеся останки Кати, умершей, скорее всего, при родах, так высоко на склон сопки, неизвестный мне, а сейчас уже и всем нам, он поднял свою Любовь над всеми – и над мертвыми, и над живыми. И сейчас я явственно ощутил, как этот горестный выкрик, возможно постоянно витавший у этого скорбного места, отдался в моей душе.

Я прилег на склоне рядом с последним пристанищем бедной Кати, закрыл глаза. И вот уже среди рокота, шума и шелеста морских волн, непрерывных стенаний чаек все явственнее, казалось мне, стали различаться голоса и выкрики людей, скрип трущихся о пирс бортов баркасов. Мысленно я видел стоявшие вон там, недалеко внизу, дома-бараки, еще какие-то постройки, видел много людей, и где-то среди них, наверное, была неразличимая для меня бедная Катерина...

Страница из полевого дневника:
 приустьевая часть побережья бухты Северной

База Северная

База Северная строилась «под треску» как филиал Карагинского рыбокомбината. Название свое она получила по имени бухты, на берегу которой располагалась. Можно сказать, что строительство этой базы было вынужденным. На запад и на восток в относительной близости от Северной бухты находились богатые рыбой тресковые «банки». От основного поселка острова до здешней западной банки было миль тридцать пять, до восточной, а это уже в обход северной оконечности Карагинского, – не менее пятидесяти. Тихоходные же японские «кавасаки», бывшие в те первые годы собственностью комбината, за час покрывали не более пяти миль. Впрочем, ловили треску и недалеко от поселка Островного в проливе Литке. Еще одна база находилась на юге острова, на перешейке. Там богатая рыбой южная банка располагалась между мысом Крашенинникова и мысом (это уже на Камчатке) Начикинским.

Застраивать Северную базу начал первый ее заведующий Иван Александрович Медведев. Из бочечной клепки собрали сначала один барак, утеплили его дерном. На несколько лет он стал домом для островитян, остающихся здесь после путины зимовать. Колодец был выкопан прямо внутри барака, и для зимовщиков это являлось чуть ли не единственным «бытовым удобством». Отсутствовало даже радио. Рассчитан барак был человек на 80, в 1934–1936 годах зимовать в бухте Северной оставались более двадцати семей. Второй барак, летний, был сделан попроще, так как предназначался он для прибывающих на летнюю путину сезонников. В основном же сезонные рабочие жили в палатках, и летом база Северная являла собой не такой уж и маленький – на 500–600 жителей – поселок. Позднее здесь построили небольшую амбулаторию, при которой летом жили фельдшер с женой.

Те, кто оставался на Карагинском на вторую и тем более на третью зиму, называли себя не иначе как «коренными

островитянами». Жестокие шторма начинались уже в октябре, и день ото дня они становились все свирепее. На базе Северной люди оставались на долгие шесть месяцев без радио, без связи, без какой-либо возможности добраться до центрального поселка: пешком не пройдешь, идти на лодке в море поздней осенью было все равно что решиться на самоубийство, зимой – не пропускал лед. Зимовщики на базе занимались ремонтом плавсредств, чинили рыболовные снасти. Поначалу на долгие выюжные шесть месяцев работы хватало не всем, и лишь потом, с постройкой на второй или третий год свинарника на два десятка животных, ее заметно прибавилось.

Нетрудно представить, с каким нетерпением, как самого большого праздника, ждали зимовщики базы Северной весны и прибытия сезонников. Еще с самой глубокой зимы людей начинали волновать и обсуждались уже каждый день одни и те же вопросы. Откуда в этом году будет набор? Вернутся ли те, кто, уезжая, обещал с первым же транспортом появиться в Северной? Кто-то уезжал на родину только на зиму и, связанный с комбинатом договорными условиями, должен был бы вернуться обязательно. Другие вольны были уже не возвращаться, но обещали появиться здесь и в этом году.

И вот в один из майских дней этот праздник наступал. Пароход «Коммунист Камчатки» заходил в бухту Северную не из-за мыса Голенищева, а откуда-то от Олюторки. Едва заметив его на горизонте, все население Северной выходило сначала на плоский приподнятый мысок, кто помоложе и нетерпеливее, забирался еще выше, на вершину ближайшей сопочки. Когда же на судне начинали готовить шлюпки для высадки приезжих, зимовщики бежали к месту, где прошлый год стоял и где завтра уже будет построен новый деревянный пирс. Подходили шлюпки, люди в них и на берегу узнавали, радостно приветствовали друг друга, кричали что-то несусразное. Потом прибывшие выходили на берег,

кто степенно, кто бегом, здоровались, обнимались. Короткая радость встречи, и вот уже для всех находилась работа. С людьми на пароходе приходило много груза: соль, брезенты, стройматериалы, продукты – да мало ли чего нужно было доставить на базу. Сначала все силы бросались на разгрузку парохода, потом часть людей ставилась на расчистку, выравнивание мест для палаток, будущих тресковых буртов и хозяйственных построек. И уже стучали кувалды, молотки и топоры: бригада рабочих строила новый пирс. Эта работа была здесь обязательной каждую весну, так как прошлогодний причал обязательно дочиستا разбивался зимними штормами.

И, наверное, только шкипера были в несколько более привилегированном положении: они ходили вокруг своих посудин, кто с легкой улыбкой, а кто со сдвинутыми в одну полосу бровями. Ходили, любовно оглаживали корпуса кавасаки, ревниво, внимательно осматривали результаты зимних ремонтных работ. Это их, свои кавасаки, последние месяцы видели они каждую ночь то в хороших, то в кошмарных снах.

Давно ли вот так же, как многие из вновь прибывших сегодня, двадцатилетний парень с Волги Федор Халяпин со своим товарищем Василием Тюляндиным ступили на этот берег в первый раз. Тогда для них, молодых парней, впервые увидевших море, еще не знавших, что через два-три года им суждено стать опытными шкиперами, поначалу было удивительно слышать, что рыба в море живет не везде, а держится лишь в определенных местах – в каких-то «банках». В относительной близости с Северной бухтой таких «банок» было три, и хороший шкипер мог найти их в море при любой погоде и в любое время суток.

Три зимы провел Федор на базе Северной. Вozил на себе дрова, так как собачек здесь не держали. Конечно же, жизнь здесь была нелегкой, но, наверное, не такой, как на основной базе комбината в 1932–1933 годах, когда там «правил» начальник острова Тяжёлов. Фамилия соответствовала деспотичному характеру этого человека. Сразу же по прибытии

сезонников начальник отмерял им «зону обитания» – не более одного квадратного километра, и никто не смел из нее выйти.

На базе Северной поначалу были всего две японские кавасаки, и они имели свои собственные имена: одну звали «Пальмирой», за другой, по названию ее двигателя, осталось имя «Симамото». Для 13-метровой посуды, имевшей трюм на девять тонн груза, 18-сильный «симамото», как бы показалось нам сейчас, был явно слаб. Невелика была и команда: шкипер, по-японски – «сендо», и моторист. При выходе на лов трески на борт брались четыре ловца и «обескровельщик».

Снасть для отлова трески была несложной, но привнесенной в быт островных рыбаков, вероятно, от японцев. Состояла она из прочного, длиной в несколько десятков метров шнура – «ивайто», с нижнего конца которого крепились «ивайтушки» – небольшие, по 35–50 сантиметров, поводки с крючками. К ивайто они вязались – одна слева, другая – выше и справа, следующая – опять выше слева, очередная – снова справа, но так, чтобы каждая верхняя «ивайтушка» не доставала крючком до места крепления расположенной ниже. Обычно с одной стороны основного шнура вязались не более десяти «ивайтушек», чаще же на снасти было всего от десяти до шестнадцати крючков. В качестве грузила, «имадо», к нижнему концу ивайто крепились несколько звеньев металлической цепи. Рыбак обязательно имел еще одну снасть – «кагу», палку семидесяти-восемидесяти сантиметров длиной с крючком на конце. Кагой подцепляли и поднимали из воды рыбину и с ее же помощью освобождали из пасти трески крючки.

За день на лов успевали сходить один раз. Вставали в три утра, быстро завтракали – и на кавасаки. Два часа хода, и кавасаки останавливалась на западной банке. Если море рядом имело глубину метров шестьдесят, то на довольно обширной по площади «банке» глубина под килем кавасаки

была не более, а местами – и менее десяти-двенадцати метров. На банке шкипер и моторист тоже становились ловцами, и лишь у обескровельщика были другие, свои задачи.

Треска на одной и той же банке где-то была помельче – по четыре-пять килограммов, а где тянула и на восемь, но обычно в одном месте довольно ровная, и найти участок, где рыба была покрупнее, удавалось не всегда. На приманку для трески шли кусочки камбалы, палтуса, бычка, иногда – соленого лосося. Одну и ту же приманку рыба охотно брала не каждый день. Пойманная треска тотчас попадала в руки обескровельщика, он подрезал ей калтычок – треугольничек рыбьего брюшка в районе жабр – так треска и, что было важно, ее печень освобождались от крови. Весь улов на судне складывался в одно место, но каждый рыбак вел пойманным им лично рыбакам собственный счет. Какой-то обязательной нормы вылова на человека на острове не было даже в жесткие военные годы, люди знали, за что работали. За один выход в море на ловца обычно получалось от 6 до 10 центнеров рыбы, но бывали дни и поудачливее. Самым же фартовым (из русских) рыбаком на Карагинском острове слыл энергетик и слесарь центрального поселка Федор Смирнов. Рыбачил он без отдыха и перекуров, и его личный дневной рекорд – 21 центнер рыбы – на памяти островитян тех лет так и оставался непревзойденным. До двухсот и более рыбин за выход на лов, будучи уже шкипером, ловил Федор Халыпин.

На «банке» находились, пока не залавливались полнотью. Улов старались сдать по приливу, когда можно было подойти прямо к пирсу. Разгружались быстро, минут за тридцать: пиками и крючками рыбу с судна бросали на деревянный настил пирса и судно уводили на рейд. Приемщик взвешивал весь улов, по сообщенному ему количеству пойманных рыб рассчитывал средний вес одной рыбины, после чего каждому ловцу записывался его дневной результат. Улов же быстро попадал в руки обработчиков: женщины бросали рыбу на стол, «головорезы» отсекали головы, одни

вырезали потроха, отделяли печень, другие удаляли из полости черную пленку, третьи мыли. Потом тушки обваливали в соли и укладывали в бурты. Каждый по четыре-пять метров длиной, до двух метров в ширину и на рост человека в высоту, бурты возводились тут же рядом. От росы и на случай дождя их укрывали мешками и брезентом. Через семь-восемь суток такой просолки рыбу складывали в ящики и при первой возможности отправляли на комбинат в поселок Островной.

Кстати, о «головорезах», в задачи которых входило отсекание рыбьей головы в начальной стадии ее обработки. Для рыбаков это понятие здесь было вполне естественным. И когда один из «коренных» островитян Константин Четвериков поехал отдохнуть на материк, в его обязательном в то время «отпускном удостоверении» в графе «специальность» так и было записано – «головорез». Находясь дома в отпуске, Костя решил немного подработать, но с такой справкой его (непонятно почему!) нигде на работу так и не взяли.

Несколько позднее наших сезонников в бухте Северной появлялась бригада рыбаков-японцев. На Карагинский остров тогда они приезжали каждый год, на это имелось соответствующее межгосударственное соглашение. Мотоботы и орудия лова на время промысла им предоставлял комбинат, хотя веревка для снастей, да и те же перчатки на остров поступали из Японии. Свой улов японские рыбаки сдавали комбинату. Как дальше шли их взаиморасчеты с российской стороной, нашим рыбакам было неизвестно.

Японцы жили своей замкнутой общиной несколько в стороне от русских. Все они, явно из бедняков, были тихими, малозаметными, и лишь их капитан, сендо, чувствовал себя на базе Северной более уверенно. В японской общине ему беспрекословно подчинялись все, без разрешения сендо никто не смел предпринять ни единого шага. Рыбу они ловили на тех же банках, но, по меркам наших, были настоящими

рекордсменами лова: за день успевали заловиться два, а то и три раза. Японцы очень гордились своим умением рыбачить, но, как бы хорошо ни жили они с русскими, как бы ни были благодарны им за постоянную общительность и доброту, секретов своего рыболовного мастерства не раскрывали никогда. В бухте Ложных Вестей японцы ловили также и красную рыбу, брали строго определенный им лимит и рыбалку заканчивали очень быстро.

Об артели японских рыбаков на острове я читал и в упоминаемом мною отчете Разумовского. Автор рассказывает о том, что в 1928 году вместе с ним на пароходе «Индиگیرка» на остров прибыла бригада рыбаков-японцев. Один из них был болен «бери-бери» и через три дня скончался. Разумовский описал обряд его сожжения.

После вступления Японии в войну на острове Карагинском они больше не появлялись.

Кормили народ на острове даже в годы войны хорошо. Уже вскоре после своего образования Островной рыбокомбинат специально для обеспечения людей мясом заимел собственное оленье стадо. Развели свиней: на Северной их было не больше двух десятков, на основной базе комбината – более сотни. Картошка и лук на базе Северной были сухими, но зато вдоволь хватало свежей «петрушки», лигустикума, в изобилии произраставшего по побережьям острова. АКО доставляло на остров чай, кофе, какао, было даже стуженное молоко.

Карагинский остров в изобилии снабжал людей и одним из самых ценных пищевых продуктов – яйцами птиц. В конце мая со всех баз (на остров Птичий – с базы Северной, на Три камня – из поселка Островного и на скалу-останец, названную годы спустя камнем Шкуро, – с базы Южной) направлялись сборщики яиц. За несколько дней на птичьих базарах собирали тысячи и тысячи яиц, главным образом толстоклювой кайры и тихоокеанской чайки. Решена была и проблема достаточно долгого их хранения. Жители основной базы для этого позаимствовали опыт местных коряков:

дождавшись времени максимальных отливов, часть яиц в емкостях они закапывали на нижней кромке литорали. По мере надобности яйца выбирались при следующих максимальных приливно-отливных колебаниях моря.

По-своему ту же задачу решили в бухте Северной. Яиц сюда обычно привозили уж точно более десяти тысяч. И здесь добрую службу людям оказывал ключик. Да-да, это тот самый, о котором я говорил выше. На его берегу выкапывали достаточно глубокую, до полутора-двух метров, квадратную яму. В нее спускали заранее сбитые щиты, из которых в яме собирали вместительный ящик. На двух его противоположных стенках набивали бруски. На дно ящика в несколько рядов складывали яйца, на бруски над ними клали доски перекрытия, на которое укладывали следующие полторы-две тысячи яиц и опять закрепляли перекрытие. Так нижние яйца предохранялись от чрезмерного давления верхних. Затем выше по течению ключика от него делали отвод, и «холодильник» заполнялся леденящей ключевой водой. Яйца в нем прекрасно сохранялись до двух месяцев.

Таким образом, отчасти благодаря привлечению «подножных ресурсов», в довоенное время столовая для работающих на промысле при четырехразовом питании обходилась в 31 рубль в месяц.

Не одной работой жила база Северная. Как ни длинны были рабочие дни и непривычно коротки северные ночи, молодежь нередко гуляла до утра. Даже при весьма строгой дисциплине здесь справлялись и дни рождения. Для этого имениннику было необходимо лишь предъявить коменданту поселка паспорт и получить необходимые для праздника продукты. Из личного фонда директора рыбокомбината виновнику торжества выдавалась бутылка, иногда – две, спирта. Ежедневное питание, затраты на день рождения, если таковой случался, прочие возникающие расходы – все шло «под запись» и высчитывалось из общего заработка при расчете в конце путины. Денег сезонные рабочие на острове

не имели, их они получали по расчетным книжкам в Петропавловске или Владивостоке.

Путина, начинавшаяся в 20-х числах мая, заканчивалась в середине ноября. На лов не выходили только в шторма, которые с осени становились все более частыми и свирепыми.

В 1930-е годы за летний сезон рыбаки зарабатывали до 800 рублей. Корова же в те годы на «материке» стоила не более 100 рублей.

С годами комбинат богател, на базе Северной на лов выходили уже восемнадцать кавасаки. Недавние рыбаки становились шкиперами. Появились и более мощные, построенные во Владивостоке, 30–36-сильные мотоботы. К концу 1930-х годов у комбината их было до двадцати пяти единиц. На базе Северной во время лова, на случай внезапного шторма, мотоботы охранял катер «Геральд».

В надежде на достойные заработки тысячи сезонников направлялись на Камчатку и в наши, 1960-е годы. Для них воспоминания «коренных островитян» о былом являлись не более чем красивыми мифами.

Сулой – это страшно

Три дня назад утром мы проснулись под дальний грохот волн. Начинался шторм. Надо было идти на берег проверить лодку, укрыть от сырости вещи. Чем ближе мы подходили к берегу, тем все более влажным становился пронзительный северный ветер. Серовато-белая пена, сорванная им с белых гребешков волн, была разбросана по берегу в нескольких метрах от воды. Шторм уже пришел и сейчас набирал силу.

Осматривая в свой 15-кратный бинокль горизонт, я сначала просто не мог себе поверить: от мыса Голенищева и, сколько было видно, по горизонту на восток море было заполнено плавниками косаток. Сколько их там? По крайней мере десятки! И судя по всему, там, на горизонте, шла

«большая охота». Острые плавники-косы хищниц метались в разные стороны, стремительно разрезали воду, исчезали, появлялись вновь, изредка косатки, казалось, полностью вылетали из воды. Скорее всего, «киты-убийцы» хорошо знали это место массовой залежки тюленей, недостижимых для них во время отлива. Знали они и о времени наиболее удачной охоты, и сейчас, перед штормом, с началом прилива собрались в таком числе на большое кровавое пиршество. Но мы в этом «театре» находились в самом последнем ряду; километры расстояния и резкий, до слезящихся глаз, ветер не давали возможности увидеть всей картины разворачивающейся на этой «сцене» кровавой трагедии. Бедные ларги!

Сбесившийся северо-восточный ветер гремел три дня и три ночи. Мощные накаты ежесекундно обрушивали на берег тяжелые громады волн. В нашей землянке, в сотнях метров от моря, их грохот был слышен как дальняя пушечная канонада, и было явное ощущение того, что от тяжелых ударов вздрагивала земля. Что же творится здесь при осенних, еще более грозных штормах? Ведь это они разбросали многометровые бревна по долине реки на десятки метров от берега. Мы наконец поняли, как правы были коряки-оленьеводы, построившие свое временное пристанище подальше от берега.

Вчера к ночи ветер стал слабеть, шторм пошел на убыль. После трехдневного беснования сегодня около полудня, когда мы вышли на берег, море нам показалось спокойным. Только вот удастся ли нормально пройти бары в почти полностью замытом штормовыми волнами устье? Уходить мы твердо решили именно сегодня, нас прямо-таки тянуло на западную, нашу домашнюю, сторону острова. И потому нам здесь все было уже неинтересно.

Если бы знать, насколько по-настоящему «интересно» будет чуть позже!

Бары в устье Акановаям прошли удачно. До северной точки острова девять километров. Какое-то время нас всего

лишь плавно и широко покачивало на волнах. Свою ошибку мы осознали, едва выйдя из-под прикрытия мыса Горбатого. Волна вдруг стала настолько крутой, что мы даже не рискнули сразу же развернуться на ней назад и продолжали идти к мысу. Это стало второй нашей ошибкой.

Шел прилив. Извечный маятник приливно-отливных течений гнал могучий водный поток по проливу Литке вверх, к северу. Штормовые волны, катившиеся трое суток по морскому безбрежью и набравшие колоссальную инерцию движения, шли с востока на запад. И эти два могучих течения встречались на изобилующем рифами мелководье у мыса Голенищева.

Здесь уже не было поочередно набегающих водных валов – вздыбливаясь крутыми непредсказуемыми буграми, они, казалось, превратились в колоссальные водные жернова. Это и называется сулоем!

И в центре этой жуткой оргии волн оказалась наша убогая скорлупка.

«Казанка» первого выпуска, легкая дюралюминиевая лодка без намека на киль, без малейших приспособлений, гарантирующих плавучесть при подтоплении, была изготовлена, вероятно, для плавания в детской песочнице. Эти лодки только-только появились на Камчатке, и мы еще не представляли себе, сколько уже в ближайшие годы они унесут человеческих жизней. И сейчас в этом неистовом разгуле морской стихии всего лишь алюминиевая прослойка в два миллиметра толщиной стала гранью между нашим бытием и небытием.

Не было никакой возможности как-то приноровиться к жуткой вакханалии многометровых волн. Они вырастали сзади, и мы, стремительно скользя, падая по крутому склону жуткой водяной горы, оказывались в глубокой яме. В следующие мгновения «Казанка» уже еле-еле карабкалась по вспухающей перед нами горе вверх или же вдруг сразу взлетала на ее вершину. Новое почти мгновенное падение –

и затем опять взлет. А за бортом, на дне глубокой впадины, из которой, казалось, мы только что вознеслись, вдруг, как живая, высовывалась уродливая голова подводной скалы. Через секунды «Казанка» опять летела вниз – и счастье, что мимо рифа. Наверное, мы еще не все хорошее совершили на нашем жизненном пути и еще были нужны живыми.

Очень медленно, но лодка все же продвигается к самой крайней северной точке острова – мысу Голенищева. От напряжения и сковывающего волю страха руку на румпеле начинает сводить судорогой. Идти сейчас к скалам равносильно самоубийству. Но я чувствую и вижу, как против здравого смысла, против своей воли стараюсь держаться ближе к берегу. Юра через вещи начал пробираться к корме, знаками велел мне сбавить газ и так же без слов сменил меня на моторе. Он, наверное, не без основания считал себя более рассудительным в управлении лодкой. Осторожно маневрируя между вспухающими водяными горами, Юрий повел лодку дальше. Я перебрался на переднюю банку, но страх не оставлял. Оглянулся на товарища и увидел его белое лицо. На душе у него творилось то же, что и у меня, не знаю только, пели он, как я, про себя, чтобы хоть чем-то отвлечься от этой жути, этого беснующегося вокруг нас расплавленного свинца морских волн.

Юра ведет лодку к мысу, в то же время удаляясь от берега. Он хорошо усвоил мудрость моряков, гласящую, что в подобных случаях «дальше в море – меньше горя». Я смотрю на медленно удаляющееся вспененное подножье береговых обрывов. И вдруг мне показалось, что с береговой скалы сорвалась не чайка, их над нами много, а светлый, почти белый глупыш. Не может быть! Они же на острове не живут. Я ментально схватил ружье и с крайне неудобным для стрельбы поворотом, на самом что ни на есть пределе для моей «двадцатки-ижевки» достал-таки птицу зарядом.

И Юрий, отметив место ее падения, не задумываясь, едва ли не в самом опасном для нас месте медленно развернул

Глупыши на мысе Голенищева живут, занимая чужие гнезда

лодку и повел ее к отстрелянной птице. Да, это был глупыш! Это было наше маленькое научное открытие! Это было здорово!

Подобрав птицу, я вдруг ощутил, что от моего страха не осталось и следа. Так же дико бесновались волны, мы шли в нескольких сотнях метров от острия мыса, а я уже пытался осмыслить причину этого жуткого чувства, державшего меня в оцепенении последние полчаса. И понял: да, мы боимся, но это не тот ужас хронического труса, который называют паническим. Это страх, который можно назвать благоговейным, страх перед неукротимой мощью Великого Океана.

А Юра в это время уже плавно разворачивал «Казанку» влево. Еще через две-три минуты мы оставили за собой подводную скальную гряду и вскоре оказались совершенно в другом мире. Прилив, очевидно, уже кончился, в проливе Литке не было даже намека на волнение. Мы вдруг заметили, что сегодня прекрасный день, что над нами изумительной голубизны небо и яркое солнце. Жизнь по-прежнему была прекрасной.

Карта острова

Читая карту Карагинского острова, мы видим на ней как аборигенные, так и русские географические названия. Последние, русские, на слуху коренного народа, без сомнения, появились много позже. Более древние местные названия сохранились в обозначениях всех островных рек. И это понятно, так как реки во все времена были главными кормилицами здешнего народа, и, общаясь, люди должны были точно знать, о какой конкретно реке идет разговор. Лишь одна из трех наиболее крупных водных артерий острова – река Маркеловская – как бы выбилась из этого списка. Несомненно, и она когда-то называлась иначе, но на ее берегу в начале прошлого века стояла юрта коряка Маркела. И очень может быть, что в переименовании этой реки виноваты отнюдь не местные жители, а осваивавшие в те годы остров русские пришельцы.

В обиходе у местных жителей бытуют и другие названия самых главных для них рек. Гнунваям (в некоторых публикациях она называлась Унюнюваям, в отчете Разумовского – Унуннуазм) они называют Первыми устьями, Мамакинваям – Вторыми, Плоксан – Третьими и реку Маркеловскую – Четвертыми устьями. Очевидно, что так аборигены обозначили важнейшие для них места добычи рыбы, отсчитывая «устья» по мере удаления их от своего основного поселения на реке Гнунваям.

Сохраняются на карте и некоторые местные названия гор. В 1828 году, исследуя побережье Восточной Камчатки, Ф.П. Литке оставил на карте острова, как минимум, три достойных имени. Самой южной оконечности острова он присвоил имя своего славного предшественника, Степана Крашенинникова. Крайняя северная точка Карагинского была названа мысом Голенищева, с которым Федор Петрович подружился в Петропавловске. О Голенищеве, бывшем начальнике Камчатки, я рассказывал выше. И наконец мыс Семёнова –

самое острое косы Лекало – получил свое название в честь одного, также упомянутого мной члена экипажа той экспедиции.

После плавания Литке прошло ровно сто лет, и на карте острова, главным образом в названиях гор и мысов, появились новые имена. Так, гора Ковровая получила свое название за разноцветный осенний убор ее склонов. Не нужно, наверное, гадать, почему другие сопки бесхитростно названы Туманной, Острой, Круглой, Южной. Вершина горы Высокой и в самом деле является самой высокой точкой острова. Мыс Урилл получил свое имя благодаря скоплению на нем бакланов (урилов по-местному). А вот мыс Тонс (иногда пишется как Тонос) мог бы обозначаться всеми прописными буквами, так как его название является не чем иным, как аббревиатурой от Тихоокеанской научной станции, сотрудником которой был В.И. Разумовский. Именно он и явился автором последних островных географических названий. Не все имена, которые этот исследователь пытался присвоить мысам и сопкам, запечатлены на современной карте острова. Не сохранились, к сожалению, такие достойные названия, как мыс (доктора) Слюнина и гора Новограбленова, названная в честь ботаника и известного исследователя Камчатки.

Отчет ученого сохранил для нас имена значительной, едва ли не всей части взрослого мужского населения острова тех лет. Есть, кстати, в рукописи и упоминание об алеуте Михаиле Удачине. Он, вероятно, сопровождал командорских песцов, которые в 1928 году были доставлены на Карагинский остров для разведения. В.И. Разумовский рассказывает о местных коряках, их быте, мировоззрениях очень по-доброму, с явным уважением, иногда с добрым юмором. И нигде в повествовании не улавливается ни нотки снобизма или насмешки, и это очень хорошо характеризует самого автора. Из его отчета мы узнаем о скромном Семене (корякское имя – Аккайпын), о деликатном «образце порядочности» Иване Колегове (Эккен). А вот Ефим Колегов, наверное, мог бы быть назван «образцом жадности». Ученый упоминал

его как неимоверно скупого человека. Когда Разумовскому для экспедиции по острову потребовались ездовые собаки, Ефим за их «аренду» запросил такую сумасшедшую цену, что удивил даже своих соплеменников.

Кстати, летнее использование ездовых собак по их прямому, «тягловому», назначению для жителей острова было вполне нормальным. Только тащили они летом не нарту по суше, а кунгас по морю. Собачья упряжь определенным образом крепилась к шлюпке, собаки бежали по берегу вдоль уреза воды и доставляли людей практически в любую точку западного побережья острова от южного мыса Крашенинникова на север до реки Маркеловской, а при необходимости и дальше. При некоторой помощи собакам у мыса Голенищева с ними можно было добраться и до реки Северной. На большей части этого пути вдоль берега пролива Литке протянулась полоска приморского пляжа. Некоторые трудности для людей и собак на всем этом более чем столкилометровом маршруте представляли устья нескольких рек и основание косы Лекало. Нигде после Разумовского упоминания об использовании ездовых собак в таком качестве мне встречать не приходилось.

Во время моих островных экспедиций получение топографической карты или хотя бы близкого к действительному чертежа местности было сопряжено с весьма серьезными трудностями. В верхнем правом углу любого такого документа стоял гриф «Секретно». Допуска к секретным материалам я (по собственному, впрочем, желанию) не имел, и практически все первые экспедиции по острову совершались нами вслепую. Перед каждым очередным походом на лодке, если нам предстояло идти дальше, чем ранее, мы расспрашивали местных жителей о мысах, бухтах, реках, о каких-либо возможных опасностях на нашем пути. И чем дальше уходили мы по океанской стороне от мыса Голенищева на юг, тем больший дискомфорт рос у меня в душе. Проходя по неизвестному морю, утыканному скалами-кекурами, изобилующему

скрытыми водой рифами, я с возрастающей тревогой вглядывался в проявляющиеся в тумане далекие скалистые мысы. Что там за ними, есть там хотя бы небольшая бухточка или достаточно глубокое для нашей лодки устье реки на случай западного шторма? Очевидно, я так и не смог вытравить из себя страх, испытанный в ту первую для нас встречу с жутким сулоем у мыса Голенищева.

В 1969 году на остров мы прибыли с районным охотоведом госохотнадзора Николаем Бондыревым, третьим членом нашей группы была ласковая и отважная лайка Николая – Найда. Наш первый намеченный в то лето маршрут был пешим, и потому еще одним участником экспедиции стал взятый нами в селе Ягодном мудрый конь Чалый. Он был уже немолодым, походил по острову с геологами, знал, что такое выюки, знал, что иногда приходится идти по морскому прибрежью по брюхо в воде, мог расчетливо пройти по острому гребешку обрыва, не веря в надежность сохранявшегося на его краю снежного припая. Но, как мне показалось, он все-таки недооценивал людей, по крайней мере некоторых из нас. Едва

Фрагмент восточного побережья острова во время отлива

утром мы навьючивали на него вещи, Чалый начинал поддавать крупом, сбрасывал тюки и вообще всячески показывал свое несогласие с нашими намерениями. И тогда ему пришлось вплотную познакомиться с Николаем. Уже на третий или четвертый день, а мы тогда подошли к «пересеченной местности», утро для строптивого коня стало начинаться с «легкой разминки»: Николай, прекрасно державшийся на лошади даже без седла, взнуздывал и гнал Чалого вверх по крутому склону горы, иногда пропадая у меня с глаз. После такого «моциона» желание коняги показать свой характер пропадало, по крайней мере до следующего утра. Полностью же от своей дурной привычки наш верный помощник избавился лишь на обратном пути к дому.

Задачу – за две недели пройти вдоль морского побережья по периметру острова – мы себе поставили насколько замечательную, настолько, как потом оказалось, и совершенно невыполнимую. Без карты острова мы, конечно же, не имели представления о предстоящем маршруте и, готовясь к походу, вынуждены были доверять лишь сведениям, полученным от местных оленеводов. Как оказалось, у аборигенов представление о километрах было несколько иным, отличным от нашего. Если коряки говорили, что от какого-то мыса до ближайшей реки двадцать километров, настоящее расстояние могло оказаться в пять и десять раз меньшим. В другой раз их один километр на самом деле вырастал в несколько крат.

И тут во время подготовки к нашему пешему маршруту я неожиданно узнал, что у деда Ефима якобы хранится карта острова, некогда оставленная «землемерами». Да-да, у того самого Ефима Колегова, о котором я уже знал от В.И. Разумовского. Сколько точно лет было деду Ефиму при первой нашей встрече с ним в 1966 году, тогда мы с Юрой дознаться не смогли. «Аааа... я ни знаю... Аднак-ка вос-симвь-ддидсят!» – ответил он. Не знали года его рождения и сыновья Егор и Алексей. А вот от своего недуга – непомерной скупости – дед Ефим так и не излечился, я могу это утверждать,

и по прошествии сорока лет. Он очень любил, когда ему что-нибудь давали, но страшно не любил хоть что-то отдавать сам.

В этот раз старый коряк находился на Плоксане, где он вместе с семьей Майновье заготавливал для оленеводов рыбу. Встретиться с ним мы должны были на второй день нашего похода. Зная, что переговоры с дедом Ефимом будут нелегкими, я заранее подготовил, отложил в отдельный карман совершенно неотразимый для данной ситуации аргумент – стограммовый пузырек спирта.

Наша встреча с Ефимом, как и ожидалось, произошла на Третьих устьях:

– Дядя Ефим, говорят, у тебя есть карта острова, землемеры ее нарисовали?

– Карр-та? Какой карр-та? Ни знаю!

– Карта, на которой нарисованы реки, горы, олени пастбища.

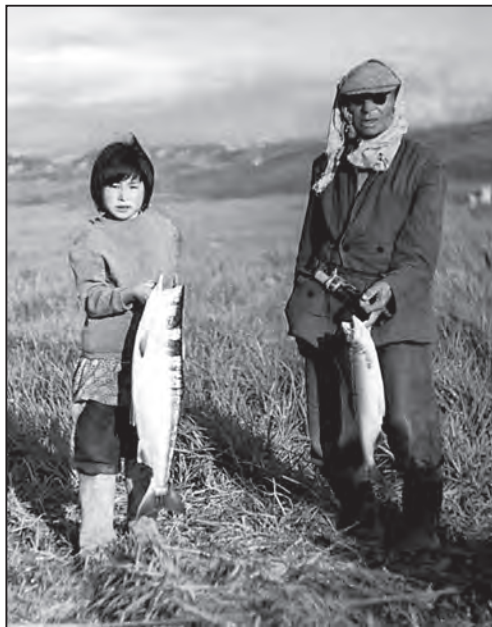
– Ааа... карр-та... нетту карр-та!

– Дед, я верну тебе ее через несколько дней. Не жадничай.

– Нетту карр-та... Был... сичас нетту!

Я достаю из кармана пузырек, и реакция старика оказывается мгновенной: обе руки Ефима уже прижимают выхваченный у меня «презент» к животу.

– Ааа... спасип-па... спасип-па! – то-ненько и восторженно запел он.

Верка и дед Ефим с добычей, р. Плоксан

– Ну так как, дед, дашь карту?

– Аааа... карр-та... Сичас.

Ефим уходит в юрту, какое-то время спустя выносит и с невозмутимым видом подает мне донельзя замусоленную... колоду карт. Переговорный раунд остался за старым коряком Ефимом.

Заночевали в устье Маркеловской. А на другой день у нас здесь случилось маленькое, но чуть было не превратившееся в чрезвычайное, происшествие. Эта одна из самых крупных водных артерий острова, даже пройдя большую часть своего пути к морю по низкой заболоченной равнине, не утрачивает своенравного горного характера. Течение ее очень быстро и в самом устье.

Утром мы накачали взятую с собой лодку-резинку, погрузили в нее часть нашего снаряжения, и я стал переправляться на другой берег. Весло сломалось на середине не такого уж и широкого русла. Я пытался грести одним веслом, но лодка только вертелась вокруг своего центра, а водный поток стремительно нес ее к выходу в пролив. Так и крутясь посреди русла, я, как мне показалось, в какие-то мгновения «пролетел» остающиеся сто – сто пятьдесят метров реки и еще через секунды оказался не ближе, чем в сотне метров от берега. И лишь там, вы-

*Николай Бондырев – мой товарищ
по экспедициям 1969–1970 гг.*

бившись наконец из продолжающегося свой бег потока, остановился. Когда я волчком вертелся среди реки, Коля смеялся и резко изменился в лице, увидев меня вдали от берега. Он всерьез испугался, и было

чего: даже не очень сильного восточного ветра могло хватить, чтобы... чтобы я, даже с таким многолетним опозданием, никогда не смог рассказать об острове Карагинском. Все следующие переправы через реки мы совершали только с обязательной подстраховкой – веревкой в руках остающегося на берегу напарника.

30 июня мы огибали мыс Голенищева. Здесь нас застал полный прилив, и мы с Николаем впервые оценили достоинства капризничавшего каждое утро нашего помощника-коня. Идя по брюхо в морской воде, Чалый так расчетливо ставил копыта на скользкие, обкатанные волнами камни, что этот действительно самый опасный отрезок пути был пройден нами без серьезных переживаний. Зато потом, когда в обход крупнейшего камня мы вынуждены были подниматься в гору, наш конь запсиховал и уже наверху сбросил с себя тюки. Мы его понимали и вниз стащили мешки на себе.

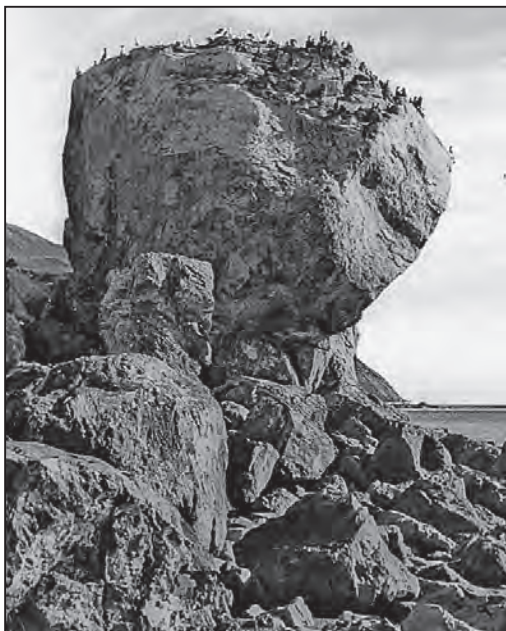
В бухте Северной мы сразу же решили задержаться дня на два-три. Погода была прекрасной. Коля приспособил

Бухта Северная. «Мужской клуб» каменишек

какую-то так и не понятую мной по устройству снасть и поймал с десятков-полтора крупных королевских, впрочем, может быть, и камчатских, крабов. Я же старался по возможности полнее использовать для своих научных сборов каждый день.

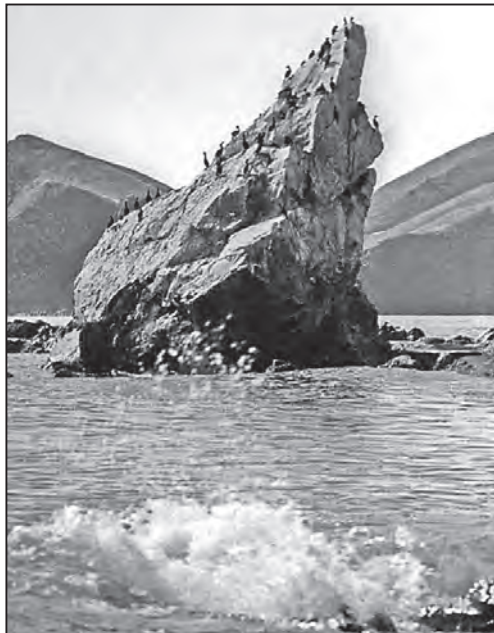
В этот же первый день с началом отлива я пошел обратно в сторону мыса Голенищева. Фотографировал птиц, собирал растения для гербария. Возвращаясь к нашему стану, я не захотел идти третий раз за один день по тому же участку прибойной полосы. Справа поднимался совершенно отвесный обрыв, но в одном месте я нашел участок крутого и все же «подъемного» склона, поросшего травой. Цепляясь за нее, я и заполз наверх. Там, на высоте метров, может быть, десяти над прибойной полосой протянулась неширокая терраска, по ней я и пошел в сторону «дома». Путь мне пересекла щеб-

Эта скала – визитная карточка бухты Северной

нистая осыпь, спадавшая с почти отвесно поднимающегося склона горы Крутой. Я бездумно ступил на щебенку, и она вдруг «потекла» у меня под ногами к краю террасы, оттуда сплошным потоком посыпалась вниз. Я успел-таки преодолеть эту полосу, а вскоре просто забыл об этом опасном, но, надо сказать, обыденном для полевых исследователей инциденте. И сейчас не стал бы об этом вспоминать,

не случись здесь же, по прошествии довольно многих лет, несчастья – гибели студента-биолога. Он, очевидно, шел близко к краю обрыва или замешкался на «ожившем» под ним щебне. А рассказываю я об этом лишь с одной целью: хочу предостеречь молодых неопытных полевых исследователей, путешественников, туристов от смертельной опасности – текущих щебневых рек.

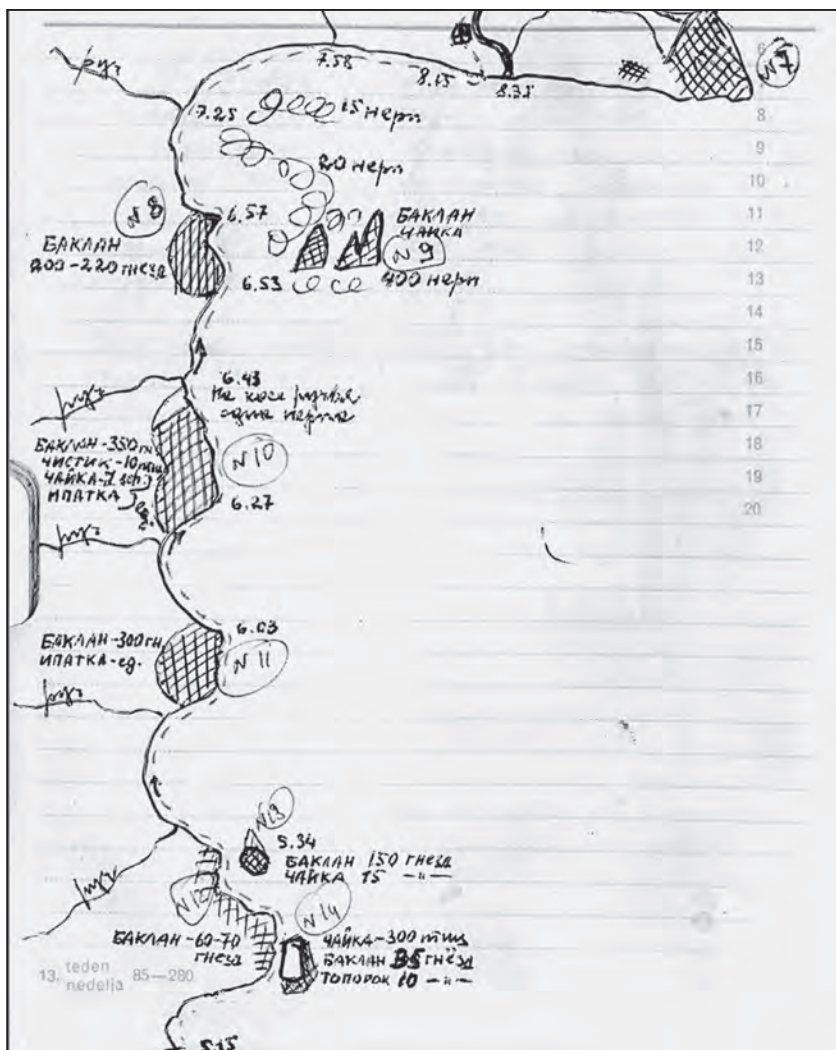

Летом 1970 г. скала, изображенная на этом снимке, рухнула в море

Много лет назад в одном из журналов я прочитал рекомендацию исследователя Заполярья по постройке снежного дома – иглу. Прошло совсем немного времени, и мы, четыре охотоведа, не знакомые еще с жутью камчатских пург, на горном долу попали в многодневную снежную непогоду. Мы смогли построить иглу, и это действительно спасло наши жизни.

3 июля, обогнув с запада гору Аканан, мы вышли к устью Мелилинкваям (Хороший перевал), спустились на прибойную полосу восточного побережья острова и продолжили путь на юг.

Как и все эти первые дни, Николай с конем шли впереди, я же, занятый своими наблюдениями, далеко отстал. За рекой Калелагрываам прилив оставлял нам все менее широкую

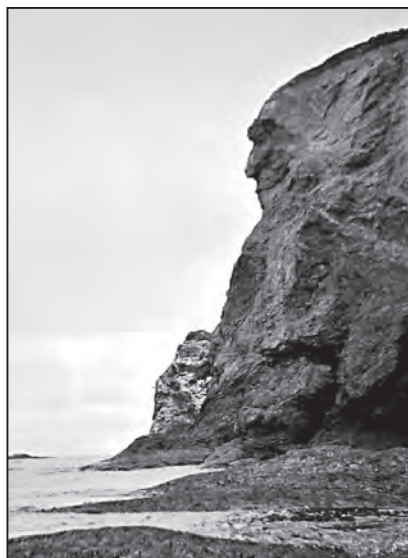
Страница из полевого дневника, 1969 г.

полоску пляжа. Коля торопил подуставшего Чалого, но вдруг остановился, пораженный: над прибойкой возвышалась каменная фигура могучего богатыря.

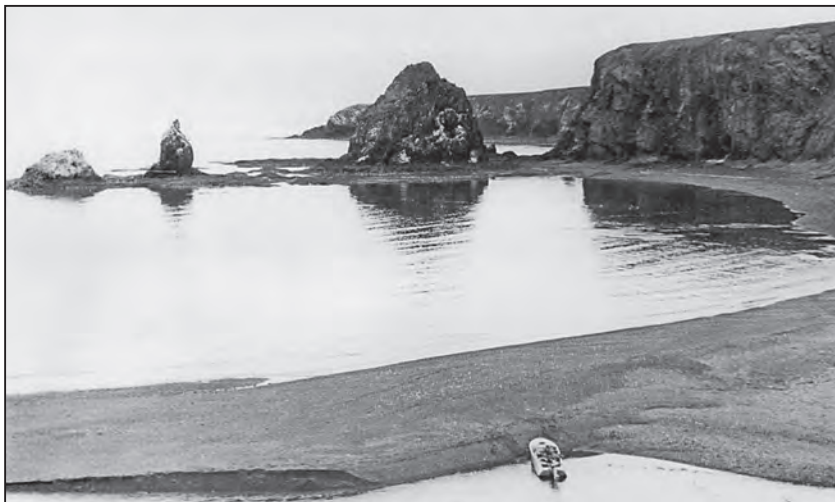
Я прошел мимо этого удивительного творения природы. А узнав о нем только в устье Оскарыновьям, наспех проглотил кружку чая и поторопился вернуться назад. И куда я смотрел, проходя здесь меньше часа назад? Природное каменное изваяние просто трудно было не заметить. С пятнадцатиметровой высоты, насупив брови, на океан смотрел суровый, старый, но действительно очень могучий исполин. Сделанные мной снимки были опубликованы в «Камчатской правде». И тогда кто-то увидел в его лице явно выраженные черты гордого, невозмутимого индейца, другие говорили, что это старик-рыбак, сурово смотрящий на штормовой океан. Но все сходились в одном, все говорили, что это изваяние «старого» человека. Как оказалось, его прекрасно знали местные оленеводы. Мало того, сказали они, мы еще прошли мимо каменной скульптуры женщины с ребенком. Честно говоря, мне трудно представить, чтобы здесь же

*В этом каменном изваянии
коряки видят бабку*

*Каменный исполин на охране
восточного побережья острова*

Побережье в устье Оскарываям

природой было создано еще одно такое удивительное творение.

Конечной точкой нашего конно-пешего маршрута оказалась река Оскарываям. Мы не покрыли и четверти намеченного пути и здесь уже окончательно осознали всю несостоятельность поставленной нами цели этой экспедиции. За Оскарываям морское побережье состояло из сплошных скальных обрывов, а приподнятое над ними плато то вдруг вырастало в высокие горы, то резко обрывалось вниз ущельями речных долин. Пройти по кромке побережья острова с конем оказалось совершенно невозможным. А тут еще на последнем переходе Чалый нечаянно оставил нас без значительной части взятых с собой продуктов. На участке с узким морским пляжем, когда нас подпирала приливная вода, конь поскользнулся, один мешок съехал ему под брюхо и оказался в морской воде. Большая часть наших съестных припасов пришла в негодность.

Итак, мы в устье Оскарываям. Когда-то останавливающиеся здесь по пути к оленьему стаду коряки собрали

подобие шалаша. Его кое-как сложили из выброшенных морем досок и палок. И если не как жилье, то уж в качестве запаса дров для костра он годился точно. Тем не менее это являлось каким-то подобием временного жилья. Остановившись здесь как минимум на неделю, мы не нашли в себе сил отказаться от не очень благоустроенного, но жилища. Но оказалось, что дом уже частично занят: на крыше под одной из досок находилось гнездышко белой трясогузки с пятью яйцами. А так как мы являлись здесь только квартирантами, то решили как можно меньше тревожить хозяйку-трясогузку. Даже костер отнесли дальше, чем требовалось для ее спокойствия. Но, как ни старались, раз двадцать за день птицу мы с гнезда сгоняли. Она вскоре возвращалась и вновь ныряла под досочку. Так бывает, когда в гнезде должны вот-вот появиться малыши-птенцы. Птицы в этот период особенно неохотно оставляют свои кладки. Каждую ночь мог собраться дождь, и имеющуюся у нас хлорвиниловую пленку, которой в другой ситуации мы бы накрыли шалаш сверху, пришлось нам как-то приспособливать внутри.

Несколько забегаю вперед, скажу: за семь дней, которые мы прожили с белой трясогузкой в одном шалаше, не менее, а скорее более ста раз вынуждали мы ее слетать с гнезда. И все же кладку мужественная птица не оставила. Самым же удивительным для меня было то, что на утро восьмых суток в гнезде все еще находились яйца. Весь срок насиживания кладки белой трясогузкой составляет 11–12 дней, а это значит, что отважная пичуга вынужденно подвергалась многодневно-многократному стрессу всего лишь из-за пяти свежих яичек.

Здесь, на Оскарываем, 5 июля нас и догнал идущий к оленьему стаду старший, 49-летний, сын деда Ефима – Егор. На удивление высокий и, как все здешние олениводы, сильный, прекрасный ходок, Егор оказался еще и очень смешливым. Я готовил для коряка чай, а он, на свой лад пересказывая мою с Ефимом последнюю встречу и откидываясь от избытка веселья на траву, хохотал над нашей неудачей и похвальным лукавством своего отца.

Пока закипал чайник, я рассказал Егору о том, что мы остались без продуктов, что сахару у нас на одну чаёвку, и это, похоже, добавило ему веселья. Не переставая смеяться, Егор высыпал в свою кружку весь наш последний сахар. На мою просьбу дать нам «взаймы» продукты на обратную дорогу коряк ответил согласием. Договорились, что я завтра приду за продуктами к стаду на реку Плонттрываям (Железную).

– Долго туда идти? – спросил я Егора.

– Да нет! Может быть, один час.

На другой день поиск избушки оленеводов, весь путь туда и обратно занял у меня шесть часов. До стада я так и не дошел. Мы между тем не имели ни хлеба, ни сахара, ни соли. Но вчера Егор сказал, что через нас в стадо должны пройти другие пастухи. Оставалось ждать их.

Утром 7 июля небо ясное, но дует неприятный порывистый «восток». Стих он только за полдень. Я пошел на имевшейся у нас лодке-резинке к ближайшим «растущим» из моря, густо заселенным морскими птицами скалам.

Одно из многочисленных «общежитий» морских птиц

Юные бакланята. А может, это дети птеродактилей?..

Собрал пробы выстилки гнезд тихоокеанских чаек и берингийских бакланов (это нужно для определения зараженности их паразитами), сделал промеры яиц, взвесил только что вылупившихся птенцов, на нескольких уже подросших чайчат и бакланят надел кольца.

Пройдет немного дней, и одна из окольцованных мной сегодня молодых тихоокеанских морских чаек будет найдена недалеко от острова, всего лишь за проливом. Вскоре другую птицу с кольцом найдут в заливе Корфа, затем здешние молодые чайки будут встречены в устье реки Лесной на западном побережье Камчатки, близ города Петропавловска, на Сахалине. А одну из «наших» окольцованных годовалых тихоокеанских чаек с этого кекура японские коллеги обнаружат на острове Хоккайдо.

Но это будет потом. Сегодня же, возвратившись на стан, я застал там четырех человек: трех коряков и русского ветврача Геннадия, направлявшихся в стадо на учет колхозных оленей. По крайней мере трое из них специально для этого

приехали на остров из села Карага. Сейчас ни островные аборигены, ни тем более мы еще не знали, что правление колхоза «Ударник» уже вынесло «смертный приговор» нерентабельному островному оленеводству и, следовательно, всему жизненному укладу коряков-островитян.

Чаёвка закончилась, и я быстро собрался в путь. Шли мы не той вчерашней моей дорогой, а, вероятно, более короткой, но и она заняла у нас времени больше, чем у меня вчера, когда я искал стадо. Как оказалось, я не дошел до дома Егора уж точно не менее трех километров – таковы меры времени и расстояний у аборигенов острова. Кстати, мне иногда была непонятна и логика некоторых их поступков.

Еще раз возвращаясь в прошлое, я вспоминаю один из наших маршрутов по морю с Юрой Воропановым в 1968 году. Мы с ним возвращались из бухты Северной. Заночевали у коряков в юрте на реке Маркеловской и утром при довольно сильном западном, неудобном для нас бортовом ветре решили идти к дому, в поселок Островной. Не успев еще выйти из устья реки в пролив, мы увидели троих коряков: Максима Попова на лошади и идущих пешком пожилую чумработницу Матрену и девочку лет пяти. Подождав их, мы узнали, что они пришли сюда, на Маркеловскую, с Третьих устьев и, значит, с утра успели пройти около двадцати километров. Узнав, что мы планируем остаться на ночевку на Плоксане, Максим без каких-либо объяснений попросил взять в лодку Матрену и девочку Машу, а сам, даже не заглянув в юрту соплеменников, хотя до нее оставалось не более двухсот метров, тут же развернул коня и отправился вслед за нами обратно.

Никогда более так тяжело не давались нам эти двадцать километров между Четвертыми и Третьими устьями. Десятицильный мотор «Москва-М» с трудом гнал вперед перегруженную людьми и вещами «Казанку», боковой «запад» ежесекундно заплескивал литры воды за осевший до последнего предела борт. Нас еле-еле спасала, и в тот раз точно спасла, лишь беспрерывно работавшая слабенькая помпа, старательно

отсасывающая и выбрасывающая за борт воду. Спасало еще и то, что литораль между Маркеловской и Плоксаном идеально чиста от подводных «сюрпризов» – камней. Я вел лодку, как мне казалось, не далее пяти метров от берега и для себя решил: если мы будем тонуть, я хватаю и выношу на берег девчонку, а на тонущую Матрену даже не оглянусь. Сейчас сознаюсь – не дали бы мы и ей утонуть. Но в то время я был зол и думал не очень хорошо. До Плоксана мы дошли на последнем пределе, не затонув, как мне казалось, только чудом.

А сейчас я вновь возвращаюсь в 7 июля 1969 года. Егор встретил меня весело, и было видно, что о моем разговоре с его отцом он уже успел рассказать всем находившимся при стаде пастухам. Продукты два дня назад мне Егор обещал, и сейчас меня больше интересовал другой вопрос: можно ли нам с Николаем и конем пройти дальше по берегу моря на юг в места массового гнездования морских птиц. На этот вопрос коряки ответили: «Нет!» Но за поднимавшимся сразу за рекой многоголовым мысом Кекурным и далее, за рекой Корогрынваям (Комаровской), как оказалось, на скалах гнездится «очень много» птиц. Конечно же, я не мог не пойти туда, хотя бы и в одиночку.

Коряки объяснили: нужно пройти вверх по руслу реки Железной около километра, там и будет легкий проход к реке Комаровской. То ли я уже привык отсчитывать расстояния мерками здешних аборигенов, то ли вообще перестал им верить, но горы мыса Кекурного начал штурмовать по первому же показавшемуся мне «подъемным» распадку. Уже потом, рассматривая карту, я понял, что правы были коряки. Но, как оказалось, прав был и я. Преодолев «не в том месте» перевал и спускаясь по ущелью вниз, я совершенно неожиданно для себя обнаружил гнездо одной из самых загадочных наших птиц – сибирского горного вьюрка. Только однажды в Хараулахских горах одному из моих коллег удалось найти гнездо этой птицы с яйцами. А вот гнезда с птенцами пока не видел ни один орнитолог.

Здесь гнезд было уж точно более десятка: над моей головой то и дело пролетали взрослые выюрки, и требовательные голоса птенцов раздавались сразу из нескольких точек западной, совершенно отвесной стены ущелья. Они были и в четырех-пяти и в десяти метрах от меня, но добраться хотя бы до одного гнезда по вертикальной скале было под силу разве что только профессиональному альпинисту. Присев, я пытался подсчитать, звуки со скольких гнезд можно здесь услышать с одного места. И в это время птица, подлетевшая по распадку откуда-то снизу, села на противоположный, более пологий склон ущелья. Она нырнула под каменный козырек за кустик волжанки, и оттуда раздался дружный писк птенцов. Семь метров не очень крутого склона я преодолел легко. Гнездо не пришлось разыскивать, оно располагалось на краю маленькой пещерки. Я сфотографировал его, описал, запечатлел на пленку птенцов, зафиксировал разрывы во времени между приносом родителями корма. Понимаю, что для многих людей это не явилось бы событием, но я в этот момент был счастлив: в нашей науке орнитологии заштриховано еще одно маленькое «белое пятнышко».

Гнездо загадочной птицы – сибирского горного выюрка. 1969 г.

С перевала открывается вид на бухту Комаровскую

Годами позже один из коллег в своей книге после детального описания моей находки сообщал, что и он «тоже нашел гнездо горного вьюрка с птенцами», но «их количество посчитать не удалось». Очень интересная и ценная находка! Сколько бы гнезд смог он записать в свой «актив» в ущелье мыса Кекурного!

Устье реки Комаровской оказалось на удивление красивым местом, здесь же стоял небольшой уютный домик. Но отдыхать было некогда, я торопился увидеть самое большое на Карагинском острове поселение морских птиц и еще сегодня вернуться «домой» к Николаю.

Птичий базар я сначала не увидел, а услышал! И то, что я слышал, нельзя было назвать «гомоном» или птичьим «криком». Описать, передать на бумаге услышанные мною тогда звуки просто невозможно. Я останавливался, закрывал глаза и вслушивался в совершенно немыслимый, жуткий, стонущий рев. Трудно было представить, что слышишь голоса птиц. Это безумно ревели неизвестные, очень большие доисторические животные. Я стоял с закрытыми глазами,

и в груди у меня разливалась какая-то сладкая жуть. Но все-таки эти звуки слагались из голосов птиц. И чем это можно было объяснить? Тогда для себя я решил: кайры, а это именно их голоса являлись главной составляющей этого «рева», не такие уж и крупные птицы, и сейчас они, вероятно, дружно несутся. Попробуй-ка без крика снести такое большущее, как у них, яйцо! Впрочем, подписаться под этим своим «научным открытием» я бы не рискнул. Еще раз я буду здесь ровно через год, но такого жуткого крика, нет, не крика – рева уже не услышу.

От устья реки до начала колонии – с полкилометра или немногим более. И уже сразу за рекой тропа ведет вверх, на сложенное коренной породой приподнятое плато. Поверх плиты-плато за тысячелетия скопился лишь незначительный органический слой, на котором сейчас держится небогатая растительность сухой тундры. Сколько-нибудь протяженного участка берегового пляжа здесь нет, и идти вдоль берега можно только поверху.

Тысячелетиями упорно трудилось море над восточным побережьем Карагинского острова. Слагающие его геологиче-

*Восточное побережье острова
изобилует причудливыми скалами*

ские породы сопротивлялись, но волны где с большим, где с меньшим успехом все-таки изъедали береговые граниты. И сейчас этот участок побережья представляет собой чрезвычайно изломанную линию, которая более чем наглядно рассказывает о непримиримости двух достойных

противников – разрушителей-волн и сложенного коренными породами берега.

Скальные обрывы здесь вертикально спадают в море с двадцатиметровой и большей высоты. Прибрежье изобилует поднимающимися из моря скалами: острыми шпилями, причудливыми, похожими на останки древних замков башнями. Иногда рядом с берегом стоят отделившиеся от него более массивные «куски», сохраняющие на себе остатки тундрового покрытия.

И все здесь – десятки тысяч квадратных метров отвесной стены матерого берега, отступившие от него в море «останцы», каждая ниша, каждый уступ или даже выбоинка на торчащих из моря скалах – принадлежит птицам, их гнездам. Их тысячи, десятки тысяч, а по всему этому птичьему базару, решил я, – не одна сотня тысяч. Это самое крупное на острове поселение морских колониальных птиц: толстоклювой и тонкоклювой кайры, моевки, тихоокеанской чайки, берингийского баклана, нескольких видов чистиков. В зависимости от конфигурации скалы, от степени абразии берегового обрыва где-то мы можем видеть только кайр, какую-то часть колонии более плотно заселяют бакланы, а отстоящие чуть в стороне от берега его более массивные блоки более удобны для гнездования тихоокеанских чаек и, при наличии тундрового субстрата, топорков. В одновидовых скоплениях гнездящихся птиц более терпимы к своим соседям кайры. На какой-нибудь голой, относительно плоской поверхности скалы они обычно сидят настолько плотно, что определить, сколько их там – пятьсот или тысяча, – бывает практически невозможно.

*Одна из «высоток»
восточного побережья*

У подножий кекуров спокойно лежат ларги

По всей колонии, обычно среди скоплений бакланов, на расстоянии в сотни метров одна от другой селятся пары черных разбойников-воронов. Щели же скальных берегов притягательны для гнездования скрытных сибирских горных выюрков.

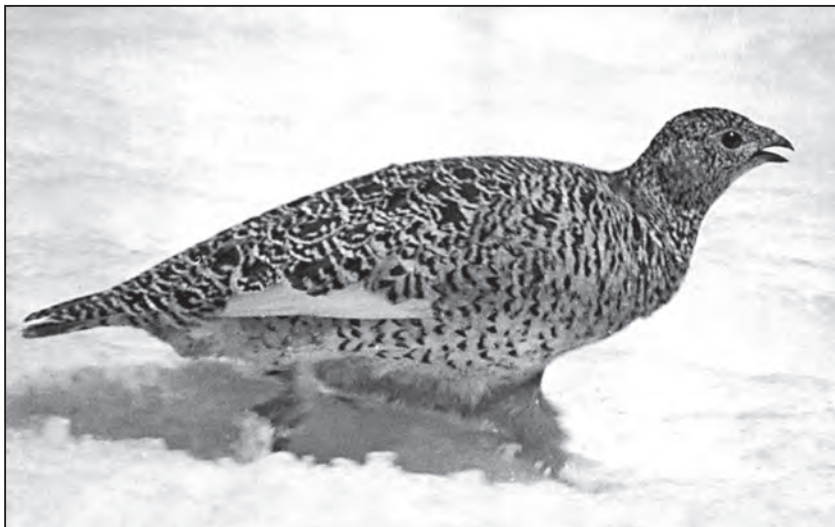
Как я уже сказал, подножие данного птичьего поселения не имеет сухой или обнажающейся хотя бы в периоды отливов сплошной прибойной полосы, и если на северо-восточном побережье острова мы смотрим на заселенные птицами скалы снизу вверх, здесь их можно видеть лишь сверху. И не будь береговая линия столь изломанной, большая часть птичьего населения скал оставалась бы для обзора совершенно недоступной.

Общая протяженность сплошного поселения птиц здесь не менее пяти километров. Существует несколько методов учета морских колониальных птиц. И хотя ставить такую задачу перед собой сегодня я не могу, проходя вдоль колонии, пытаюсь хотя бы «приблизленно-точно» определить численность живущих здесь птиц. Не получается.

Это было мое первое знакомство с самым замечательным, самым многочисленным птичьим поселением Карагинского острова. Морских птиц – кайр двух видов, моевок, тихоокеанских морских чаек, топорков – здесь было, как мне показалось, неисчислимое множество. Здесь надо работать и работать. Но не сегодня. Надо возвращаться «домой», к голодному Николаю.

*У этой арки заканчивается лента
пятикилометрового птичьего базара*

Тундряная куропатка отводит от птенцов

Обратно возвращался тем же ущельем. Не менее чем из десятка недосягаемых гнезд слышался требовательный писк птенцов горных выюрков, но я был доволен уже сделанной сегодня здесь находкой и шел без остановок.

И уже на спуске с горы увидел двух глупых однодневных птенцов тундряной куропатки. Глупых потому, что, испугавшись меня, они не остались невидимыми в траве, а выскочили на чистый снежник. Здесь я и подошел к ним с фотоаппаратом вплотную. Встревоженная куропатка-мать сначала постаралась привлечь мое внимание к себе издали: клохталась, припадала на один бок, волочила по снегу якобы сломанное крыло. Но увидев, что страшное существо продолжает преследовать ее детей, буквально бросилась мне под ноги и стала еле-еле ползти по снегу в сторону от птенцов.

Неожиданно для меня откуда-то сверху, с гор, прилетел и упал рядом с самкой на снег второй родитель – куропач. И у отца тотчас «сломались» оба крыла – он предлагал в жертву себя. Я поторопился сделать еще несколько снимков

всех членов этой семьи и, прогнав, чтобы не простудились, малышей со снега в траву, поспешил уйти.

На реке Железной я пил с коряками чай и старался, поначалу исподволь, подвести разговор к нашему бедственному продовольственному положению. Егор меня старательно не понимал. Когда же я «в лоб» попросил у него продуктов на обратную нашу дорогу до поселка Островного и неоднократно повторил, что возвращу долг с избытком, Егор пошел в дом и вынес... банку сгущенного молока и двухсотграммовую пачку галет. Он оказался таким же бережливым, как и его «добрый» папа.

С Оskarынварем в обратный путь к дому мы вышли по дождю, он так и не прекращался все восемь часов, пока мы добирались до землянки бухты Северной. По пути опять ЧП: Николай вместе с Чалым, который поскользнулся на крутом мокром откосе, свалились в ручей. Вечером подсчитали запасы: оставалось меньше килограмма мокрой вермишели,

Береза на перевале из бухты Северной на побережье пролива Литке. Каким же кошмаром была вся ее жизнь!..

две пачки чая и чуть-чуть от галет, щедро выданных нам Егором. Ночевали и вынужденно остались на дневку в бухте Северной, поймали рыбу, ели ее несоленой. Утром следующего дня, не рискнув по случаю начавшегося прилива огибать мыс Голенищева, пошли через перевал и через четыре нелегких для Чалого и Николая часа оказались на берегу пролива Литке.

Еще двадцать километров пути по берегу – и мы еле вползли в корякскую юрту на Маркеловской. Ни людей, ни продуктов там не оказалось. На другой день, едва поднявшись, мы отправились дальше. Эти очередные два десятка километров до Плоскана особенно тяжело дались Николаю. На протяжении всего путешествия на нем лежала забота о коне и наших вещах. Я же с дневником в руках, биноклем и фотоаппаратурой, наблюдая птиц и занимаясь их учетом, уходил вперед. Оглядываясь время от времени назад, я иногда видел лишь стоявшую лошадь. Возвращался и находил Николая

Восточное побережье, отлив, возвращение домой

скрючившимся у ног Чалого. От недоедания последних дней у него открылась язва желудка, и сегодня ему было особенно трудно. Коля лишь молча махал мне рукой – «Иди!».

На Плоксане меня встретил радостный дед Ефим. Сразу же поставив на костер чайник, он выжидающе смотрел на меня в предвкушении приятного подарка. И я начал жестко:

– Дед, нам до поселка идти еще день. У нас нет продуктов, а Николай очень болен. Дай нам взаймы банку сгущенного молока, немного сахару и галет.

– Нет-ту!

– Мы скоро придем сюда на лодке и вернем тебе, старый скряга, все в несколько раз больше.

– Нет-ту пирдук-та!

– Врешь ведь, старый ты жадина!

– Нет-ту! Был, сейчас нет-ту!

– Дед, ты бессовестный человек! Пойдем с тобой вдвоем, и я найду продукты. Или я буду искать один!

Ефим нехотя, прямо как на казнь, поднялся, взял эмалированную миску и направился к дому. Я пошел следом. В землянке старый потянул из-под кровати картонную коробку, запустил в нее руку, что-то там пощупал: «Нет-ту!» Я сунул руку следом: коробка на две трети была заполнена пачками с галетами «Арктика». Я взял одну пачку и тут же из другого ящика – банку сгущенного молока. Дед этого не видел, он уже шарил рукой в следующей коробке: «Нет-ту!» Там тоже были пачки с содержимым. Проверив третью коробку, дед Ефим, издав довольный звук, стал было накладывать в миску... сливочное печенье. И вдруг поняв, что это совсем не то, что он хотел найти, попытался все сыпать в коробку обратно. Я отобрал у него миску, а старый скряга наконец-то нашел искомое: в следующей коробке лежали сухие и жесткие галеты «Поход».

Чайник уже кипел. Я успел выпить две кружки вкуснейшего, очень сладкого чая, когда наконец с прибойки к нам поднялся Коля. Буквально зеленый от болей в желудке, он не сел,

а упал на траву рядом с низким столиком. Я достал кольца для мелких птиц и пошел на обход построек стойбища. Одно гнездо трясогузок с взрослыми птенцами нашел сразу. В поисках следующего подошел к лабазу, поднялся наверх, заглянул внутрь: он был битком набит коробками с галетами, печеньем, ящиками со сгущенкой и мясными консервами. Только что не трещал от продуктов и второй лабаз.

Сытые «щедрым гостеприимством» старого коряка Ефима, мы решили заночевать в своей палатке в километре от Плоксана. Стали собираться, и тут дед увидел, что я забираю с собой лежавшие до того в сторонке галеты, банку сгущенки и пачку сухого киселя. Я лучше не буду описывать его состояние в тот момент... Через несколько дней, проходя мимо, уже на «Прогрессе» под 30-сильным «Вихрем», мы остановились буквально на минуту. Я не думаю, что старый Ефим мог так притворяться: он буквально расцвел от счастья, получив от нас две коробки с продуктами.

В один из следующих моих приездов на Карагинский остров я узнал, что деда Ефима Колегова уже нет. Незадолго до смерти он сам собирал сухой хворост для своего последнего костра. Погребального. Костер этот для него зажгли в красивом месте – на увале близ устья реки Маркеловской. Я ходил к этому месту: кусочек выжженной тундры был отмечен шестом-веткой двух – двух с половиной метров с расщеплинкой около верхнего конца и вставленной в нее маленькой поперечной палочкой – такое вот подобие креста.

И тогда же я получил ту самую карту острова, которую так бережливо хранил старый коряк Ефим. Она оказалась просто нарисованной на куске пергамента очень плохой копией с морской карты. У тех, кто ее когда-то готовил, очевидно, были те же проблемы, что и у нас. Для нас этот «рисунок» острова не представлял ни малейшей ценности, но и сейчас, когда я рассказываю эту историю, карта Ефима Колегова лежит передо мной.

«Карта» острова, так бережно хранимая Ефимом

На реке Маркеловской

Мы не думали задерживаться на Маркеловской. Но, как известно, «человек располагает, а...». О нашей задержке здесь я расскажу в следующей главе.

В этот раз на Маркеловскую мы пришли на двух «Прогрессах» втроем. У охотоведа госпромхоза здесь были какие-то свои дела, и он поторопился засветло вернуться в Ягодное. Мы с егерем Евгением шли на север и оттуда, если позволит погода, планировали, сколько можно, пройти по восточному побережью. Здесь же до конца дня я только и успел сходить к месту кремации деда Ефима. Остались переночевать, рассчитывая уже завтра дойти до бухты Северной. Сейчас на Маркеловской есть где жить: Анатолий Коваленков поставил для оленеводов очень даже приличный дом. Пораньше утром я планировал навестить ближние озерки, в которых, как мне сказали, живет какая-то крупная здешняя перловица. Ее активно поедает ондатра, и надо было собрать несколько створок раковин этого моллюска, чтобы показать их специалистам.

А в ночь совершенно неожиданно сорвался вдруг северо-восточный ветер. Он принес с собой мелкий, так не любимый мною осенний дождь. А на календаре сегодня только 25 августа. Дождик шумел за стеной всю ночь, потом – полный день. Ветер, прохуdivшиеся низкие серые тучи, белогривые волны в проливе – я не знаю погоды более удручающей и наводящей тоску. Мы вчетвером – постаревший Егор Ефимович Колегов, его семнадцатилетний внук Санька, я и егерь Евгений – чуть ли не весь день валяемся на кроватях – читаем, спим.

Здесь же, на Маркеловской, сейчас живет тетя Паша, младшая, ей только шестьдесят пять лет, сестра Егора. Тетю Пашу в доме совсем не слышно. Лишь вставая в утренних сумерках с постели, она тихо постанывает: болят старые, натруженные, простуженные, просящие покоя кости. Когда к ней обращаешься, она тихо улыбается и что-то тихо-тихо отвечает. И хотя мне вообще не приходилось слышать громкоголосых корячек, карагинские островные женщины кажутся совсем незаметными и неслышными. Сегодня утром, едва рассвело, тетя Паша чем-то чуть позавтракала и как вышла за дверь, так и пропала. Мы успели пообедать, два раза

почаевать, а ее все нет и нет. Спрашиваю дядю Егора, где сестра. Оказывается – работает в старой юрте, выделяет оленьи шкуры.

Я заглянул в юрту. Тетя Паша обрабатывает камус: намазывает его лососевой давленной икрой, а затем, когда икра высыхает, скоблит камусы и мнет, мнет, мнет их, пока шкурка не будет мягкой, пригодной для изготовления торбасов, рукавиц. Но перед этим она еще вымочит шкуры в настое ольховой коры.

Я возвращаюсь в дом. Санька крутит ручной генератор и с его помощью слушает записи на своей «Весне-202». Спрашиваю Александра:

– Сколько тебе надо времени, чтобы дойти до оленьего стада?

– Два дня. Можно и за один дойти.

– Это как же?

– Если часов в пять утра выйти, то к десяти вечера придешь. Я последний раз так вот, за один день, дошел.

Саня наполовину русский: широко посаженные глаза, да и все его симпатичное лицо не оставляют никаких сомнений – он сын нашего друга Саши Кузнецова. Но, по крайней мере сейчас, он не мыслит себе другой, чем здесь, на его родном острове, жизни.

Не зная, куда себя деть, я выхожу на морской берег. Море шумит глухо и раскатисто, может быть, потому, что волны подходят к берегу под острым углом. Не успеет затихнуть шум одной волны, следует накат другой, а потом следующей – и так без конца. Жернова волн безостановочно перекатывают, перетирают массы песка. А мне вдруг почему-то кажется, что море – это колоссальная живая масса, перемалывающая само время и глотающая его – минута за минутой, год за годом, век за веком...

Непогодь оказалась суточной, и назавтра утром при значительной, правда, облачности и повышенной влажности уже светило солнце. Ветер менялся, но белых барашков

в проливе не убавилось, так что еще день вынужденного нахождения здесь нам, похоже, был обеспечен.

Я сходил на озерки, нашел всего лишь одну полную раковину перловицы и еще половинку. Ближе к дому поднялся на увал. Здешний ландшафт мне был хорошо знаком. Это слабовсхолмленная приморская терраса, поросшая куртинами кедрового стланика, перемежающегося с полянками, покрытыми типичной тундровой растительностью, ягодниками и разнотравьем.

То, что я увидел сейчас, например, в средней полосе России представить просто невозможно. На полоске тундрового пространства длиной в тридцать-сорок метров росли не одна и даже не две сотни красноголовых красавцев-подосиновиков. На следующей полянке их было не меньше.

Почти бегом тороплюсь домой за ведром. Где-то недавно я прочитал, что «очень хорошее – враг хорошего», и сейчас в этом убеждаюсь. Пройдя по сплошным грибным полям километра полтора, я беру только самые-самые маленькие грибочки с диаметром шляпки не более пяти-шести сантиметров. Когда же, не выдержав, все-таки срезаю подосиновичек крупнее, то даже радуюсь, найдя в нем единую червоточинку, и выбрасываю его. Настоящие любители-грибники побили бы меня за такое кощунство. Но иногда не могу пройти мимо «пятикопеечных» (это по величине шляпки) подберезовиков и нехотя все-таки кладу их в ведро.

Просто удивительно, что на северной тундре – и такое обилие лесных, как я всегда считал, грибов: подосиновиков, подберезовиков, маслят, сыроежек, груздей. Нашел я и несколько белых грибов, явно переросших, но совершенно чистых. Не раз своей похожестью на белый гриб меня обманывают подберезовики. Срезаю их – и уже не в силах выбросить, такие они чистые, кладу в ведро. Но больше всего меня почему-то поражают изредка встречающиеся огромные «друзы» опять. Растущий на тундре целый «куст» из нескольких десятков опенков кажется замечательным уже сам по себе.

У завалившейся старой, возможно, еще самого Маркела, землянки я иду к известным мне по прежним заездам сюда кустам жимолости. Для сбора жимолости сейчас поздно-
то, но ягоды на кустах еще сохраняются. Они такие крупные и сладкие, что вполне сравнимы с виноградом. Таких вот больших ягод жимолости я больше не видел нигде и никогда. В этот год на острове богатый урожай голубики, хороший – рябины, густо обсыпаны шишкой кусты кедрового стланика. Я смотрю на все это обилие и вспоминаю слова бабушки моего друга-охотоведа Сережи Алексеева: «А ты не гордись перед земелькой-то, поклонись ей, она тебя и накормит».

И еще об одном замечательном событии этого дня. Знаю, не одному из моих читателей приходилось в детстве бежать однажды во весь дух, чтобы где-то там, в поле, дотронуться до радуги. Я был ребенком, когда наша семья из центра города переехала на самую его окраину. Не далее километра от нашего дома уже начинались поля. И я помню, как много раз мы, пацаны, сломя голову бросались бежать к последнему дому нашей улицы и, обессиленные, останавливались только тогда, когда оказывалось, что радуга начиналась много дальше, чем нам казалось.

И уж точно мало кому приходилось видеть радугу, поднимающуюся в небо прямо от твоих ног. Согласен, трудно поверить, что такое чудо возможно. И вот сейчас я сижу на склоне увала, а от его подножья, прямо против меня и не далее чем в пятнадцати метрах, вверх уходит широкий радужный столб. Возможно, это часть полноценной красавицы-радуги, но я вижу не более пятидесяти метров ее, далее для меня она кончается. В ней все цвета этого прекрасного природного явления, они теряют яркость, становятся расплывчатыми только на самом ближнем ко мне конце. Я могу спуститься и встать прямо под этот столб, но не делаю этого. Конечно же, такое чудо не может длиться долго: пока я, торопясь, заканчиваю в дневнике эту запись, его уже нет, ушло навсегда. Ощущение же того, что сбылась моя давняя детская мечта, осталось на всю жизнь.

Наша цель – Птичий

Я уже говорил о том, что еще при первом нашем появлении на Карагинском острове в числе главных целей было посещение острова Птичьего. Он звал меня к себе! Однажды кто-то из моих старших коллег-орнитологов сказал, что, приезжая даже в хорошо изученный район, вести себя надо так, будто ты здесь первый. И это действительно очень ценный совет. Но на Карагинском острове, по крайней мере на его восточном побережье, я и в самом деле должен был стать первооткрывателем. И где-то там, в самом центре восточного побережья, находился предмет моего влечения – Птичий остров.

Еще в 1966-м мы с Юрой Воропановым решили попасть туда обязательно и как можно быстрее. Тогда я даже предположить не мог, что мое первое свидание с островом Птичьим откладывается не на год и не на два. От поселка Островного до Птичьего, хоть в обход мыса Голенищева с севера, хоть Крашенинникова с юга, идти, как минимум, километров сто двадцать, и половина этого пути пролегалa вдоль восточного, океанского, побережья острова. В тот наш первый год, обогнув мыс Голенищева, мы прошли только девять километров, и заставший нас в бухте Северной шторм, о котором я уже рассказal, без труда убедил и меня, и Юрия в недостижимости нашей цели в этот раз. Через два года мы с Юрой на той же «Казанке», под той же десятикисильной «Москвой» и опять без карты прошли километров на двадцать дальше – до реки Оскарыня. Решимости бороться с океаном, а можно сказать – остатков нашего мужества оставалось дня на два. Но все два дня восточное побережье Карагинского было плотно упаковано в вату густого тумана. С испарившимся туманом растаяли и остатки нашего желания идти дальше. Мы опять вернулись.

И вот настал 1970 год, когда мы подготовились к экспедиции уже более основательно. Коваленков в Оссоре выдал нам

с Николаем Бондыревым катер «Прогресс» и только что появившийся у него, а это значит, что вообще на Камчатке, новенький «Вихрь-30» с электрозапуском, обеспечил бензином, полевым снаряжением. Третьим членом экспедиционного отряда стал подоспевший к нашему отъезду на остров журналист, тогда – корреспондент ТАСС, фотограф-анималист Михаил Жилин. Николай, в то время районный охотовед государственного охотничьего надзора, должен был обследовать лежбища морского зверя и составить себе представление о будущем государственном заказнике. Миша, не очень об этом распространяясь, лелеял тайную надежду найти в этом неизведанном районе какие-то следы (чем черт не шутит!) «не совсем вымершей» стеллеровой коровы. Про меня же и объяснять ничего не надо: я жаждал орнитологических открытий.

На Карагинский остров в тот год нас доставила «Санта Мария», хотя проще и честнее эту посудину было бы назвать «эрбушкой» – рыболовным ботом. Судно принадлежало госпромхозу «Карагинскому», и, естественно, это звучное имя у него было неофициальным, а потому на борту бота не обозначенным. Но в Оссоре, вслед за Коваленковым, РБ все называли не иначе как «Санта Мария». Еще до захода в Островной мы направились в бухту Северную, где оставили две бочки бензина и часть своих продуктов. Лишь бутылки со спиртом я отнес чуть дальше и закопал в песок, хотя Николай предлагал оставить их здесь же, на бочках. И, как оказалось, моя предусмотрительность в тот раз была не лишней. Нам потом передали, что члены команды какого-то заглянувшего в Северную судна обнаружили и тщательно исследовали имущество, как они посчитали, экспедиции геологов. У ребят, по-видимому, недоставало сахара, а мы его оставляли здесь не весь, так что наши потери оказались не столь и ощутимыми. Кстати, о заходе на остров чужого судна мы узнали лишь потом и поначалу, не обнаружив оставленного сахара, грешили на местных оленеводов.

В поселке Островном, заняв более-менее сносную двухкомнатную «квартиру» в одном из баракоподобных домов, задерживаться мы не хотели. Лично меня в поселке в этот раз ничто не держало. Найдёновых на острове уже не было, Ксения и Иван переехали в Оссору. Дом Марковых был оккупирован поселившейся на острове в прошлом году семьей Кузнецовых. Издали он все еще казался приветливым. Но уже после первого в этом году его посещения идти туда, когда зачем-либо нужны были братья Кузнецовы, я заставлял себя через силу. Этот ставший родным для нас с Юрой домик сейчас был превращен, если говорить очень мягко, в свинарник.

Вскоре в одно действительно прекрасное утро, взяв курс чуть левее маяка на косе Лекало, мы вышли в этот так много суливший нам поход. За рулем сидел наш капитан Николай, я с биноклем, дневником и карандашом в руках старался успеть определить виды и посчитать всех встречающихся в досягаемости для моего «вооруженного глаза» птиц. Миша с фотоаппаратом в руках какое-то время надеялся на редкий кадр. Погода была отменная, море без единой морщинки, и наш «Вихрь», мне казалось, радовался вместе с нами и не работал, а прямо-таки пел. Обогнув крайнюю точку косы – мыс Семёнова – и повернув направо, наш «Прогресс» пошел вдоль внешнего края 18-километровой косы на север. От основания косы до Плоксана не менее шести километров, но мой бинокль уже смотрит в сторону устья этой реки. И вот я начинаю различать там лабазы, юкольники и низкий домик. Наперед знаю, что очень скоро произойдет: еще немного, и мы встретим очень добрых людей – семью коряков Майновье, и они будут откровенно рады нашему приезду. А как приятно встретиться с симпатичными тебе людьми, которых не видел целый год и которым твой приезд доставляет удовольствие. И я замечаю, что заранее начинаю улыбаться.

А в памяти вдруг, совсем незваной, всплывает картина встречи, произошедшей у меня в тысячах километров от этого места меньше месяца назад. Незадолго до поездки

сюда, будучи на одном из орнитологических симпозиумов на «материке», я выкроил два дня, чтобы навестить родителей в Иванове. Случай привел меня к дому одного из моих однокашников – Левы Ельниковского. С Левкой мы учились вместе с пятого по десятый класс, а в девятом даже сидели за одной партой. Я знал, что он окончил «мед», пошел по стопам отца – стал хирургом. Интересно, каков он сейчас?

С внешней стороны двора Левкиного дома на заборе «висел» мальчишка лет шести-семи.

– Ты Ельниковский?

– А што?

– Отец дома?

– Ну, дома. А што?

– Позови! Пусть выйдет.

Мальчишка подчеркнуто лениво, он явно делал мне одолжение, слез с забора и медленно, «с достоинством» поднялся по ступенькам в дом. Вскоре он появился на крыльце и, не удостоив меня ни одним словом, просто стоял с взрослой полусмешкой превосходства над «просителем». А что я из них, из «просителей», он был уверен и ждал «потехи».

Также медленно-лениво из дома вышел отец. Не поднимая от земли глаз, он спустился с крыльца, прошел до калитки. Левым плечом плотно уперся в один столб, правой рукой крепко взялся за второй и только теперь, дав понять, что в его дом чужаку вход закрыт, так же подчеркнуто медленно поднял равнодушный взгляд. В глазах его маленькой быстрой мушкой мелькнуло удивление, но мушка тут же улетела.

– А-а-а, это ты? Здорово... ммм... Ну, как ты?

– Здравствуй, Лева! Я случайно...

Он тотчас перебил меня:

– Я, знаешь, не приглашаю. Я сейчас на работу еду! – Лев отнял правую руку от столба и покачал большим пальцем через плечо. Там через открытые двери гаража блестела новенькая «Волга».

– Отлично! Мне надо на вокзал за билетами, нам по пути.

– Я, знаешь, не на своей поеду... За мной заедут, а у них... места не будет. Извини, я не приглашаю... Ты заходи как-нибудь.

– Спасибо, Лева. Сейчас мне все равно некогда, а впредь я к тебе никогда не зайду.

Но он меня уже не слушал: буркнув что-то вроде «пока», Левка, довольный, что отделался, медленно, вразвалку уходил от калитки.

А мы уже подходим к устью Плоксана. Заслышав гул мотора, на берегу появляются две фигуры взрослых людей – нас встречают Семен и Настя Майновье. Чуть позже, по мере приближения, рядом с ними я начинаю различать две маленькие фигурки их дочерей – Верки и Любки. Сейчас, поняв, что еду я, девочки убегут, а потом, когда мы зайдем в маленькую лагунку реки Плоксан и пристанем к берегу, они вдруг появятся из густой травы около матери и будут выглядывать из-за ее подола только что отмытыми мордажами.

Две мои любимицы со старым вожакom собачьей упряжки

Девочки могут несколько дней бегать чумазыми, но никогда не посмеют появиться в таком виде передо мной. Однажды, в один из моих нередких заходов сюда в прошлые годы, когда Верке было около трех лет, я, должно быть, в очень обидной для нее форме выразил свое несогласие с ее неумытой рожцей. Своим замечанием я больно ранил девчонку. Она так горько плакала, что я, видя ее горе, очень искренне ругал себя плохими словами. Зато теперь Вера, а вместе с ней и подросшая сестренка Любка появляются передо мной только с отмытыми мордашками и в донельзя мокрых платицах. А один раз я даже случайно подсмотрел, как замешкавшиеся было девочки, стоя на коленях в мокрой тундре, плескали себе на лицо воду из озера и быстро-быстро терли щеки ладошками.

Сегодня перед выходом из Островного мы довольно плотно перекусили, напились чаю, и сейчас, когда Настя захлопотала прямо здесь, на самом устье, сооружая костерок для чаёвки, я решил не терять времени, а пройти по приливной полосе в сторону реки Маркеловской. Хотелось поближе рассмотреть ближние колонии ласточек-береговушек.

Пройдя с километр, замерив глубину нескольких ласточкиных норок, я прилег на сползший сверху на прибойку пласт тундровой дернины, стал заполнять маршрутный дневник. Настроение было, как всегда в таких случаях, прекрасное, хоть пой.

И вдруг я действительно услышал пение! Да какое! Недалеко от меня на тундре пела невидимая мне девушка. Голос ее казался сказочно красивым, наверное, именно так пели сирены, заманивая Одиссея в море. По спине побежали мурашки: такого здесь просто не могло быть! Не зная, что сейчас увижу, я потихоньку вылез по склону увала на тундровое плато. В полутора-двух десятках метров от меня на тундровой пушицевой лужайке пела юная фея – девушка. Но этого не могло быть: к моим слуховым галлюцинациям добавились еще и зрительные! В общем-то плохо что понимая, я тем не менее взялся за свой «Зенит» и сделал несколько

На тундровой пушицевой лужайке стояла юная фея

снимков. Где-то в сознании шевелилась мысль: «Интересно, останется ли что на пленке?» А по спине продолжали бегать холодные мурашки.

Девушка увидела меня, перестала петь, стояла и смотрела. Было заметно, что она не менее меня удивлена неожиданным «явлением». Я подошел. Она действительно была совсем молода и очень красива.

— Кто ты и что здесь делаешь, девочка?

— Я Таня! И я здесь живу.

— Одна и в тундре?

— Нет, с родителями и сестрой в доме Семена и Насти.

Если бы я не поторопился сразу же с устья реки уйти на маршрут, а прошел к дому Майновье, эта встреча не была бы для меня столь ошеломляющей. Татьяна рассказала, что здесь, на Плоксане, живет присланная Коваленковым

Настя Майновье, Петр Шкаев, Семен Майновье, Галина Шкаева

семья Шкаевых. Родители собирали, солили для госпромхоза икру от вылавливаемой коряками рыбы, девчонки-дочери просто отдыхали. Старшая, Татьяна, в этот раз ушла далеко от дома и не слышала, когда в устье зашел наш катер.

О том, что она была красива, я уже говорил, а ее голос не случайно показался мне удивительным: девочка успешно закончила Камчатскую музыкальную школу по классу пения.

*Это опять же красавицы-корячки и их новая подружка,
Марина Шкаева*

Я торопился к лодке, но, как оказалось, разомлевшие от радушия хозяев, вкуснейшего чая и прекрасной погоды ребята решили сегодня уже дальше не идти.

Готовя книгу к публикации и просматривая фото пленки тех лет, я обнаружил, что эта порой и сейчас кажущаяся мне немыслимой встреча на тундре была тем не менее реальной.

На другой день я лежу на пляже пролива Литке в плавках, темных очках, с дневником и карандашом. День отличный. Солнце очень медленно, как это бывает летом на высоких широтах, смещается по небу. Облака сгрудились где-то над Камчаткой и над восточным побережьем острова, а над центром нашего западного побережья, где сейчас нахожусь я, небо чистое-чистое, голубое-голубое. Вдоль пролива дует необычно теплый ветер. Сегодня он приятен вдвойне: во-первых, не так жарко, а во-вторых, сила его такова, что меня не тревожат комары.

Над серым мелким песком пляжа поднимается тонкое морево испарений, но видимость при этом отличная: одинаково хорошо просматриваются и мысы Олюторского побережья

за проливом, и остров Верхотурова. На душе у меня легко. Птиц, кроме чаек да изредка пролетающих с тундровых озер на море краснозобых гагар, почти не видно. Вот мое внимание привлекла моевка, взлетевшая с берега с пучком травы в клюве: она явно несла материал для своего гнезда. Но куда? Отсюда на десятки километров до мыса Голенищева нет ни одного гнездовья, где бы жили эти чайки, к тому же птица все

Верка стесняется

Юные рыбачки

дальше уходит от берега, держа курс точно на остров Верхотурова. Но до него, уж точно, не менее и даже более шестидесяти километров. Сколько же ей, бедной, лететь туда и неужели она не могла найти травы там, у себя на острове?

С дальних берегов мое внимание переключилось на пару длиннохвостых поморников, задирающих морских тихоокеанских чаек. А ухо улавливает шорох за валом набросанной осенними штормами гальки. Я оборачиваюсь, и две мои любимицы, Вера и Любашка, убегают с криками: «Дядя Коля бисёвисный!» Их явно шокирует мой вид. Я опять смотрю на море, девочки снова подкрадываются, и все повторяется сначала.

Я думаю о том, что девочки скоро подрастут и покинут этот, так полюбившийся мне, остров. Их ждут интернат, институты, большие города. Но ведь когда-то их должно потянуть сюда, на родину! И как я хочу, чтобы, возвратившись хоть ненадолго на остров, девочки смогли окунуться в эту

вот красоту, окружающую сейчас их беззаботное детство. Чтобы песок пляжа оставался таким же чистым. Чтобы так же, как сейчас, разбойники-поморники гонялись за другими чайками. Чтобы так же доверчивы были к людям обитатели огромных птичьих базаров, и так же в июне-июле расцветали тундры, не познавшие тяжести гусеничных тягачей. И пусть дети этих детей, внуки детей их детей увидят все, что вижу сейчас я. И тогда они ни за что не разлюбят этот единственный во всем мире уголок – родину умных и трудолюбивых предков, давших им жизнь.

С Плоксана мы ушли уже днем, с полным приливом, чтобы где-нибудь ближе к мысу Голенищева не «поймать» винтом камень. Далеко за полдень, оставив справа по борту гряду рифов, входим в бухту Северную и, повторяя все изгибы береговой линии, направляемся к устью Аканова-ям. После бесконечной морской перспективы не могу сразу перестроить свои глаза, берег кажется очень близким. А вот табунок северных оленей, сбившихся на песчаном пляже прибойки, я увидел лишь после того, как на него мне указал Николай. Вот они всего-то в нескольких десятках метров. Но к ним в своем рассказе я вернусь чуть позднее.

Некоторое разочарование в честности кого-то, присвоившего наш сахар, легко нивелировалось радостью за сохранность запасов спиртного. Таким образом, настроение наше осталось на высоком уровне, и мы были счастливы.

Николай занялся будущим обедом, а мы с Мишей решили прогуляться в сторону мыса Голенищева: он поснимать, а я посчитать колониальных птиц. Сюрприз ожидал нас метрах в двухстах от устья реки: на оголившейся с уходом воды прибойной полосе отпечатались весьма внушительные, а главное – совершенно свежие следы белого медведя. Он прошел здесь не более часа назад, и что это именно белый медведь, сомнений не было. Последних местных бурых на острове убили еще в незапамятные времена. Появление

белых на Карагинском острове и на восточном побережье Камчатки отмечается один раз, я думаю, даже не в каждые десять лет. Такие события нельзя назвать ординарными, и мы, охотоведы, узнаем о них скоро и обязательно. Случалось это всегда весной: медведи приходили сюда со льдами, но отбывать с острова им уже приходилось вплавь. В этот свой приезд мы еще в поселке слышали о появлении весной на острове арктического гостя. И вот сейчас убедились и в правдивости слухов, и в том, что он, ко всему, еще и совсем рядом с нами. Следы вели к мысу, туда, где с отливом на камнях ложились тюлени. Медведь, похоже, об этом знал. А вот будет ли его охота сегодня успешной, нам знать было не дано. Мне почему-то сразу же расхотелось считать, а Мише – фотографировать птиц. Мы решили, что Николаю, наверное, тоже будет интересно узнать о медведе, и, должно быть, поэтому поторопились вернуться. Наш рассказ доставил Коле большое удовольствие, и он издевался над нами еще и на следующее утро.

Проснувшись рано. Шел отлив, и из устья Акановаям мы выходили по совершенно гладкой воде. Нас ожидал 50-километровый маршрут до реки Яклегрываям.

Мы шли мимо птичьих базаров с тысячным населением бакланов, чаек, а затем и кайр двух видов; видели сотенные стаи слетающихся сюда на линьку обыкновенной тихоокеанской и стеллеровой гаг, а также каменушек. С обнажившихся в отлив камней при нашем приближении с шумом и фонтанами брызг бросались в воду сотни нерп. В одном месте, это было рядом с устьем реки Калелагрываям, мы спугнули с берега несколько десятков крупных тихоокеанских гаг, а из-за камня метрах в пяти от того места, где они отдыхали, разочарованно поднялась худая лисица: завтрак на сегодня ей, а возможно, и лисяткам, был так непредвиденно испорчен.

После облепленного бакланами и чайками мыса Низкого на протяжении следующих пятнадцати километров я едва успевал зарисовывать берег и наносить на него условные

обозначения. Этот участок побережья был заселен только берингийскими бакланами. Гнезд было не очень много, располагались они неплотно, и темные каменистые обрывы берега у каждого гнезда были отмечены белыми потеками бакланьего помета. Здесь я, кажется, первым из орнитологов применил новый метод учета бакланов... по этим самым пятнам птичьего помета.

Почти от мыса Горбатого до реки Плонтгрываям, которую еще называют Железной, выше скального берегового обрыва простирается довольно ровное, удобное для пешего маршрута плато. Я проходил по нему год назад, когда искал избушку Егора Колегова. Сразу за Плонтгрываям резко вверх уходят склоны гористого мыса Кекурного, наверное, одного из самых причудливых и живописных участков морского побережья Карагинского острова. Поднявшись по руслу реки километра на два от устья, это горное образование можно обойти довольно легко. Но есть и более трудный путь, когда практически сразу же от устья надо уходить вверх между горами через перевал. В прошлом году именно этот маршрут принес мне прекрасную орнитологическую находку – гнездо горного выюрка.

Но и та и другая дороги в любом случае приводят нас в русло красивой реки Комаровской, или Корагрынваям. Если смотреть на приустьевую часть реки сверху, прежде всего мы видим очень удобную и глубокую бухточку, прикрытую одним из клифов Кекурного мыса с северо-востока, но не защищенную от ветра с восточной стороны. Зато устье реки довольно глубокое и для наших лодок проходимо, так что здесь можно укрыться в любой шторм.

Близ устья на правом берегу реки Комаровской стоит добротный и, как мне показалось при его посещении, очень уютный домик. В 1968 или 1969 году в море потерпело неудачу японское рыболовное судно. Восточным ветром его прибило к берегу. Говорили, что оно оставалось висеть, заклиненное где-то в береговых скалах, но мне его увидеть

не пришлось. Команда судна, слава богу, потерь не понесла, моряки даже сняли с него все им необходимое для жизни, а поблизости от места гибели судна обнаружили этот самый домик. Жили они на острове чуть ли не две недели, пока не подспела вызванная по радио помощь – другое японское судно. Моряки забрали в доме имевшуюся там старую меховую одежду оленеводов, а взамен оставили свое не менее, и даже более, значимое для местных жителей имущество.

В бухту Комаровскую мы решили зайти всего на полчасика, попить чаю. Собирая на берегу дрова для костра, кто-то из нас первым увидел, как метрах в двухстах от берега из моря вдруг вырос и затем медленно снова погрузился в воду огромный лоснящийся плавник. Косатка!

Миша почему-то очень захотел именно сейчас идти фотографировать птиц, я, само собой, не мог отпустить его одного, Коля же выразил желание остаться, как он сказал, «охранять косатку».

*Юго-восточное побережье.
Кайры плотно заселяют плоские участки скал*

Весь длинный северный день мы фотографировали птиц на богатейшем птичьем базаре, том самом, что поразил меня в прошлом году. Вернулись к ужину. Плавник, как нам сказал Николай, весь день то появлялся, то вновь исчезал, и все на одном и том же месте.

Утром следующего дня, быстро уложив в катер рюкзаки и взглянув перед выходом из устья на море, мы увидели... три плавника косаток: к огромному вчерашнему добавились два маленьких.

Фрагмент скального участка гнездования птиц

Мы по очереди вспомнили и обсудили все, что читали и слышали об этих «тиграх морей». Ребята-вулканологи Иван Флоренский и Николай Храмов, работавшие здесь же на острове несколько лет назад, рассказывали мне о своих неоднократных встречах с косатками далеко в море. Однажды парням «повезло» оказаться в их «веселой» компании при 3–4-балльной волне. Резвящиеся вокруг лодки исполины появлялись с одного борта, уходили под «Казанку» и всплывали с другого борта. Рассказывая, парни не скрывали своих переживаний. Но косатки ни разу, даже слегка, не коснулись их лодки.

Утром 7 июля косаток в бухте нет, но при полном отливе наш катер лежит на берегу. Выйти из речки мы можем лишь далеко за полдень, и потому, оставив Николая досыпать, мы с Мишей вооружились своими «Зенитами» и телевиками и опять ушли к птичьему базару.

Еще вчера, двигаясь по плато, мы обратили внимание на обилие разбросанной тут и там по тундре скорлупы яиц, большей частью бакланов и моевок. Занятый фотографированием и подсчетом птиц, я как-то не очень обратил на это внимание. Впрочем, тут все было ясно: это следы хищничества воронов. Вот и сегодня, едва выйдя на плато, мы увидели черного разбойника, несущего в клюве яйцо. В бинокль я попытался рассмотреть яйцо: кого он на этот раз обидел? Ворон приземлился на плато, выпустил из клюва яйцо – и в следующее мгновение непонятно откуда, но рядом с птицей взметнулся рыжий сполох. Истошно вскрикнув, ворон подпрыгнул вверх. А над его недавней добычей победно застыла лисица. На крик обиженного разбойника из-под обрыва вынырнул его напарник. Лисица, вжавшись в тундру, торопливо поедала отбитую добычу и одновременно то и дело вскидывала голову навстречу падающим на нее сверху гневно орущим воронам. Вот уж воистину «вор у вора дубинку украл!» Но какова лисица! Как просчитала она место приземления ворона? Как должна была слиться

с этой едва поднимавшейся растительностью сухой тундры, чтобы глазастая птица сверху не рассмотрела ее? И почему мы, люди, так долго отказываем другим, кто «не мы», хотя бы в зачатках умственных способностей?

После того как мы обсудили хитрость грабившей воронов лисицы, наши интересы с Михаилом разошлись: я опять пытался пересчитывать птиц, он же устремился за «неповторимыми кадрами». Догнал его я там, где сплошная полоса птичьего базара разорвалась, а далее пошли лишь «пятна» поселений бакланов. С этого места хорошо был виден Птичий остров, накрытый белой «шапкой» сидящих по всей его площади чаек. Уже давно шел прилив, и нас ждал Николай: пора было возвращаться. Если говорить честно, выходить сейчас в море мне очень не хотелось. Какой же он здоровенный, этот плавник! С Мишей о косатке мы не говорили. Но когда он сказал, что оставшиеся до Яклегрываям километры ему очень интересно, очень хочется пройти пешком, я его отлично понял. Этот плавник!..

На обратном пути я опять повстречался с лисицей, вернее, с ее бренными останками. Вчера и сегодня утром мы так торопились скорее дойти до основной массы птиц, что эту «находку» на самом краю колонии просто просмотрели. Погибла рыжая хищница, скорее всего, зимой, возможно, от бескормицы, и сейчас ее иссохшие останки лежали на краю обрыва, свесив голову вниз. Казалось, и мертвая она с вожделением смотрела на таких близких и таких недостижимых для нее птиц. А не так ли вот, изображая мертвую, лисица и обманывает ворона, чтобы отнять у него несправедливую добычу – яйцо недостаточно боевитой моевки или глупого баклана?

Николай уже все собрал и ждал только нас. От бухты Комаровской до Яклегрываям на катере ходу какие-то минуты. Накоротке лишь заглянув на краешек Птичьего, мы зашли в устье, поставили палатку, собрали кучу дров, приготовили на костре ужин. Михаила не было.

Михаил Жилин. Карагинский остров, 1970 г.

Я начал беспокоиться: полевик Мишка никакой, да и мало ли что может случиться с человеком дорогой... С ним не случилось ничего страшного. Мишу искать не пришлось, дошел-таки. Если быть точным, смертельно обессиленный, он не дошел – дополз. Упав около костра, отважный путешественник чуть слышным голосом рассказывал, как ему пришлось долго искать брод в реке Мэльваям (это и понятно, так как уровень воды в ней с приливом сильно поднялся), и все-таки его чуть не сбило течением, и на берег он вышел мокрым. И еще его хотели заклевать орлы-беркуты. Мы с Колей, кстати, орлов этих в той стороне тоже видели. Голодным же Михаил был до такой степени, что съел без остатка

два сильно насиженных яйца топорков. Мы попросили его «хотя бы оторвать клювы у находившихся в яйцах птенцов», в ответ он лишь прошептал: «Плевать!»

8 июля с утра тихо, небо посерело. Я с нетерпением рассматриваю остров в бинокль. Птичий... С таким названием, известным чаще только жителям близлежащих сел, на Камчатке можно найти с десяток островов или просто заселенных пернатыми скал, и далеко не все они обозначены на картах. А этот вот имеет собственное имя. Спрятавшись от Камчатки за огромным островом Карагинским, он поднимается из моря в километре от восточного берега своего «старшего брата». Кажется даже, что он очень хочет быть на него похожим: так же сориентирован по сторонам света, имеет те же очертания, восточные скалистые берега его тоже заселены бакланами и моевками. Только все это в миниатюре: длина островка, вероятно, около трехсот метров, а наибольшая ширина – до ста. Главное же его отличие от Карагинского – на беду своих хозяев-птиц, поверхность Птичьего острова ровная как стол.

Едва дождавшись прилива, далеко за полдень наконец вышли из устья Яклегрываям. И хотя не совсем удачно проскочили один из «баров», образующихся в устьях рек при столкновении двух встречных, речного и приливного, течений, и вода через ворот свитера добралась у меня аж до стелек сапог, я почти не обратил на это внимания. К нам стремительно приближался Птичий!

Над островом бушевала «снежная буря»: в воздух, заметив наше приближение, одновременно поднялись не менее полутора-двух тысяч тихоокеанских морских чаек. Подходим ближе, еще ближе... И вдруг с берега острова прямо в нас выстрелили залпом трассирующих снарядов! За залпом последовала беспорядочная частая пальба. Черные с красно-желтыми головками снаряды стремительно неслись на нас, но перед самой лодкой вдруг сворачивали в сторону, смешно растопырив красные лапы. Это сотни и сотни топорков

Так остров Птичий выглядит с вертолета

одновременно по какому-то паническому сигналу бросились навстречу врагу. И вот уже кружит над нами нескончаемая карусель: топорки летят по кругу с диаметром в несколько десятков метров, и эпицентром этой круговерти являемся мы. По мере нашего приближения к острову переполох у птиц усиливается.

Высадка на пляже западного берега была встречена едва ли не десятком взрывов серого пуха: прямо с гнезд, разбрасывая собственные яйца, взлетели гаги. Да, человека здесь, безусловно, знали и никаких иллюзий в отношении гостей хозяева не питали. Но мы приехали сюда с определенной программой работ и, чтобы не очень навредить населению этой маленькой суверенной страны, должны были очень осторожничать. Николай со связкой колец на шее сразу же начал ловить и кольцевать чайчат. Так как стеллеровой коровы

*Смелая гага спокойно взирала на нас с гнезда,
сделанного в скальной нише*

поблизости не наблюдалось, наш журналист Михаил Жилин переключился на фотографирование других обитателей этого птичьего государства.

Меня же в первую очередь интересовали гаги. Гнездовые тихоокеанской гаги на Птичьем, несомненно, уникально. Не знаю, где еще даже на нашей необжитой Камчатке можно на столь ограниченной территории найти сразу двадцать гнезд этих птиц. Одни гнезда здесь располагаются открыто, другие – в траве, некоторые – под нависшими камнями обрыва. Иногда края двух гагачьих гнезд соприкасаются. Тут же рядом находятся гнезда тихоокеанских чаек.

Интересно, что материал, использованный для их строительства этими двумя видами, иногда почти неотличим, в чайчьих гнездах нередко встречается пух гаги. В одном из гнезд с семью яйцами гаги восьмым лежало чайчье. Такое же по размеру и незначительно отличающееся по форме,

оно резко выделялось своей рябой окраской. Однако гагу это, по-видимому, не смущало, и она добросовестно насиживала подкидыша. Неподалеку в гнезде чайки с двумя собственными яйцами третьим лежало гагачье. Рядом обнаружилась также смешанная кладка, состоявшая всего из двух яиц. Какая из птиц считала ее своей, для меня так и осталось загадкой.

Насколько можно быстро, я беру промеры яиц одной кладки, тщательно закрываю ее пухом и перехожу к ближайшему гнезду, потом к следующему и следующему. Чтобы не загубить кладки гаг, надо торопиться. Я поднимаюсь наверх к Николаю, к нам присоединяется Михаил, работаем с чайками.

Они первыми смирились с нашим вторжением. Взрослых тихоокеанских чаек здесь не менее двух с половиной тысяч, и все как одна – в накрахмаленных белоснежных сорочках и темных фраках. Ни одной серой неполовозрелой особи в этой колонии мы не обнаружили. Уже опустившись

Так тесно живут на острове гаги и чайки, что в гнезде гаги (слева) лежит яйцо чайки, в гнезде чайки шесть яиц. Сюрприз в том, что в гнезде чайки могут находиться только три яйца

недалеко на землю, птицы еще что-то выкрикивают в наш адрес, но потом житейские дела берут верх, и супружеские чайчьи пары начинают ревниво осматривать свои, судя по всему, очень мизерные владения. В колонии тихоокеанских чаек птицы постоянно живут в состоянии «военного перемирия». Стоящая у своего гнезда и с презрительной гордостью поглядывающая по сторонам чайка – это самая яркая поборница частной собственности. На гнездовой участок допускается только второй член семьи. Стоит одному из соседей при посадке промахнуться на сантиметр-два и чуть заступить за только им, соседям, известную запретную черту – куда исчезает величавость хозяина попранной территории! Он сразу же бросается бить мнимого захватчика, при этом, увлекшись, почти обязательно переступает границу, и тотчас сам бывает бит. Как птицы различают границы своих гнездовых участков, для меня так и осталось загадкой. Ясно одно: в гнездовой колонии чайек существует строгий порядок, и правила общежития здесь должны соблюдаться неукоснительно.

*Первыми с нашим присутствием смирились
тихоокеанские чайки*

Ждут появления третьего

Массовое появление на свет птенцов здесь приходится на первую половину июля. Сегодня, восьмого июля, по острову бегали не менее семи-восьми сотен чайчат, еще часть уже вылупившихся, но пока не окрепших, сидела в гнездах, и приблизительно треть всего приплода колонии терпеливо ожидала своего часа под скорлупой яиц. Значит, в этом году за счет Птичьего общее поголовье популяции Карагинского острова должно пополниться, как минимум, полутора тысячами молодых тихоокеанских чаек. Это после гибели слабых и больных.

Меня поражает вдумчиво-высокомерный вид птенцов тихоокеанской чайки, которым всего-то три-пять дней от роду. Эта, можно сказать, врожденная царственность осанки, поневоле вызывающая уважение. И тем не менее, невзирая на пронзительный крик родителей, мы теперь уже втроем ловим благородных отпрысков, надеваем им на ноги металлические кольца и, поздравляя с приобщением к науке, отпускаем.

Поднявшийся восточный ветер частично, но все же спасает нас от «обстрела»: сверху беспрестанно несутся залпы

Птенец чайки высокомерно смотрит на пришельцев

белого «дождя». Удивляет то, что чайки поливают нас своим пометом не беспорядочно, а именно залпами. По какой команде это делается? Несколько раз около наших ног плюхаются и более тяжелые снаряды: прилетевшие с кормом для птенцов чайки отрывают его явно прицельно. Так мы знакомимся с одним из способов биологической защиты чайечьей колонии. Плохо бы нам пришлось, не поднимись так вовремя этот стойкий ветер!

Мы не хотели вреда ни самим чайкам, ни тем более их симпатичным потомкам. И все же стали виновниками гибели нескольких совсем юных созданий. Беда в том, что испуганные птенцы, разбегаясь от нас, пытались спрятаться в чужих гнездах. Иногда за это на них обрушивались два жестоких удара клювом: один в крестец, другой – в место сочленения головы с позвоночником. Первый удар парализует, второй чаще убивает. К счастью, в колонии, видимо, не так много злых взрослых птиц, но все же они есть – убитые птенцы были на нашей

Обручение с наукой

совести, и это значительно испортило наше поначалу такое хорошее настроение. Чувство нашей вины слегка умалили находки нескольких погибших птенцов, давность убийства которых (теми же двумя коварными ударами) исчислялась по крайней мере двумя-четырьмя днями.

Вся поверхность острова, где есть почвенный слой и хотя бы незначительный уклон, изрыта норами топорков. Нор не счесть. Интересно, сколько в них живет птиц? Шестьсот-семьсот штук, решил я для себя, так как подсчитать более трех-четырех сотен из одновременно видимых никак не удавалось. Впрочем, попытайтесь определить число птиц, а можно даже – комаров-толкунчиков, когда их сотни и все они находятся в непрерывном движении. Лично для меня это всегда было и так и осталось неразрешимой проблемой.

Улетевшие при нашей высадке на остров топорки малопомалу начали возвращаться. Все ближе и ближе около нас

*Топорок со строительным материалом для гнезда,
о. Птичий, 8 июля 1970 г.*

стали садиться птицы. Это не значило, что в их глазах мы становились симпатичнее: в сильно насиженных яйцах при их переохлаждении могла угаснуть жизнь, и инстинкт, против их желания, гнал птиц в наше общество. Прилетающие к гнезду топорки, стоя у норы, с нетерпением переминались с ноги на ногу и смотрели на нас белыми глазами, как бы говоря: «Скорее бы вы убирались отсюда!» Тороплюсь достать из норы, замерить, вернуть на место яйцо и, не задерживаясь, перемещаюсь метров на пять. Птица тотчас ныряет в свою нору.

Мне не однажды приходилось слышать рассказы о том, что топорок, сидящий на гнезде, спасаясь от человека, выкатывает ему свое яйцо. На Птичьем мы такого не увидели. Здесь нам пришлось наблюдать совсем другой, взволновавший нас, эпизод. Застав в неглубокой норе топорка, я решил его окольцевать. Птица против обыкновения не пыталась даже улететь. По очереди заглянув в нору, мы увидели,

что топорок, лежа грудью на яйце, уперся клювом в землю и лишь как-то по-человечески горестно вздыхал. Я попытался снять птицу с яйца. Топорок еще сильнее прижался к нему грудью и даже не пытался ущипнуть незащищенную руку, что в подобной ситуации не преминули бы сделать сотни других его сородичей. Мы оставили самоотверженную птицу в покое и поспешили уйти подальше от норы.

Так сколько все-таки на острове топорков? Это мы узнали только на другое утро. Рассматривая островок в сильный бинокль, я был искренне удивлен, когда увидел, что он буквально весь усыпан топорками. Птицы, торжественно стоя у своих нор, встречали солнце. Они напоминали ночную смену шахтеров, вышедших из шахт, но забывших потушить фонари – так ярко сверкали освещенные солнцем их удивительные красно-желтые носы. Трижды, как мог, пересчитал я птиц: 1700 штук – это только на западной стороне островка. Думаю, что всех их здесь было, как минимум, 3000 особей. Так вот кто оказался истинным хозяином острова Птичьего!

Топорки – «жители подземелий» Птичьего острова

Были у нас и другие интересные находки. В одном из покинутых гнезд тихоокеанской чайки наше внимание привлекла большая разница в размерах двух лежащих там яиц. Меньшее, как оказалось, совсем не содержало желтка. В одном из гнезд берингийского баклана – их на острове гнездились 180–200 особей – кладка состояла из трех пустых яичных оболочек. Они были очень мелкими, почему я и обратил на них внимание.

Кроме уже названных видов, на Птичьем острове мы встретили единично гнездящихся моевок, одного чистика, две-три пары белых трясогузок. Самой же неожиданной для меня была встреча здесь самки шилохвосты. Утка так и не поднялась на крыло, а, потревоженная нами, просто отплыла подальше от берега. Как она могла оказаться в совершенно несвойственной ей станции – для меня это стало еще одной загадкой без ответа.

Птичий остров для орнитолога оказался истинным кладом ценнейшей информации. Даже на Карагинском острове трудно найти еще столь насыщенный птицами и поэтому исключительно ценный для ученого уголок. За это первое, очень короткое, свое пребывание на Птичьем мы успели сделать немало. Но выполнена была лишь незначительная часть намеченной мной программы работ. Следовательно, необходимо было посетить островок еще хотя бы раз. Для этого предстояло сутки ожидать следующего прилива.

Чем бы я ни занимался в эти часы, мысли мои вновь и вновь возвращались к кладкам гаг (не застужены ли они были вчера?), к заклеваным по нашей вине чайчатам. Проходя по тундре, я напряженно ожидал, что моя нога вдруг, как там, на Птичьем, провалит нору топорка, и я услышу его горестный вздох. Не слишком ли велики были жертвы, принесенные вчера ради полученных мной знаний, и так ли их «требует наука»? Я еще не знал, что моих спутников мучили те же думы. И когда Николай Бондырев как-то подавленно спросил, когда собираться на остров, я ответил, что мы больше туда не пойдем. И услышал облегченные вздохи моих друзей.

Выйдя по приливу из Яклегрываям, мы возвращались на север. До самой Северной бухты я находился в непривычном для себя тревожном раздумье. На Карагинском острове я уже не первое «поле» и успел убедить местных коряков в скором заповедании их «малой родины». Зная о моем, госохотинспектора, особом интересе к охране природы Карагинского острова, на Птичий пока перестали навещаться сборщики яиц. Но зато все растущая армия «искателей экзотики» и сувениров ежегодно совершает свои набеги на остров Карагинский, и, боюсь, скоро эта беда не минует Птичьего. И сейчас уже люди, вооруженные фото- и киноаппаратурой (пилоты, геологи, геодезисты), едва ли не ежегодно сажают там свои вертолеты. Когда я представляю себе, как эти «любители природы» равнодушно давят ногами гнезда топорков с птенцами, ловят чайчат и фотографируются с ними, счастливо улыбаясь в объектив, я очень понимаю ученого Форбеша, героя книги Г. Биллинга «Один в Антарктиде». Он, в течение нескольких месяцев в одиночестве изучавший жизнь пингвинов, встретил первых прилетевших к нему людей негодующим выкриком: «Идиоты

Обработка найденной кладки

телей экзотики» и сувениров ежегодно совершает свои набеги на остров Карагинский, и, боюсь, скоро эта беда не минует Птичьего. И сейчас уже люди, вооруженные фото- и киноаппаратурой (пилоты, геологи, геодезисты), едва ли не ежегодно сажают там свои вертолеты. Когда я представляю себе, как эти «любители природы» равнодушно давят ногами гнезда топорков с птенцами, ловят чайчат и фотографируются с ними, счастливо улыбаясь в объектив, я очень понимаю ученого Форбеша, героя книги Г. Биллинга «Один в Антарктиде». Он, в течение нескольких месяцев в одиночестве изучавший жизнь пингвинов, встретил первых прилетевших к нему людей негодующим выкриком: «Идиоты

несчастные!» Это были вертолетчики, посадившие свою машину прямо на гнездовье пингвинов. Я бы сказал то же самое тем, кто постоянно сажает вертолеты на маленькую, совершенно не защищенную от варваров точку нашей Родины – остров Птичий. Четыре года потребовалось нам, чтобы добраться до острова, который до меня не посещал ни один зоолог. Зато вертолету с равнодушными к нашей прекрасной природе людьми достаточно нескольких минут, чтобы только при посадке сдуть в море, убить о камни многие десятки юных жизней и еще раз закрепить в памяти птиц панический страх перед человеком. Примите это к сведению, пилоты авиаотрядов Камчатки!

В 1914 году в замечательнейшей, первой такого плана в России, брошюре «Охрана памятниковъ природы» академик И.П. Бородин писал: «Мы являемся обладателями в своем роде единственных сокровищ природы. Это такие же уники, как картины, например, Рафаэля – уничтожить их легко, но воссоздать нет возможности». Потом эти же слова, но уже применительно к памятникам природы всего мира, были повторены Б. Гржимеком.

Мы не имеем права этого забывать.

Олени

А сейчас я хочу вернуться к табунку северных оленей, которых мы видели по пути к Птичьему острову в бухте Северной.

Об оленеводстве на острове Карагинском, вероятно, можно было бы написать целую книгу. Можно было бы, если бы ветер времени не разметал ее страницы, унеся многие из них в небытие. Первые главы этой ненаписанной книги могли бы рассказать, как давно жили на острове оленные аборигены. Может быть, археологи, которых ждет не дожидется Карагинский остров, когда-нибудь отыщут какие-то из этих глав под вековыми напластованиями праха

ушедших времен. Сейчас же мы знаем лишь немного, и это малое тоже вот-вот может потеряться.

Что же знаем мы сейчас из печатных, рукописных и устных источников о домашнем северном оленеводстве острова Карагинского?

Пока известно лишь то, что около 1895 года пять семей коряков, дождавшись, когда в проливе, разъединяющем Камчатку и остров, станет крепкий лед, ушли в поисках счастья на далекую землю, сверкающую в стылой дали белоснежными зубчатыми хребтами гор. Они шли туда с небольшим оленьим стадом и большой надеждой на новую лучшую жизнь. Остров их встретил благосклонно, оленье стадо быстро росло. И в 1910 году генерал-губернатор Унтербергер сообщал, что на Карагинском острове живут около семидесяти коряков, а стадо оленей насчитывало до 4 тысяч голов.

В 1912 году с целью обследования островных оленей на Карагинский был командирован ветеринарный врач Грюнер. Из его рукописного отчета следует, что в тот год численность домашних северных оленей на острове определялась в 16 тысяч голов. Масса других несуразных сведений в отчете этого автора, как замечает В. Разумовский, заставляет относиться к этой цифре более чем с осторожностью. Увеличиться за два года четырехкратно оленье стадо, конечно же, не могло. Да и не столь обширные здешние пастбища вряд ли могли бы прокормить такое огромное стадо оленей. К тому же лично Грюнер оленей острова не пересчитывал.

Нелегкой была судьба островного оленеводства с самого начала только что зародившегося века двадцатого. Известно, что в зиму с 1918 на 1919 год стадо северных оленей острова насчитывало около 5 тысяч голов. Из доклада Дранкинского волостного революционного комитета Камчатскому губернскому ревкому от 4 сентября 1924 года мы узнаем, что в начале 1919 года все коряки острова вместе со стадом оленей по льду пролива перекочевали на Камчатский полуостров. Автор доклада выдвигал две версии этого: первая

из них – недостаток корма для оленей на острове, и вторая – принудительное переселение островных коряков оседлыми жителями села Карага с целью получения дармового оленьего мяса. Полностью отвергая свое первое предположение, так как в таком случае, справедливо замечает автор доклада, с острова-де можно было бы перегнать лишь часть животных, он укрепляется во втором.

Ненадолго хватило материковым корякам островной оленины, уже через год от пятитысячного стада животных не осталось ничего. И летом 1920 года девятнадцать коряков вновь переселились на остров. Благо, при прошлогоднем исходе хозяев часть олешек (так ли уж случайно?) затерялась в островных распадках, да несколько убежали обратно на остров во время переправы через пролив. С этих вот, вероятно, нескольких десятков голов стадо начало возрождаться вновь, и уже к 1925 году четырнадцать семей коряков владели стадом в 500 оленей. Почти столько же, а именно 480 этих животных, учтены на Карагинском острове при переписи 1926–1927 годов.

В 1927–1928 годах для поддержания клеточного звероводства какое-то число домашних северных оленей было завезено рыбокомбинатом АКО. Очевидно, этих оленей и имел в виду В. Разумовский, сообщавший, что в 1928 году кроме оленьего стада туземцев, к которому они относились очень бережно, на острове уже паслось и стадо АКО. Ликвидация питомника пушных животных спасла оленей (кроме старых выбракованных быков) от убоя на мясо, и стадо АКО с 420 животных в 1932 году через два года достигло численности в 814 голов. Стоимость одной «оленьей головы» в то время равнялась заготовительной стоимости двух сданных охотником лисьих шкурок.

В середине 1940-х годов поголовье оленей на Карагинском насчитывало до 4 тысяч. Уже пять стад кочевали по острову: два из них, по 800 голов каждое, принадлежали рыбокомбинату, по 800 оленей имели рыбкооп и колхоз, около 600

паслись в личном стаде аборигенов. Об этом поведал Иван Тимофеевич Лазарев, который до 1945 года числился учетчиком оленей в северном комбинатском стаде. К 1950 году, сообщил мне в письме Н.Е. Гейченко, на острове в пяти стадах паслись около 7 тысяч животных.

В 1950 году, при директоре комбината А.М. Соколовском, на Карагинском острове случилась страшная катастрофа: дождь, снег, мороз образовали «тройную корку» гололеда, погубившую почти всех оленей. Из тысячных стад до весны дожили лишь семьдесят шесть едва передвигавшихся «оленьих скелетов». Не имея возможности пробиться к ягелю, олени питались хвоей и ветками кедрового стланика. Животных собрали в одно стадо, которое со временем довели до тысячи голов. С тех пор единоличным хозяином оленей на острове стал колхоз «10 лет национальных округов», а в 1960 году, после объединения двух хозяйств, – колхоз «Ударник».

При первом нашем с Юрием Воропановым посещении Карагинского острова всюду, где мы бывали, в глаза бросались следы недавнего страшного мора оленей. От бухты Северной до мыса Кекурного и далее на юг почти в каждом распадке восточного побережья в кучках оленьей шерсти белели еще свежие кости бедных погибших животных. Так с ними расправился очередной зимний гололед. Как оказалось, в зиму с 1963 на 1964 год та же беда настигла оленей и на американском острове Святого Матвея, также находящемся в Беринговом море. Там от 6-тысячного стада животных к весне остались лишь 45 еле передвигающихся оленей. Цепочка этой катастрофы имела те же, что и на Карагинском острове, три звена: истощенность кормовой базы – чрезмерное число оленей – экстремальная по погоде зима. На нашем острове уже в первую весну, последовавшую за катастрофой оленьего стада, небывалую вспышку численности дала популяция росомахи. Так в дикой природе смерть одного вида животных нередко становится праздником жизни для другого.

Очевидно, эта последняя потеря большей части стада чуть было не лишила жителей Карагинского острова их исконного средства существования. Так или иначе, правление колхоза «Ударник», тогдашнего хозяина оленьих стад, признало эту отрасль хозяйствования на острове нерентабельной. Оленям был вынесен смертный приговор. Забой всех животных был назначен на осень 1969 года. Оленеводов же острова, благо их было там не так уже и много, вероятно, предполагалось вывезти в село Карага. Как мы видим, по прошествии полувека история повторялась. Впрочем, вряд ли нынешние вершители судеб людей и оленей острова Карагинского с этой историей были знакомы. А не мешало бы.

Тогда к председателю правления колхоза пришел на прием молодой директор государственного охотничье-промыслового хозяйства «Карагинский» Анатолий Коваленков. Узнав о том, что он хочет купить для своего хозяйства полторы-две сотни островных оленей и тем спасти островное оленеводство, председатель не захотел на эту тему даже разговаривать.

А несколькими днями позже на прибойку близ села Ягодного с борта катера спустились двое молодых крепких парней, судно сразу же отошло к косе Лекало. В селе прибывшие о чем-то переговорили с коряком Лазаревым и затерялись в островных горах и распадках. Через два-три дня они опять появились в селе, ни с кем здесь не поговорив, прошли к морю, развели на берегу костер и вскоре поднялись на подошедший за ними катер. И всего через четыре часа парни входили в директорский кабинет госпромхоза, хозяином которого, как оказалось, был один из этих двоих.

К месту забоя стадо пришло не все. Неожиданно для пастухов и прибывших на катерах представителей колхозного руководства, по пути своей «последней кочевки» где-то затерялись более ста животных. Раз за разом уходили на их поиски местные пастухи и прибывшие на забой коряки села Карага, но возвращались ни с чем. Олени будто растаяли

среди островных холмов. Возвращаясь, сконфуженные пастухи только разводили руками:

– Нетту олешка! Ушел куда-т-то!

Задерживать на острове Карагинском суда становилось накладно, да и опасно: осенние шторма, которые вот-вот должны были принести западные ветры, могли навсегда оставить на берегу пригнанные за мясом плоскодонные плашкоуты. Поиски сбежавших оленей решили прекратить.

А тут, кстати, в конторе колхоза с каким-то вопросом «совершенно случайно» появился Коваленков. На этот раз председатель чуть ли не сам предложил ему «по страховой стоимости» расплатиться за «оставленных» на острове оленей. Колхозу тотчас была перечислена оговоренная сумма. А маленькому, «чудом спасшемуся» островному стаду предстояла большая задача – в который уже раз поднимать домашнее северное оленеводство острова Карагинского. Да что там Карагинского – пройдет совсем немного лет, и стаду местных оленей будет поручена почетная миссия «улучшения кровей» одичавших северных оленей на острове Беринга (Командорские острова). И автором, и исполнителем этой идеи будет все тот же Анатолий Коваленков.

Так что в Северной бухте мы, вероятно, встретили едва ли не все на тот период времени оленье стадо Карагинского острова.

Коваленков

Неоднократно упоминая фамилию этого человека, я, очевидно, должен рассказать о нем более подробно. Для работы на Карагинском острове мы имели катера, новейшие лодочные моторы, только ради нас двоих с Николаем Бондыревым на остров специально направлялось пассажирское судно «Фрион», прилетал я туда и на вертолете Ми-4. Все это совершенно бескорыстно предоставлял нам главный охотовед, затем – директор госпромхоза Анатолий Коваленков.

А.Г. Коваленков

Мы познакомились в 1957 году, когда абитуриентами-охотоведами оказались в одной маленькой, всего лишь на троих парней, комнатке общежития Иркутского сельскохозяйственного института. Живший до того в жарком Узбекистане, охотившийся в дельте Амударьи, начитавшийся Джека Лондона Анатолий решил связать свою судьбу с севером Камчатки.

Лев по гороскопу, Коваленков в полной мере обладал всеми, в том числе лично мне противными, качествами этого знака. Одно из главных «львиных» достоинств Анатолия – это постоянное стремление управлять не только людьми, но и обстоятельствами. Умение на равных дружить с людьми известными и влиятельными, стремительная реакция в опасной ситуации и волчья хватка, когда дело касается выгоды для его хозяйства, его личного престижа, – вот отличительные черты характера этого человека. Сам себя он называл «волком-одиночкой». Я бы определил его как «лидера-агрессора».

Став в 1967 году директором госпромхоза «Карагинский», вместе с «вывеской» и нелестной славой этого слабенького хозяйства молодой руководитель получил и его огромные по тем меркам долги. Но он должен быть везде первым!

Организация «пропажи» части стада колхозных оленей на Карагинском острове была всего лишь одной из самых легких операций Анатолия Коваленкова. А они, эти операции,

следовали одна за другой. На магаданском побережье на одно лето он «оживил» заброшенную колхозом береговую рыбообрабатывающую базу – и нет больше «наследственного» долга хозяйства. В стране только-только стала зарождаться мода на изделия из нерпичьих шкур, и Коваленков тотчас развил небывалую ранее на Камчатке организацию массового промысла морского зверя, переработку сырья и изготовление модной одежды. Не в пример другим хозяйствам района, госпромхоз Коваленкова обзаводился списанной в воинских частях добротной техникой, строился и стремительно богател. Уже через три года всех «высоких» гостей района везли на край поселка Оссора показывать самое перспективное и самое ухоженное хозяйство райцентра – госпромхоз «Карагинский».

Коваленков между тем постоянно балансировал на лезвии ножа, по одну сторону которого стояла выгода для управляемого им хозяйства, по другую – в нетерпении потиравшие руки сотрудники ОБХСС. Милиция, классифицируя любые действия молодого рискованного директора не иначе как аферы, давно уже считала его своим будущим «клиентом». Впрочем, утверждать, что служители Уголовного кодекса того времени всегда были неправы, я бы не рискнул.

Одним из ключевых слов, которыми можно охарактеризовать Анатолия Коваленкова, должно стать слово «авантюрист». Но не ищите определений этому понятию в словарях советских изданий. Я же хорошо помню объяснение своей школьной учительницы: «Авантюристы – это люди прежде всего безрассудно смелые, готовые к очень рискованным предприятиям, к военным походам. Ермак, Атласов, казаки, осваивавшие Сибирь, мореходы, уходившие в неизвестность, в океан – все они авантюристы в полном понимании этого слова. И, конечно же, они далеко не ангелы». Если же мы с вами заглянем в словарь английского языка, то увидим, что «авантюра» и «приключение» там обозначаются одним словом – «adventure».

Все известные мне авантюры Коваленкова заканчивались неизменным успехом. В основе его удач лежало отнюдь

не слепое везение (хотя было и это), все операции тщательно продумывались, просчитывались. Успех же, как мы знаем, порождает больше завистников, чем почитателей. К тому же Анатолий обладал еще одним качеством – умением чуть ли не специально наживать себе врагов. «Коваленков – хищник! Коваленков – волк!» – наперебой закричали средства массовой информации.

В 1960-х годах у Анатолия Коваленкова были едва ли не самые лучшие (иных он себе позволить не мог) на севере Камчатского полуострова ездовые собаки. Псы его были не только ухожены и сильны, но и беспрекословно послушны хозяину. Сколько раз Анатолий на своей нарте в лютую пургу попадал в смертельно опасные ситуации, и тогда его выручала верность вожака, преданность собак.

Зимой 1966 года Коваленков и я на нарте пошли в двухсоткилометровый маршрут, конечной точкой которого стал поселок Ука. На первую ночевку остановились в доме корякской семьи на окраине поселка Карага. Только-только заступившего в должность главного охотоведа района здесь видели впервые.

Хозяин был на охоте: лежал где-то в снегу, ждал выхода из норы лисицы. Об электричестве в этом доме, похоже, и не мечтали, кое-как коптила керосиновая лампа. Хозяйка на печке вскипятила для нас чайник. Детишки, не помню, двое их было или трое, засели в темном углу и, видимо, обсуждая гостей, шушукались и тихонечко смеялись. Мы попили чаю, оставили на столе печенье, масло и другие продукты. Вскоре с неудавшейся охоты – лисица из норы так и не вышла – вернулся отец, и семья села за стол. Картошка в котелке, немного хлеба и чай без сладкого – вот и весь ужин бедной корякской семьи. Мы сказали, что все на столе оставлено для них, и лишь после этого дети несмело потянулись к печенью и конфетам.

После ужина Коваленков завел разговор с отцом семейства:

– Сколько вам нужно денег, чтобы прожить до весны?

– Нам много не надо. Но как я возьму деньги, ведь я еще ничего не добыл.

– Вот деньги. До весны на сахар, масло, хлеб вам хватит. Когда будете сдавать пушнину, отдадите эту сумму заготовителю госпромхоза. Но только если сможете нормально прожить дальше.

Кто-нибудь писал о таком Коваленкове?

Став директором госпромхоза, стараясь сохранить в неприкосновенности тундры острова, Коваленков «не пустил» на Карагинский ни одного своего гусеничного вездехода, ни одного трактора.

Покупая у колхоза «затерявшихся» на острове оленей, он беспокоился не только о возможной выгоде своего хозяйства, не менее его волновала судьба остающихся без средств существования коренных островитян-оленоводов. И никакой выгоды для своего госпромхоза, для себя лично не видел Коваленков, когда на Карагинском острове организовывал отлов оленей своего хозяйства и на своем судне вез их на Командоры. Хотел одного: помочь восстановлению командорского стада одичавших северных оленей.

Никогда так хорошо не жили на Карагинском острове коряки, как при директоре Коваленкове. Через много лет, когда он уже давно не работал в районе и прилетел туда на вертолете, старый коряк Егор Ефимович с укором спросил «своего директора»:

– Что же ты так долго у нас не был? Почему ты забыл про нас?

Мне же остается только сказать: если я в чем-то преуспел, работая на Карагинском острове, то значительная доля этих успехов стала возможной благодаря человеку, фамилия которого вынесена в заголовок данного рассказа.

Орнитологический заказник

Надо ли говорить о том, что в годы моего счастливого знакомства с Карагинским островом я был совершенно «законченным» инспектором, притом с весьма радикальными взглядами на вопросы охраны природы. Уже на второй наш

полевой островной сезон мы с Юрой пришли к убеждению, что необходима скорейшая организация на острове заказника со строжайшим режимом охраны.

В декабре 1970 года решением Камчатского облисполкома об организации заказника «Остров Карагинский» здесь был установлен полный запрет охоты на птиц и «прочие действия, могущие нанести вред природе острова». Несколькими месяцами позже нами была предпринята попытка поднятия статуса заказника до республиканского уровня, однако в Москве данное решение облисполкома поддержки не нашло.

Прошло несколько лет. Во ВНИИ охраны природы я защищал кандидатскую диссертацию по теме «Эколого-географический анализ авифауны Карагинского острова». После моего доклада вопросов было немного. Один из них и ответ на него я постараюсь воспроизвести по возможности предельно точно.

– В докладе прозвучало, что вы организовали орнитологический заказник «Карагинский остров». Разъясните, пожалуйста, этапы создания данного заказника и ваше личное участие, вашу роль на этих этапах.

– В 1969 году, после очередной экспедиции на остров, я подготовил письмо с кратким описанием его уникальной природы и ненавязчивой рекомендацией районным властям выступить инициаторами создания орнитологического заказника «Карагинский остров». Письмо за подписью начальника Управления охотничьего хозяйства ушло в Карагинский райисполком. Через год, при следующей моей экспедиции на остров, будучи в Оссоре, я зашел к заместителю председателя райисполкома с вопросом, почему нет ответа на письмо. «У нас некому было его написать», – сообщили мне. Не выходя из кабинета, я подготовил письмо, в котором «районные власти» сообщали об уникальности природы Карагинского острова и просили Камчатский облисполком об организации на острове заказника. Когда через месяц я вернулся с острова в Петропавловск, в облисполкоме, хотя я туда и пришел с готовым уже пакетом документов, меня ждал выговор «за волокиту в решении важнейшего

**Фотоиллюстрации: западное побережье
Карагинского острова, июль 2008 года**

Вид на горную грядку острова через пролив Литке

Прибрежная тундра, пролив Литке, в дымке – сопки Камчатки

Характерный пейзаж западного побережья

*Фрагмент долины реки Гнунваям.
Вид на северные отроги горного хребта*

*Озера и влажные тундры западного побережья –
места массового размножения гусеобразных птиц*

*Белоснежная пушица покрывает в июле
прибрежные тундры острова*

Луга в приустьевой части Гнунваям

*Такие обширные луга характерны
только для долин крупных рек острова*

*Вид с увала на облесенную долину Гнунваям.
Вдали – горы на севере острова*

Река Гнунваям, среднее течение

Дом лисьей семьи

*Северный олень. Этот красавец – сейчас, к несчастью,
всего лишь мишень в прицеле браконьера*

*Кедровый и ольховый стланики –
процветающие представители растительного мира острова*

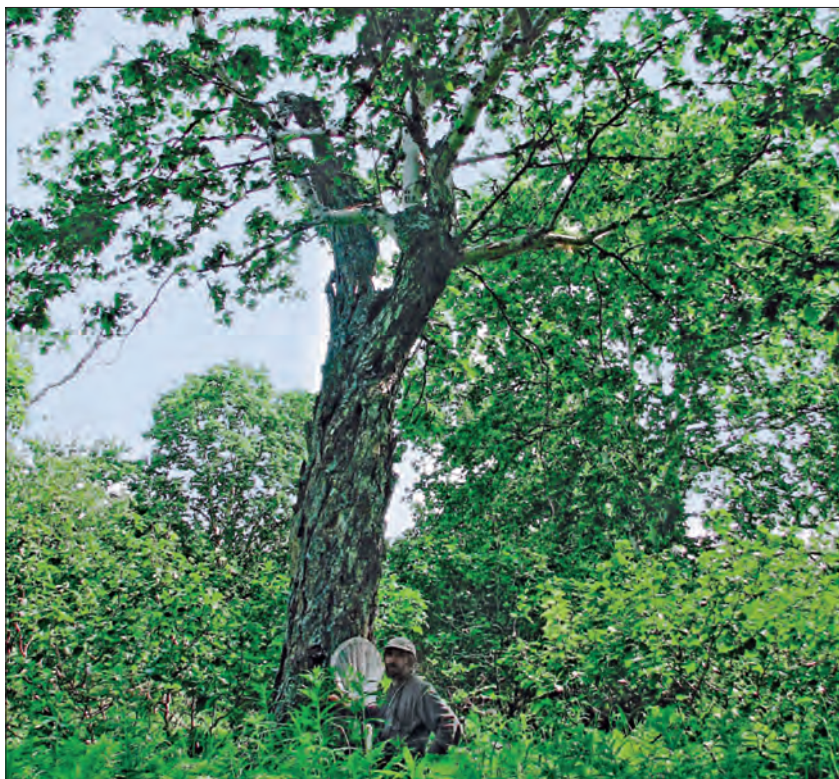
Кочкарниковая тундра – типичный островной биотоп

Полоса характерной растительности на побережье

Два дня как сошел снег, и чемерица торопится жить

Жизнь березы на острове часто нелегка, но бывают и исключения

*Крестовник ложноарниковый –
один из пионеров заселения морских пляжей*

Таким ученые увидели остатки села Ягодного с берега моря

Так село выглядело с левого берега реки Гнунваям

*Изнеженные потомки бывших тружеников Севера –
ездовых собак*

Печальное напоминание о прошлом

В юкольниках сушится рыба – пища людей и собак

Будущий рыбак

Юные островитяне

Михаил Березин

Ольга Хрулева

Елена Ткачева

Авторы фотографий – энтомологи М.В. Березин, Е.Ю. Ткачева
(Московский зоопарк) и О.А. Хрулева (ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН)

природоохранного вопроса». Там же мне очень убедительно было рассказано «об уникальности» природы Карагинского острова.

– Вы удовлетворены ответом? – спросил председательствующий на защите.

– Да! – улыбаясь, ответил задававший вопрос. Улыбались все присутствующие в зале.

Статус заказной территории, по «хотению» властей новой формации, остров практически потерял в начале нового тысячелетия.

Кузнецовы

При первом и втором посещениях острова в поселке Островном мы с Юрием видели еще одного человека. Кажется, он был бухгалтером ликвидированного комбината. Когда поселок «закрыли», ему то ли некуда было уезжать, то ли были другие причины остаться. Запомнился мне этот человек каким-то одиноким. Мы иногда видели, как он тихонечко прогуливался вдоль берега, но наши пути с ним так ни разу и не пересеклись. К 1969 году он все-таки с острова съехал, а в бывшем его доме ко времени моей, уже с Николаем Бондыревым, очередной экспедиции поселилась целая семья Кузнецовых – мать с тремя сыновьями. До этого жили они в селе Красном на восточном побережье Камчатки, на остров же семью перевез Коваленков. Парни должны были промыслять здесь пушнину. В июле, когда мы их впервые увидели, до охоты было еще далеко, молодые люди от нечего делать либо мотались по морю на лодке, либо боролись с алкогольным зельем – уничтожали очередную флягу приспешней браги.

Мать братьев, тетя Вера, как мы ее называли, очевидно, из тех несчастных женщин, которые когда-то в попытке вырваться из беспросветной нищеты очертя голову бросились

за счастьем «на севера». Но везло здесь, увы, не всем даже в те 1940-е, очень богатые рыбой годы, когда, по моим прикидкам, и должна была появиться на Камчатке девушка Вера. Сама ли она в том была виновата или «судьба такая», но везения на долю Веры не досталось: три сына – вот все сомнительное богатство, нажитое этой бедной женщиной на Севере. Потом мне довелось увидеть «дом», в котором жили мать с сыновьями до появления на Карагинском острове. Это была даже не землянка, а что-то похожее на шалаш, притом стоявший где-то на отшибе, в стороне от села, практически в тундре. Трудно поверить, что можно вообще как-то жить в таких условиях. В «доме» даже пол отсутствовал, впрочем, его могли разобрать и после отъезда семьи.

Судя по всему, отцы у детей были разные, очень непохожими оказались и парни. Старший, Василий, отслужил в армии, был женат, но разошелся. Васька был хитрый и нечестный. Средний, Николай, «дитя веселого ужина», был рослым и физически очень сильным. В моем сознании он почему-то ассоциировался с неандертальцем, непостижимо как попавшим в наш век. В нем все было первобытным. И ум тоже. Но я совсем не хочу сказать, что он был глуп. В 1970 году, уже вне острова, мне пришлось прожить рядом с Николаем три недели. Мы подолгу разговаривали, и я понял, что он все воспринимает не как мы: Коля, как ребенок, считал, что окружающий его мир обязательно должен быть чистым, лишенным зла и плохих поступков.

Василий побаивался брата, так как в гневе тот был неуправляем. Узнав как-то, что Васька продал на проходящее судно икру, а это было «незаконно», Николай, обычно добрый, исподволь пришел в ярость. При первом же «празднике» по случаю поспевшей браги за проданную совесть старший брат рассчитался несколькими передними зубами. Во избежание смертоубийства, Николая с Карагинского острова отправили в «ссылку»... на Камчатку, в село Тымлат. Но это случилось уже после той нашей первой встречи с семьей на острове.

Третьему брату, Сашке, в 1969 году было около семнадцати. Очень симпатичный, улыбчивый, пока еще не видевший большого города парнишка сразу покорила меня цельностью натуры, желанием и неумением спорить, исключительной наблюдательностью и любознательностью.

Осенью 1970 года перед отъездом с острова я попросил Сашу вести для меня дневник наблюдений за зимующими птицами. Птиц, как я убедился, он различал довольно хорошо, только называл их по-своему. Несколько коротких совместных маршрутов, простейший отечественный цветной «Определитель птиц» – и из Сашки вышел прекрасный наблюдатель.

Первый полученный мной дневник начинался с эпиграфа, автором которого, несомненно, был сам Александр Кузнецов. «Людам надо верить!» – написал он и проставил первую дату записи – 11 октября 1970 года. В этот день мы с Василием Федоровичем Гавриным, первым моим научным руководителем, покинули Карагинский остров. Изо дня в день Саша вел наблюдения за погодой, за птицами острова. Я и сейчас время от времени возвращаюсь к этому дневнику. До сих пор не могу без волнения читать запись в дневнике от 16 апреля 1971 года. Саша пишет, что этот день для него «и самый горький и радостный». Горький, потому что сегодня узнал о трагической смерти Николая, которого он очень любил. Радостный, потому что в этот день Саша получил «первую в своей трудовой жизни Похвальную грамоту».

Дневник он заполнил вечером: описал погоду, сделал записи по пролету морянок. Потом лег в постель и не заснул до утра: плакал по бедному Кольке, вспоминал все, что было с ним связано.

Василия известие о смерти брата не тронуло. Когда же он «фальшивеньким голоском» стал утешать плачущего Сашку, тот окончательно потерял для себя и второго брата: в дневнике о нем больше не было ни одного доброго слова. Василий ненадолго пережил Николая. Он, «захватив» с собой двух местных оленеводов, утонул в проливе Литке летом 1972 года.

Сашку забрали в армию, но долго он там не задержался: парня комиссовали по здоровью. И Александр вернулся на остров, но уже в качестве егеря зоологического заказника «Карагинский остров». Для браконьеров, нет-нет да заглядывавших летом на Карагинский пострелять кроншнепов-«ягодников», встречи с молодым непримиримо-жестким егерем были весьма неприятны. А я год за годом получал от своего замечательного, совершенно бескорыстного помощника бесценные дневники его наблюдений. Ежедневные записи в них были очень короткими: погода, маршрут, конкретные наблюдения. Саша нашел на острове несколько новых, не отмеченных мной видов птиц, не забывая при этом в качестве подтверждений высылать их шкурки; дал прекрасную фенологию прилетов-отлетов и зимней жизни птиц. И вот еще одна замечательная дневниковая запись моего доброго друга: «5 июня 1983 г. С утра облачно, тихо. К вечеру прояснило, подул южнйак. Температура утром +11, вечером +13. Сегодня в 9 часов утра Татьяна родила сына! (Назвал Колькой.) Родила дома, принимать пришлось самому. Поэтому было не до наблюдений. А это еще, плюс к тому, и день моего рождения...» Далее кратко сообщил-таки о наблюдаемых им в тот день птицах. Таков он, Александр Кузнецов.

Сашины данные значительно дополнили и украсили мою диссертацию по птицам острова, частично нашли отражение и в диссертации сына Юрия. И использованы они еще далеко не полностью: надеюсь, что имя Александра Кузнецова будет упомянуто нами еще не в одной научной статье.

Моя семья

Один из моих последних полевых сезонов на Карагинском острове летом 1978 года я провел со своей семьей: женой Алей и двумя сыновьями. Жили мы в селе Ягодном,

свободно помещаясь в двух маленьких комнатках вместе с семьей егеря заказника «Карагинский остров» Александра Кузнецова.

Село опустело. Уже давно нет в живых Елизара Ивановича Котлова, с которым я все собирался, но так и не нашел времени поговорить. Утонул в проливе еще тогда, вместе с Василием Кузнецовым, бригадир оленеводов Максим Попов. Никогда уже не придет в село старожил острова дед Ефим. Его сыновья, Егор и Алексей, постоянно находятся при стаде либо, сменяя один другого, – в доме, построенном для оленеводов Коваленковым, на реке Маркеловской. Где-то рыбачила семья Майновье. Вероятно, неинтересно ехать сюда на каникулы и молодежи, ее все больше стали привлекать большие города, другая жизнь. Постоянным, «невыездным» жителем села оставался лишь Иван Тимофеевич Лазарев. По соседству с ним и нами жила семья одного из находящихся при стаде оленеводов.

Каждое утро Аля толкала меня в бок и показывала на окно: там, расплющив о стекло нос, на нас смотрел соседский мальчишка лет пяти-шести. Ему все про нас было интересно, а еще он ждал, когда проснется Игорь. Позавтракав, мы занимались каждый своими делами. Аля прямо-таки «балдела» от обилия княженики, плантация которой началась буквально в полутора-двух метрах от тыльной стенки нашего дома. Младший сын Игорь с нетерпением ждал каждого утра, а потом – вечера, чтобы идти снимать наш улов с воткнутой в берег удочки – палки с веревочкой, на конце которой был привязан загнутый гвоздик. И он, улов, у нас случался в обязательном порядке, так как Иван Тимофеевич перед этим тихо приходил и клал в траву около порога нашего жилья очередную большущую кету, которая после еще одной «тайной операции» и оказывалась нашей с Игорем постоянной удачей. Рыбина с удочки тотчас попадала в ловкие руки Сашиной жены Татьяны, и мы с сыном были горды тем, что являлись кормильцами сразу двух семей.

Аля на берегу Гнунваям варит уху из «нашего» с Игорем улова

Изнывающий в нетерпении соседский пацан наконец дождался, когда Игорь переживет свой очередной рыбацкий успех и обратит на него внимание. И тогда мы слышали:

- Давай будем играть!
- Давай! Мы будем космонавтами!
- Не-е-ет! Я буду пастухом!

Летняя погода здесь баловала нас теплыми днями и изумительными вечерними закатами. А однажды моя семья впервые услышала поразивший их жуткий «волчий» вой: привязанная на весь бесснежный период года на берегу реки стая ездовых собак извещала о приближающемся ненастье.

Кутру под напором сильного северного ветра море рассви-
репело: вал за валом бросало оно на речную косу свои вол-
ны, желтые от поднятого ими же с прибрежного дна песка.
В Ягодном невесело. Вчера еще так радовавшие глаз яркие

цветы на берегу Гнунваям – фиолетово-розовый иван-чай, золотисто-лепестковый крестовник и белоцветный тысячелистник – сейчас под дождем сникли, посерели. Опять то-скливо, по-волчьи, воют псы: им уж точно больше, чем нам, не в радость ветер, дождь, шторм. Но зато непогоде рады чайки. Самые мелкие их представители – алеутские и полярные крачки – прекратили свои извечные крики и споры и все до одной, старые и недавно лишь поднявшаяся на крыло молодежь, снуют недалеко от берега над морем, едва не задеваемые белыми гребешками волн. То одна, то другая крачка припадает вдруг к воде, и в клюве ее появляется маленькая рыбка, поднятая со спасительной глубины грязными безжалостными волнами. Конечно, тут как тут и «полицейский» чаячьего племени, бессовестный мздоимец – короткохвостый поморник. Я уже говорил о том, что этот вид на острове предпочитает грабить именно этих маленьких чаечек.

Вдоль прибойной полосы мимо села одиночками или небольшими группами пролетают моевки. А вот крупных чаек почти не видно. Еще три и два дня назад много их летело на север – «навстречу шторму», как мне еще тогда очень уверенно сказал коряк Лазарев. Наверное, где-то там, чайки знают где, штормовые волны сулят птицам обильную пищу. Было удивительно, что тихоокеанские чайки узнают о приближающемся шторме. Но еще больше меня поразила наблюдательность островитян-коряков, точно знающих, что означает это перемещение птиц.

В один из наших безмятежных дней я сижу с Иваном Тимофеевичем Лазаревым на берегу Гнунваям. Прошу его рассказать о себе. Иван родился на острове в 1925 году. Говорит, что в то время здесь была церковь и даже жил поп. Я отмечаю про себя некоторые «разночтения» в моих данных относительно местного «батюшки», но Лазареву об этом не говорю, голова у него светлая, и он, возможно, более прав. Я уже упоминал о том, что Лазарев был горбат. Это свое увечье он называл «болезнью», но на судьбу не жаловался. Жена

Ивана трагически погибла, и сейчас он жил вместе со своей старшей, на нашей памяти тоже одинокой, сестрой. Ирина, даже будучи уже очень «древней», содержала дом в удивляющей нас чистоте.

Прошу рассказать про давнее время, припомнить легенды островных коряков. Но Лазарев смеется:

– Я плоховатый рассказчик, малограмотный, всего четыре класса кончил. И я не верю ни в бога, ни в попа, ни в легенды.

Иван Тимофеевич лукавит. Конечно, он мог бы рассказать мне многое, но на удивление стеснительный, скромный человек, Лазарев считает все, что он знает, вполне обычным и для приезжего горожанина неинтересным. Тогда я перевожу разговор на другую тему:

– Иван Тимофеевич, на острове так же быстро бежит время, как у нас в городах?

– Так же.

– Но почему? Мы там ездим на автомашинах, летаем на самолетах. Кажется, обгоняем время, а оно от этого летит еще быстрее.

Лазарев внимательно смотрит на меня:

– Приходилось ли тебе ездить на нарте много раз по одной дороге? Или на лыжах идти, на лодке плыть? Ты, наверное, заметил, что когда едешь первый раз, дорога кажется длинной-длинной. Ты смотришь и смотришь по сторонам, много видишь, и все тебе интересно. Ты видишь снежные горы, впервые увидел этот лес, смешной пень, давно сгоревший кедрач, так похожий на человеческие скелеты. Потом ты едешь по этой же дороге второй, третий раз. Многое тебе уже знакомо: пень, который больше не кажется смешным, кедрач, лес, горы. В следующий раз ты увидишь горы и лес, но не заметишь, как прошла дорога. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Вспомни время, когда ты смотрел на жизнь глазами ребенка. Это все равно что ты шел в дорогу впервые. Вспомни, какими длинными были дни и годы детства. Ты все видел в первый раз, потому и жизнь у тебя тогда была длинной

и интересной. Когда ты решишь для себя, что все видел и все знаешь, что прошел все дороги, что нигде больше нет ничего интересного, остатки жизни будут лететь для тебя незаметно и быстро. Но ты, мне кажется, прошел еще не все свои дороги.

Мне нечего ответить мудрому коряку. Но скажите, откуда в человеке, всю жизнь прожившем на небольшом, в общем-то, острове, столько философской мудрости?

В каждый свой приезд на остров, неоднократно бывая у Лазаревых дома, я успел заметить пристрастие Ивана Тимофеевича к чтению книг. На моей памяти у него было не больше десяти, может быть, пятнадцати художественных книг. Жадный до чтения, он перечитывал и перечитывал их в который уже раз. Что-то заставляло его вновь и вновь идти по не раз пройденным дорогам. Вероятно, отсутствие дорог нехоженных. И сейчас мне очень захотелось сделать приятное этому человеку. Теперь я буду обязательно при любой возможности посылать ему книги. Пусть он еще походит неисхоженными тропами, пусть длиннее будет его жизнь.

Та поездка была задумана мной скорее ради моей семьи: хотелось показать Але, почему меня каждый раз так неудержимо тянет к предмету моей большой любви – Карагинскому острову. Памятуя о том, что ни одна предыдущая моя сюда экспедиция не обходилась без «пиковых» ситуаций на море, которые очень даже реально могли иметь трагический финал, в этот раз я не взял с собой ни лодки, ни мотора. Мы просто наслаждались природой. Аля была «сыта» поразительными красотами этого дикого края и не виданным ею ранее обилием всякой ягоды, Игорь жил нашей рыбалкой. Для меня и старшего сына Юрия, конечно же, самым главным занятием было наблюдение за здешними птицами.

В тот год, где-то за месяц до нашей поездки на остров, Камчатку посетил молодой московский орнитолог, ныне уже профессор, Володя Остапенко. Мы втроем, включая сына, ловили и кольцевали мелких лесных птиц. Владимир для этих целей привез две или три очень дефицитные

в то время специальные ставные сети-«паутинки». Я – охотник по перу, но эта охота, когда ты берешь в руки живую птицу и, оставляя для себя в дневнике лишь интересующие тебя научные данные, отпускаешь ее на волю, для меня лично была просто праздником. Впрочем, не только для меня: она являлась праздником тогда и осталась им на много лет до сего дня для моего сына Юрия, сейчас профессионального и весьма известного ученого-орнитолога. Тогда же, сидя на берегу реки Авачи у костра, мы говорили, наверное, только о птицах, а ложась спать, все с нетерпением ждали рассвета, чтобы идти на проверку сетей, днем же бегали к ним практически каждый час.

Владимира за его рост (он был всего-то сантиметров на пять менее двух метров) с первых же дней я стал звать Малышом. К концу нашей работы я попросил его оставить нам для поездки на остров одну из его сетей. И выбрал самую лучшую. Возвратить ее я обещал при посещении столицы осенью того же, 1978 года.

Как-то во время чаёвки у вечернего костра я спросил Владимира:

– Малыш, какая самая крупная птица влетала в твои сети?

– Самая крупная? Думаю, что корова! Это самая тяжелая «добыча», хуже которой я не знаю. Можешь представить себе, что остается от нашей сетки.

– Ну, там, на острове, где мы с Юркой будем ловить птиц, коровы точно не ходят. Так что за свою сеть можешь быть спокойным.

И вот в первый же день нашего пребывания в Ягодном мы пошли ставить сеть. Место выбрали удачное: старая, заросшая травой дорога, просвет в приречном ивово-ольховом древостое, очень удобная для пролета снующих здесь местных птиц. Опять нетерпение до утра, и в предвкушении чего-то очень интересного мы едва ли не бегом торопимся к сетке... Большой неожиданности представить себе было просто невозможно: два жалких обрывка сети на кустах и свежий

след траков по давно не езженной до того дороге. Как оказалось, что-то в Ягодном понадобилось работникам маяка, расположенного в десятках километров на юге острова, и это их вездеход на рассвете угораздило «влететь» в нашу дефицитную сеть.

Однажды мы с Сашей все-таки собрались «слетать» на север острова, где, как нам сообщили, обосновалась группа «геологов». Это были ребята – вероятно, студенты и преподаватель – из Московского государственного университета. Они радушно встретили нас, но... охотничьи ружья в их руках и полные дробовых патронов патронташи, к искреннему нашему сожалению, заставили на смену рукопожатиям предъявить официальные документы государственного охотничьего надзора. Очень жаль, что в общем-то хорошие, добрые люди не хотят уважать природоохранные законы «другой страны». Зная, что Карагинский остров является государственным зоологическим заказником, они тем не менее приехали сюда, как в дикие джунгли, с ружьями.

На острове нет опасных для людей хищников. И потому ребята остались без оружия. Отказавшись от чая, мы уходили из Северной в ночь. Парни, я думаю, искренне пожелали нам «счастливого пути» и «семь футов под килем». И пошли от берега с опущенными плечами.

Мы идем на Верхотурова

В один из дней нашего счастливого пребывания на острове мы увидели, что со стороны Оссоры курсом прямо на наше село идут одна, вторая, а вскоре и третья лодки. На трех «Прогрессах» в Ягодное пришли Анатолий Коваленков, Валерий Волков и районный охотовед Виктор Карачаров. Они собрались на остров Верхотурова и зашли за нами. Я имел все основания не доверять здешнему морю, тем более не хотел вручать его вздорному характеру всю свою семью сразу. Аля же,

мало чего в этом понимая, тотчас «загорелась» этой поездкой, и меня уже дружно уговаривали едва ли не все члены предстоящей экспедиции.

С началом сумерек подошли к мысу Голенищева. Здесь, на той самой травянистой площадке, где мы с Юрой Воропановым останавливались в свой первый поход на север, охотники Коваленкова построили очень даже добротный дом. В нем мы и переночуем. Полный прилив. К утру вода уйдет. Поэтому два «Прогресса» отвели на воду и хорошо раскрепили якорями. Третий вытащили на камни, при этом якорный конец отнесли почти к самому обрыву. Аля сразу же взялась за приготовление ужина. Я с дневником и биноклем прошел по берегу моря.

Половина двенадцатого ночи, но писать можно еще без фонаря. Тепло, море спокойное-спокойное, будто Черное в погожие летние ночи. Легкие волны шепчут что-то морской капусте, набросанной на камни их старшими сестрами – большими волнами. Тихий шелест волн в водорослях звучит как-то вразнобой, и от этого впечатление, что они тихонечко разговаривают, усиливается.

Над головой застыли на месте темные тучи. Все ниже спускаясь к горизонту, они вдруг кончаются на западе, и небо там бледно-золотистое и такое же спокойное, как море. Я долго смотрю на зарю, и мне кажется, что ей очень не хочется расставаться с уходящим днем. Постепенно бледнея, заря крадется по краю неба к острову Верхотурова, на север, чтобы потом незаметно проскользнуть на восток и, перехитрив ночь, сразу же возродиться новым днем.

Меня позвали ужинать. Торопливо перекусив, уже в темноте иду берегом к мысу Голенищева. Он чернеет на фоне ночного неба и кажется мне жутковатым. Думается, что он может вот-вот обрушиться на нарушителя своего векового спокойствия. Гроты, выбитые волнами в подножии клифа, представляются мне бездонными провалами, валуны на берегу у кромки воды – сивучами, моржами, какими-то

диковинными зверями. Пытаюсь тихо пройти между затаившимися животными и сердито нахмурившимся уходящим в небо обрывом – и чувствую, что кому-то внутри меня становится все более неуютно. Очень хочется включить фонарик. Перебарывая себя, только бы не зашуметь, тихо-тихо под шелестящий шепот волн стараюсь подкрасться к самым ногам великана-мыса.

Вдруг что-то неожиданно чуждое загремело под ногами! Включаю фонарик... и нет больше сладковатой жути: самая северная точка почти необитаемого острова, подножие тысячной гнездовой колонии берингова баклана, завалена железными банками из-под мясной тушенки, скумбрии, частиковой рыбы и еще бог весть чего. Тут же торчат палки – остовы недавно стоявших палаток, валяются деревянные ящики, картонные коробки. Единственное, что хоть как-то утешает: экспедиция, отправляясь на остров, не рассчитывала на «подножный корм». Но как же они посмели так опоганить это место, мыс, овеянный суровой романтикой далеких дней освоения Севера!

Утро выдалось великолепным – солнечным и тихим. Вода от берега ушла. А на берегу совсем недалеко от нас мы увидели обсохшего только сегодня ночью оставленного морем молодого кита – малого полосатика. Под нижней челюстью бедняги огромная рваная рана. Конечно же, это «работа» китов-убийц. Но почему, убив, косатки не воспользовались своей добычей? Ученые считают косаток разумными существами, и тогда вряд ли они стали бы убивать китенка просто так, без пользы для себя...

Быстрые сборы, – и катера мчат нас к острову, посетить который вот так, на лодке, я сам никогда бы не решился. Острые впечатления для моей семьи начались очень скоро. Справа, слева, прямо по курсу нашего следования всплывают и уходят под воду киты. Я в катере Коваленкова, он постоянно норовит угодить в центр водоворота в месте

*Раненый косатками молодой кит предпочел для себя
другую смерть и выбросился на берег*

погружения очередного кита, и это пугает мою жену. А остров Верхотурова летит нам навстречу.

Вот как о своем первом свидании с этим островом писал П.Ф. Литке: «Около полудня стал показываться к ССЗ островок, в котором мы узнали Верхотуровский и который, вместо 5, лежит почти в 50 верстах от Карагинского. Подобные несообразности в сведениях от полудиких людей через диких же переводчиков неизбежны...

С рассветом приступили мы к описи Верхотуровского острова. Он имеет миль 7 или 8 в окружности; южная и восточная его стороны круты, но от СЗ протянулся низменный мыс, на котором видны кресты, балаганы и развалины юрт, следы посещений олюторцев и камчадалов, которые переезжают на этот остров для промысла чернобурых лисиц и иногда тут зимуют».

«Остров Верхотурова – гористый монолит. Его площадь при длине в четыре с половиной и ширине до двух километров

не превышает семи квадратных километров. По длине он ориентирован с юга на север. Высота наибольшей из трех слабо выделяющихся вершин достигает почти четырехсот метров» — это я прочитал уже в одной из научных публикаций коллеги-орнитолога П.С. Вяткина.

Работавшая на острове в 1975 году ботаническая экспедиция профессора С.С. Харкевича обнаружила здесь около трехсот видов сосудистых растений, притом один из одуванчиков ранее был известен лишь для Северной Америки, другой представитель флоры, ситник мелкий, — для Средней Азии и Западной Сибири. А развитию на острове древесной растительности препятствуют свирепые ветры, частые туманы и низкие температуры.

Не рискну лезть со своим «я» в какие-либо описания достопримечательностей этого замечательного островка. В тот раз мы побыли здесь едва ли более четырех часов. На севере, пока еще где-то далеко, по небу разливалась неурочная темень, а нам кроме хотя бы короткого знакомства с этим островом еще предстоял не менее чем стокилометровый переход по морю домой, в Ягодное.

Последний шторм отгремел больше недели назад. До будущего, как потом оказалось, было не меньше. Легкие, не штормовые, ветры не в счет, они здесь привычны, как наше дыхание. Но сегодня на берегу не ощущается даже слабого движения воздуха и море кажется на удивление спокойным. Лишь зыбь, родившаяся где-то в северных просторах Берингова моря, время от времени посылает к острову своих гонцов. Плавню перекатываются они по морской шири, но, подойдя к мелководному, утыканному рифами подножью острова Верхотурова, то там, то здесь вырастают вдруг в седоголовых гигантов-одинок, которые с устрашающим рокотом разбивают себя о каменные обрывы берегов. На сотни метров от острова к северу в море выдвинулась авангардная группа скал. Иные из пришедших волн поднимаются прямо перед ними, и тогда защитники острова грудь в грудь принимают на себя могучие удары океанских отшельников.

Остров Верхотурова

Мы с Коваленковым идем на катере вдоль обрывистого восточного берега. Он сплошь заселен моевками, иногда создается впечатление, что он обвешан гирляндами из этих птиц. Я видел сделанный здесь Петром Вяткиным фотоснимок одновременно сорвавшейся со скал многотысячной тучи этих чаек. И хочу иметь такой же. Анатолий ведет «Прогресс» вдоль скального обрыва, у меня в правой руке фотоаппарат, в левой – служебный пистолет ТТ. Я хочу, сплутнув выстрелом птиц, повторить фотошедевр Вяткина. Наши друзья и моя семья с двух других катеров наблюдают за нашими маневрами.

Я выбрал удобное место для съемки, но в этот момент вдруг по левому борту нашего «Прогресса», казалось, с самого дна моря, стала стремительно подниматься, расти и наклоняться над нами громадина сегодней волны. Все решали мгновения, и этого хватило Анатолию, чтобы рвануть руль влево.

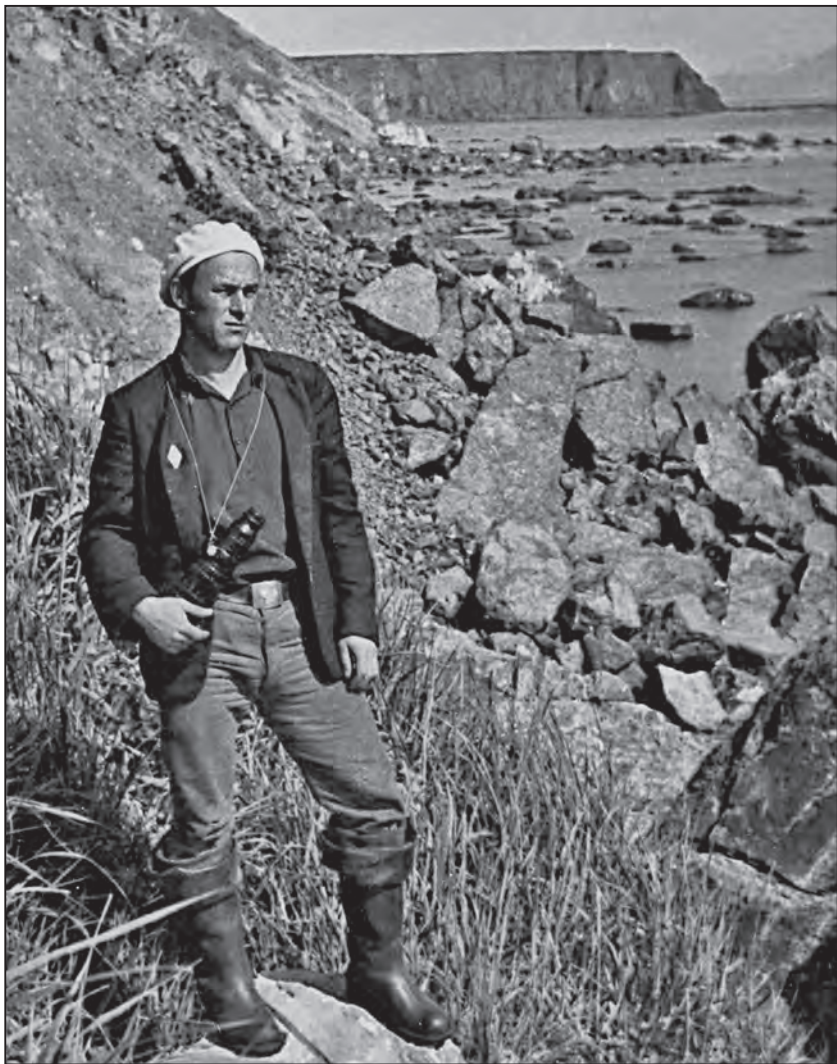
По пологой с нашей стороны стенке волны катер взлетел к ее «подбрюшью» и, прошив его, с трехметровой высоты ударился о воду. Я глянул на Коваленкова: он «скучно» посмотрел на берег, принявший могучий удар «нашей» волны, и спокойно повел катер дальше. Более возбужденными оказались «наблюдатели»: импровизированный цирковой трюк с нашей лодкой их не столько испугал, сколько восхитил.

Снимка не получилось. После пушечного грома, создаваемого ударами о скалы волнами-отшельниками, выстрел из пистолета чайкам, наверное, показался бы смешным. Коваленков дал сигнал двум другим «капитанам», и наши катера направились к лежбищу сивучей.

Эти камни – исконные владения сивучей: тысяча, а может быть, и более этих могучих животных облюбовали скалы под холостяцкое лежбище. Они лежат на камнях так, что в каждой группе хорошо просматривается иерархическая «лестница». Выше всех, как правило, поднимается сильный самец – лидер группы, ступенькой ниже – его возможные преемники, еще ниже ложатся более слабые и молодые звери.

На отдельно стоящем камне, кекуре, возлежит сивуч-патриарх. Он огромен, но, должно быть, стар и уже не может стоять над этим холостяцким «воинством». Но мощь его подавляет даже нас. И этот отдельный камень с одиноким старым сивучем выглядит как царский трон. Пусть этот царь уже не правит, но он все равно монарх. Исполосованное глубокими шрамами тело его говорит о том, что старый могучий зверь прожил жизнь воина, жизнь рыцаря-одиночки, и никто никогда не помогал ему побеждать и выживать.

Мы идем на «Прогрессах» меж скал. Сивучи со слабой нервной системой, в основном это молодежь, бросаются с камней в воду, брызги от падающих тел долетают до нас. И вот уже вокруг нас кипит месиво из желтоватых и коричневых тел. Все пространство вокруг заполнено оглушительным звериным ревом. Вижу, что членам моей семьи не по себе, а испугаться действительно есть чего. Вдруг какой-то ненормальный зверюга

Петр Вяткин – исследователь морской авифауны

захочет испытать наш катер на прочность? И кто это придумал назвать сивучей тюленями? Нет, их лучше называть львами, пусть морскими, но львами.

Темень с севера закрыла полнеба, но ветра еще не было. Нам пора было уходить. Два катера, оторвавшись от нас, на полпути ушли с глаз; в устье Гнунваям мы с Анатолием входили уже потемну.

Для меня остров Верхотурова ассоциируется прежде всего с именем Петра Вяткина. Пять сезонов – от одного месяца до четырех за одно «поле» – провел орнитолог на этом небольшом островке в Беринговом море. И каждый из этих дней был подчинен одной цели – сбору возможно полной информации об авифауне этого островка. Отдыха себе ученый не давал даже в самые непогожие дни: а как ведут себя птицы во время внезапной майской пурги, чем кормит птенцов большая конюга? А конюга-крошка? Как? Почему? Зачем? Вопросов всегда было больше, чем времени на их ответы, и Петр старался максимально использовать каждый час, каждую минуту, дарованные ему судьбой на исследование биологии птиц так любившегося ему острова. До настоящего времени Петр Вяткин является единственным ученым морским орнитологом, изучавшим фауну птиц острова Верхотурова.

Но как иногда хочется оставить и свой след на карте, вписать в свой актив, в районы своих исследований возможно больше точек, мест работы! И однажды остров Верхотурова посетил один из наших ученых коллег. Не забыв упомянуть о Вяткине, он счел-таки необходимым значительно «подправить» его данные практически по всем видам гнездящихся на острове морских птиц. Из очень серьезной научной публикации этого орнитолога мы узнаем, что и он тоже немало потрудился, изучая птиц острова Верхотурова. Говоря об исключительно скрытной, гнездящейся в каменных осыпях и потому трудной для наблюдения конюге-крошке, новоявленный исследователь фауны острова пишет: «25 июля 1979 г. мы насчитали на острове примерно 50 пар этого вида... Мы застали здесь крошечных птенцов и насиженные яйца». Далее о столь же «трудной» большой конюге: «...мы застали здесь птенцов разного возраста (в основном недавно вылупившихся) и нашли несколько

сильно насиженных яиц». И опять та же дата – 25 июля. Столько «открытий» – и всего за один день! Мало того, в этот же свой заезд ученый, как он сообщает, «насчитал у гнезд не более 300» белобрюшек и «всего около 10 тысяч» кайр.

Оказалось, что в тот год орнитолога на остров сопровождал охотовед Карачаров.

– Виктор, ты ходил на остров с ... ? (Я называю фамилию).

– Да, я отвозил его туда на другой год после нашего с вами похода.

– Долго вы там работали?

– А мы не работали. Пробыли на острове не более двух, может быть, трех часов.

– Когда же ученый считал птиц?

– А он никуда не ходил. Мы только попили на косе чаю и ушли с острова.

– Но он пишет, что успел пересчитать едва ли не всех гнездящихся в камнях конюг, учел сотни белобрюшек, тысячи кайр.

– Это неправда! Он даже не знает мест, где некоторые из этих птиц гнездятся. Через два года на Верхотурова работали японские фотографы, и ваш знакомый пробыл там два дня. Я тогда находился на острове с японцами.

– Да, в тот год он опять значительно «уточнил» данные Вяткина, но уже по чайке-моевке.

– И это ложь! Я не видел, чтобы он куда-то уходил из лагеря хотя бы на несколько часов. Фотографы просили его показать места гнездования конюг. Орнитолог долго им что-то рассказывал, но никуда не водил, так как не знал, где и что показывать. Деликатные японцы не стали настаивать, но было видно, что его «знания» птиц острова оценили правильно. А мне за этого ученого было стыдно.

Я слушаю Виктора, и мое ассоциативное мышление выдает картинку из далекого-далекого далека. Годы Великой Отечественной войны. Еще до ее начала некоторым из нас посчастливилось оказаться в детском саду № 8, в те годы – одним

из лучших детсадов города Иванова. Мне повезло, скорее всего, потому, что шофером в этом саду работал мой отец.

Время обеда, и четверо мальчишек сидят за маленьким квадратным столиком. На его центр выставляют тарелку с четырьмя кусочками хлеба, брать их нельзя, пока на стол не подадут суп и не будет команды: «Кушайте!» А среди этих кусочков иногда оказывается такая желанная для каждого из нас горбушка, и сегодня на тарелке она лежит прямо против меня. Трое из нас так и сидят, ожидая команды, разрешающей брать хлеб. Но нас четверо, и этот четвертый, едва воспитательница, поставившая тарелку с хлебом на стол, успевает отвернуться, мгновенно послунивав палец, дотрагивается им до горбушки. И... с этим остается только смириться: горбушка послунявлена и, значит, принадлежит только ему. Завтра, против кого бы этот желанный кусочек хлеба ни оказался, повторится то же. И послезавтра – то же. Примеру маленького ловкача, не выдержав, мог последовать еще один из нас. Но, следуя неизвестно кем и как заложенным в сознание только начинающих жизнь детей убеждениям, так никогда не поступят два других мальчишки. И можно надеяться, что эти двое в предстоящей им долгой жизни никогда, ни при каких обстоятельствах не будут «заслуживать», присваивать им не принадлежащее.

Оказывается, иногда и в науке не так уж и обязательно оставлять свой настоящий след для создания дутого ореола вокруг своего имени, в ней можно просто так вот «наследить». Раз уж не успел раньше другого «наслуживать».

И это печально!

«Какой он красивый, наш остров!»

В своем рассказе об острове Карагинском я не касался во многом неясной истории его жителей. Кто они, эти островитяне? Откуда они? Когда заселили остров? Да и вообще, коряки ли они или представители другой этнической группы? На эти

вопросы, насколько мне известно, окончательных ответов так и не найдено. Несомненно, это прерогатива историков, археологов, антропологов, наконец, и я посчитал для себя некорректным рассуждать на эту тему.

Напомню непосвященным лишь о некоторых известных фактах появления на острове первых «белых» людей.

Не по своей воле в октябре 1746 года на острове Карагинском оказались русские промышленники. Шитик «Евдокия» под командованием Михаила Неводчикова возвращался из похода после открытия им, первым россиянином, островов Агату и Атту. Мореходы попали в жестокий шторм, судно потеряло паруса, якорь и, унесенное на север, было выброшено на восточный берег Карагинского острова. Оставшиеся в живых промышленники перевалили через горный хребет и пришли в селение островитян. Перезимовав на острове, они успели принять участие в военной стычке: помогли местным жителям отбить неприятелей – олюторцев. За оказанную помощь мореходы получили от островных жителей две байдары, на которых летом 1747 года и дошли до Нижнекамчатска.

Степан Крашенинников на Карагинском острове не бывал, но отзывался о его жителях, мягко говоря, без уважения и добавлял: «Что касается до их многолюдства, то считается их человек до ста и больше; но ясак платят токмо человек с тридцать; а прочие во время сбора по горам укрываются».

Не забыты были и души местных коряков: в 1794 году миссионер Лазарев приезжал на Карагинский остров с целью их крещения. Не от него ли, кстати, и осталась на острове эта фамилия? После его миссии часть островитян была переселена в один из олюторских островов, который вскоре вымер от занесенной туда оспы.

Карагинский остров не мал, и накоротке посещавшие его исследователи, как, например, Ф.П. Литке, могли ошибаться, говоря о полном отсутствии на острове людей. Но, похоже, все согласились с тем, что в обозримом прошлом люди на Карагинском то поселялись, то совсем его почему-то покидали. И если это так, каковы причины этого?

При последней нашей встрече Иван Тимофеевич припомнил-таки и пересказал мне одно из местных преданий. Вот оно: «Одна старуха корячка сказала, что на острове не будет жизни. Она сделала заклинание, и все вымерли. Богатыри тоже. Осталась одна старуха (не которая колдовала, та подохла) и три или четыре внука. Она стала привязывать трупы, а потом с внуками собралась ехать в Карагу. Дети пошли к лодке, а старуха несколько дней лежала больная. Потом она вышла из юрты и сказала: «Какой он красивый, наш остров! Здесь вы всегда должны жить». Она села в лодку, а покойники вскочили и стали кричать из юрт, но догнать их не могли, так как были привязаны. Бабка уплыла в Карагу и спасла внуков, а сама, как ступила на берег, умерла. Дети выросли и вернулись на остров. С них опять началась жизнь».

Словами старой корячки из местного предания я и хочу закончить эту часть своего рассказа о замечательном Карагинском острове.

Минуло сорок лет

Да, и впрямь, полных сорок лет прошло со времени последней моей полевой экспедиции, последней доброй встречи с Карагинским островом. Не сказать, что они пролетели, не оставив в памяти яркого следа. Совсем наоборот. Начиная с 1975 года более десяти лет я со своими ребятами-охотоведами, с сыном Юрием был занят в весенних всекамчатских учетах околотовдных птиц. Но в эти же годы «остепенился», защитил по птицам острова кандидатскую диссертацию.

Озабоченные резким падением численности диких гусей на Дальнем Востоке страны, мы совместно с японскими коллегами отловили на Камчатке, «наградили» цветными метками более тысячи гуменников, что помогло выяснить пути их миграций, места отдыха и зимовок. При полной поддержке руководящих Камчаткой «первых лиц» в регионе

Тундровый гуменник

были созданы дополнительные «гусиные» заказники. И это дало замечательные результаты: значительно увеличились территории прежних мест гнездования гусей, появились новые, на удивление быстро на Камчатке стала возрастать численность гуменников.

Постановлением Правительства Российской Федерации от

13 сентября 1994 года № 1050 Карагинский остров и еще три заказника Камчатки официально получили статус Рамсарских водно-болотных угодий международного значения.

В 1989 году меня пригласили в Японию, и там в зоопарке Ягияма я впервые увидел легендарного, более пятидесяти лет как исчезнувшего в Азии замечательного маленького гуся – алеутскую канадскую казарку. И сразу заявил, что берусь выполнить то, что едва ли не все коллеги считали невыполнимым, – возродить ее популяцию в Азии. Убедил американских и японских ученых (и не только) в своих возможностях. И в меня поверили. О том, как делался этот проект, о трудностях и успехах при его исполнении, о других участниках решения поставленной проблемы рассказано в нашей совместной с А.И. Герасимовой книге «20 лет с дикими гусями»¹. Мы сделали это! Сейчас тысячи «оживших» для Азии уникальнейших маленьких гусей вновь гнездятся на Курильских островах и зимуют в Японии (на Курилах тоже). Исполнение первого подобного для Азии «птичьего»

¹ Герасимов Н.Н., Герасимова А.И. 20 лет с дикими гусями. – М.: Вече, 2011. – 128 с.

проекта явилось общей победой многих поверивших в меня коллег. А еще я долго «созревал» для того, чтобы подготовить, наконец, научную книгу об островной орнитофауне. Она опубликована в 2016 году².

В те же годы мы постоянно напоминали пришедшей с «перестройкой» камчатской власти о необходимости сохранения неповторимых природных шедевров, явно незаслуженно доставшихся ей «в наследство». Нас не слышали: на недавно еще неприкасаемые заказные территории, в том числе Рамсарскую – «Река Морошечная», по весне полетели вертолеты областных руководителей и некоторых таких же браконьеров – краевых министров. Попытке руководства Кроноцкого биосферного заповедника взять Карагинский под свое крыло по непонятным нам причинам воспротивилось природоохранное руководство столицы.

Я между тем долго не оставлял надежды на острове не просто «побывать», увидеть село Ягодное, реки Маркеловскую и Комаровскую, бухту Северную, застать там молодых коряков, потомков моих прежних приятелей – я рвался в полноценную экспедицию.

Однажды я с совершенно другими задачами и уже в качестве научного сотрудника Камчатского отделения ВНИИ охотничьего хозяйства и заповедников оказался в Оссоре. Меня здесь помнили, уважали, но, думаю, – в прежнем еще, инспекторском, качестве. Узнав, что на остров по каким-то своим делам на один день направляется судно рыбокомбината, я с его руководством, старшиной катера и пограничниками легко решил вопрос о своей «подсадке» на него.

Погода позволяла, и наше судно приткнулось к берегу прямо против села Ягодное. Я сошел на прибойную полосу, и сразу вместо предвкушаемой радости так ожидаемая встреча с островомдохнула на меня даже не печалью – глубокой

² Герасимов Н.Н. Птицы Карагинского острова. – М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2016. – 132 с.

тоской. А ведь я заранее знал и готовил себя к тому, что круг моих знакомых здесь сузился до самого минимума, что мой друг, отважный егерь Саша Кузнецов, давно и насовсем переехал жить на западное побережье Камчатки.

Пошел к еще остающимся, но осиротевшим домам Александра и Ивана Тимофеевича. И сразу остатки радужного настроения обернулись горчайшим осадком. Первое, на чем остановился, застыл мой взгляд, что больно хлестнуло по нервам, – это в клочья изорванные ягольники, дарованные людям Природой. Здесь же «кладбищенскими памятниками» высились невольные участники этого дикого изуверства – два могучих трактора, японский и российский.

– Кто эти гады? – недобро спросил я первого встреченного человека, показав на перемешанное с галькой окружающее пространство. Как оказалось, на днях молодые трактористы, один – колхозник, другой – госпромхозовец, решили померяться мощностью бросаемых одна на другую своих железных махин. Мне показалось, что трактора порвали и мою душу. Появись я здесь в былом своем инспекторском качестве, поступил бы (вопреки своему несогласию с физическими методами воспитания) элементарно по-хулигански... Но, погасив этот позыв, я уже осознавал: пацаны-трактористы не так уж и виноваты. Это мы вовремя не смогли донести до их недоразвитого сознания самых изначальных представлений о святости каждого участочка Природы Родины. Краткую, но чрезмерно насыщенную недобрыми эмоциями мою «проповедь» парни, а с ними и взрослые выслушали молча. Кто и почему с ними так говорит, они даже не понимали. Тороплюсь забежать на несколько лет вперед: Юра Воропанов в 1992 году, будучи зоологом Камчатской санэпидстанции, посетил Ягодное и не увидел этих ран. Это же подтвердили и научные сотрудники Московского зоопарка Михаил Березин и Елена Ткачева. Ягольники восстановились, их залечила Природа.

В селе, давным-давно, впрочем, исключенном из списков населенных пунктов Камчатки, не было ни одного коряка.

Не хотелось думать, что на острове вообще не осталось тех, кто так беззаветно любил эту землю. Дом Лазарева, как мне сказали, занимала бригада рабочих госпромхоза, по соседству, в доме Кузнецовых (в него мне тоже заходить не захотелось), разместились колхозные покосчики.

Я прошел по берегу в сторону лимана реки Мамикинвям. И увидел, что в этом году на острове небывалый подход горбуши. Рыба стремилась пройти буквально во все ключики, даже в те, в которых она, это уж точно, появиться на свет просто не могла. Вода в некоторых небольших ямках этих ручейков буквально протухла от уже погибшей горбуши, но в эту зловонную воду лезла и лезла рыба живая. Я иду по прибойной полосе в сильный отлив. Небольшие ключики, подбежав к морю, растворяются в песке прибойки. И против каждого такого устьяца, пытаясь зайти в ручей чуть ли не посуху, в море выются косяки горбуши. Вижу, как на песке бьются две такие нетерпеливые толстобрюхие рыбины – самочки. Бегу, чтобы помочь им, хочу перенести к желанному ключу. Но, оказывается, я уже опоздал: у бедолаг выклеваны глаза, а по берегу от «места преступления» подчеркнуто нехотя отходят высокомерные белоснежно-чистые тихоокеанские чайки. Нет сомнений, и пресытившись, эти безжалостные красивые пираты все равно будут делать свое «черное дело». Гораздо хуже другое, подумалось мне тогда, – появление таких подходов лосося к Карагинскому острову может обернуться весьма неприятными последствиями для его Природы в масштабах более «глобальных»: стала подходить рыба – ждите появления в проливе Литке и морских ставных неводов, и людей с ружьями.

Каковы сейчас хозяева на Карагинском острове? – думал я тогда. Настоящие ли? Замечательно, если корякская община. Очень плохо, если длиннорукие хваткие пришельцы с «материка».

Минули еще годы. Я вдруг узнал, что на Камчатку, на Карагинский остров, летят шведские ученые – ботаники и энтомологи. С какими надеждами оказался я в составе их экспедиции,

догадаться нетрудно. На экспедиционной карте указал три «наиболее интересных» места, еще три-четыре – «очень интересных», добавил столько же «просто интересных» и из них рекомендовал что-то выбрать для обязательного посещения. Но не я руководил отрядом. Шведы, непонятно из каких соображений, нашли самый худший из всех имеющихся на острове участков – вершинную часть одного из притоков Мамикинва-ям. Для меня там не было ничего интересного, птиц за несколько дней я, считай, не видел и не слышал, хотя так мне, скорее всего, показалось с досады. Зато шведов напугал и умерил их исследовательский пыл «огромный» след бурого медведя. Эти звери смогли-таки вернуться на остров и обжить его не один десяток лет назад.

А это уже было время, когда по стране вразвалку шагала первая волна широкоплечих, уверенных в своей силе и безнаказанности «подвижников перестройки». Она же, пресловутая «перестройка», уже успела утопить надежды многих из нас в болоте безденежья. Камчатке к тому же не повезло с руководством: «всплыли» те, кто когда-то «мимикрировал» под ценителей ее Природы, выявились и даже очень высоко (до региональных министров) вскарабкались ее откровенные недруги. На Камчатке частными стали все вертолетные площадки (кроме одной, с которой мы в этот раз залетели); на ближнем к острову Корфском аэродроме сумасшедше подорожала не только заправка, но и сама посадка машины. Это, в частности, «привязало» наш вертолет к месту экспедиционного лагеря и убило надежду сменить район нашей неудачной дислокации. Такой «ущербной» оказалась и вторая моя встреча с островом.

Возвращаясь домой, наш вертолет присел недалеко от Осоры на морской косе. Из появившейся со стороны поселка машины вышел очень уверенный в себе человек. Переговорив с пилотами, он направился ко мне. Разговор сразу начал вызывающе, нагло глядя мне в глаза:

– Говорят, что ты будто бы хорошо знаешь Карагинский?

– Да уж точно лучше тебя! Я Герасимов, может, слышал о таком. А кто ты и что можешь рассказать об острове хорошего мне?

– Я Шкуропатский Сергей Михайлович. А на острове я с сыновьями охочусь!

– В заказнике международного значения, где любая охота запрещена? И кого ты там бьешь? Нерпу? Много?

– Медведей! Сколько? Да за год не один десяток, но в этом году пока меньше. Спрашиваешь, зачем? А затем, что доход они дают немалый: мясо, жир, желчь, шкуры, черепа, клыки на сувениры. В Петропавловске берут все. Осенью я ловлю там кречетов, а это уже большие деньги!

– И что, много там кречетов?

– Много! Нам хватает! Они там размножаются!

– Зачем ты мне врешь? Ты вылавливаешь молодых мигрирующих птиц, которые после вас обречены на гибель. Ты знаешь, что Карагинский остров – международный заказник, и только что наговорил не на одну статью Уголовного кодекса. Ничего и никого не боишься? Ну, с тобой все понятно: ты – зверь. Но, похоже, этим ты хочешь сказать, что в здешней вашей региональной власти, в прокуратуре, в милиции все такие же, как ты, негодяи? Чем иначе можно объяснить их спокойную реакцию на эту вот твою наглость?

На эти вопросы я получил только кривую усмешку и:

– Запиши мой телефон и звони!

С тем он и уехал. Появилась еще машина, ко мне подошел молодой мужчина, оказавшийся работником аэропорта. Разговор с ним я сразу начал с вопроса, не охотится ли он на острове.

– Как там можно охотиться? Остров – заказник!

И наградил «гада-браконьера» эпитетами, лучшие из которых я сейчас обозначил кавычками. Я был благодарен этому парню, хоть несколько снявшему гадкую оскомину с моих скатых зубов.

Он предложил мне съездить в Оссору, но я отказался: боялся, что не увижу того хранимого памятью светлого поселка,

который много раз встречал меня в ТЕ годы. Крайне неприятной стала бы и встреча с любым властью там имущим.

2012 год. Ожидать этого звонка я не мог никак. Звонил знакомый:

– Николай Николаевич, с вами очень хочет встретиться гость Камчатки. Разговор будет о Карагинском острове. Я сейчас за вами приеду!

На Камчатку прилетел гость из-за рубежа, Шухрат Разаков. Шухрат (так просто он просил называть себя) родился в Узбекистане в очень уважаемой в советское время семье. Отец – знаменитый врач-хирург, мама – не менее известная в республике работница культуры. Развалился Советский Союз, и Шухрат нашел себя на новой предпринимательской волне. Сейчас живет в Объединенных Арабских Эмиратах.

Вот что он мне сказал в нашей первой беседе:

– Николай Николаевич, я прочитал вашу книгу о Карагинском острове и увидел в вас родственную душу. Я очень богатый человек. Немалые прибыли ежегодно дают мои рыбозаводные водоемы. В Эмиратах я имею участок земли, на нем регулярно проводятся соколиные охоты, на которые съезжаются шейхи.

Я очень люблю соколов – и как птиц, и как благороднейших охотников. Всем известно, что лучшие из соколов, кречеты, в арабские страны в невероятном количестве поступают с Камчатки. И большая их часть гибнет, даже будучи отпущенной на волю. Это беспокоит и арабских шейхов. Я уже сказал, что достаточно богат. И недавно задумался, о чем однажды со мной будут говорить дети и внуки. А они спросят: «Отец, скажи нам, на что ты тратил свои деньги? Чем ты можешь гордиться? И можем ли мы гордиться тобой?»

И я решил, что положу все силы на спасение соколов. И наша помощь прежде всего нужна популяции ваших кречетов. Со мной согласились арабские шейхи, они готовы вложить в это дело свои немалые деньги. Прочитав вашу книгу,

я решил, что нашел единомышленника. Мы имеем методику, исключаящую содержание кречетов в неволе. Хотим «обкатать», довести ее на ваших соколах. Построим на Карагинском острове научно-практический комплекс, научим необходимой работе желающих включиться в этот проект людей, дадим им престижную работу, хорошую зарплату.

На вторую встречу с Шухратом собрались все орнитологи нашей лаборатории. И все, кроме меня, почти уверовавшего в возможность свершения этой программы, пришли с явным в нее неверием. Уходили домой сомневающимися, колеблющимися, но уже без первоначального скепсиса. Слишком грандиозной представлялась эта программа, чтобы сразу в нее поверить.

Более конкретными были разговоры между нами двоими. Оказалось, Шухрат прочитал и нашу с Алей книгу «20 лет с дикими гусями». Ссылаясь на свой идущий «восьмой десяток», я сказал, что готов поверить в эту, вторую для меня, авантюру, боюсь лишь, что мало чего успею сделать...

Но я никому не говорил, что стало твориться, что вдруг ожило в моей душе. Мне показалось, что я пришел в душевное состояние, очень схожее с тем, в котором находился, когда в середине 1960-х рвался на работу в заповедники Африки. Опять перестал нормально спать, просыпался среди ночи и уже не мог заснуть до утра. Просчитывал свои физические (в организаторских самонадеянно не сомневался) возможности стать полезным в этом сумасшедше увлекающем проекте. Но я не только «мечтал», а, по договоренности с Шухратом, уже имел несколько встреч с потенциальными «соратниками».

Посетив Шухрата первый раз в Москве, застал в его квартире молодого парня-экономиста с начальными выкладками по будущему «Карагинскому островному соколиному питомнику». Тогда же в столице у нас состоялись встречи с несколькими вовлеченными Шухратом в проект «коллегами». При всей своей весьма непрактичной доверчивости

я тем не менее сразу обратил внимание на не соответствующую благородным устремлениям «масть» примкнувших к проекту людей. Шухрату о своих сомнениях сказать не успел.

Невеселой через год-полтора получилась наша последняя московская встреча. Я увидел Шухрата вымученным, как бы «потухшим». Понял: спрашивать об «успехах» не надо. И сразу вспомнил... Камчатку в 1998 году посетил А.М. Амирханов, заслуженно уважаемый заместитель председателя Госкомэкологии. Появившись в «питомнике диких гусей» института, он откровенно удивился:

– Как! Вы еще живы?! И добились таких успехов! Ну, прекрасно! Я же о вашем проекте и его врагах знал, когда вы его только замыслили. Считал, что ваша затея давно умерла. А вы молодцы!

– Амирхан Магомедович, о каких врагах вы говорите? Разве мы кому-то сделали плохо?

– Были они. Были и сейчас есть. Враги всегда есть у любого хорошего дела.

Глядя в этот раз на Шухрата, я понял: в нашей любимой стране так быстро перенастроить сознание людей не под силу никакой «перестройке». С Шухратом мы не перекинулись ни словом. Он, решил я, скорее всего, вернется в Эмираты.

И вдруг в первые месяцы нынешнего, 2018 года звонок:

– Николай Николаевич, вы не забыли человека, который прилетал на Камчатку «воровать яйца кречетов»?

– Шухрат! Как же можно забыть миллионера-«вора». Гадости о вас распространяли и некоторые писаки от СМИ, и тот, кто лез к вам в душу под личиной «друга». Где вы сейчас?

– Я уже два года в Кыргызстане. Прямо сейчас смотрите по телевидению передачу о построенном здесь соколином питомнике.

Я просмотрел выпуск раз за разом трижды. В мае вышел на видеосвязь с Шухратом по «вайберу». Более получаса он водил меня по сказке, им сотворенной. Я увидел подлинное чудо, картины которого рисовались нам с Шухратом

шесть лет назад. Но это чудо было не на Камчатке и даже не в нашей, а в другой стране. И то, что я увидел воочию, трудно было бы представить даже в самых бредовых мечтах.

В последние дни мая звонок:

– Смотрите в «YouTube» передачу «Соколиный остров». В июле я надеюсь появиться на Камчатке. О своем обещании я не забыл.

Возвратившись в конце мая с «материка», я вдруг узнал, что идея создания центра по спасению кречетов недавно поднималась и не оставлена губернатором Камчатки. Кому-то якобы уже давались некие на этот счет поручения. Дай-то Бог! Но сможет ли губернатор найти достойных людей для претворения этой идеи в жизнь? Найдутся ли в его штате хотя бы два-три истинных, и главное – принципиальных, ценителя Природы, любящих ее творения душой, а не за чиновничью зарплату?

Из Интернета я уже знал, что земли острова (вероятно, какая-то их часть) с 2005 года принадлежат «Родовой общине», которую возглавляет Зоя Семеновна Майновье, дочь моих бывших добрых друзей Насти и Семена. Разрешенная деятельность – морское рыболовство, огородничество, сбор дикоросов. Все по закону, и все замечательно. За остров душа больше болеть не должна. Узнал и успокоился: остров во владении коренных островитян! Как вдруг узнаю: едва ли не в этом году «Община» продала принадлежащую ей землю пришлому «охотнику», не являющемуся представителем местной северной национальности и к тому же практикующему расстрел оставшихся на острове северных оленей с вертолета. И в Интернете уже приспело сообщение, что на Карагинском острове начато активное развитие туризма, что частные турфирмы заложили там свои охотничьи (!) базы в расчете на ежегодную доставку на Рамсарскую территорию свыше 400 охотников и рыболовов. Не хочется верить, что делец-покупатель уже успел раздробить

Средний кроншнеп

на куски и распродать территорию, где охота запрещена Правительством Российской Федерации. И явно не для убийства зайцев и медведей зовут охотников на остров, узаконенные сроки охоты на них очень неудобны. Напомню: Карагинский остров – место отдыха во время миграций многих сотен тысяч птиц. Это место остановки многочисленных стай различных куликов, и наиболее интенсивный пролет здесь наблюдается у среднего кроншнепа – самого

привлекательного объекта для охотников по перу. Именно за средним кроншнепом приедут сюда привлеченные интернет-приглашениями охотники. А ведь на Карагинском острове запрещена охота на все виды птиц, и их судьбой озаботилось мировое сообщество хранителей Природы планеты Земля.

Интересно, поймет ли федеральная власть серьезность столь дерзкого пренебрежения законодательством страны со стороны властей районной и региональной? Верю, что заслуженно «высокая» оценка столь беспардонному своеволию будет дана. А пока свое слово должны сказать охотоведы, получающие за сохранение Природы зарплату.

Карагинский остров мы должны рассматривать как миниатюрную модель, в которой отражено наше современное

отношение к Природе. В данном случае я говорю только о Камчатке, так как знаю: есть регионы, где отношение к Природе более трепетное.

Послесловие

Первое, что считаю нужным сказать, завершая свой рассказ, – я остаюсь оптимистом, что для моего возраста, думаю, немало. И, будучи им, считаю возможным сохранить послесловие, написанное для первого издания книги, лишь с малой, но существенной подсказкой для настоящих туристов.

Я долго – дольше, чем писал, – думал, как мне назвать эту свою небольшую книгу. Может быть, «Остров моей любви»? Ведь я действительно навсегда полюбил его. Или «Карагинский – остров моей мечты»? Мечтать о встрече с ним я начал раньше, чем этот остров увидел. Посетив же с тех пор Карагинский более десяти раз, постоянно мечтаю увидеть его опять. Остановился на том, что вы видите на обложке.

Я уже не тот молодой инспектор-«экстремист», каким был сорок и тридцать лет назад, отнюдь не ратую за полное отсутствие на Карагинском острове хозяйственной деятельности. Впервые о возможности содружества охраны природы и (куда уж нам от этого уйти) разумной эксплуатации ее богатств на Камчатке я задумался в 1991 году. Тогда на Аляске, находясь на территории природного парка в большом морском порту, я придирчиво осматривал пирсы, пытался найти на них хотя бы самое маленькое нефтяное пятнышко. Не нашел. А меня, проходящего по кромке причалов, сопровождали любопытствующие и, как мне казалось, доверчивые глаза плывущих следом каланов.

Потом в офисе US Fish and Wildlife Service в Анкоридже специально для нас, русских ученых, не равнодушных к вопросам сохранения живой природы, были организованы два дня лекций. Сопоставив увиденное и услышанное, я понял,

что голый экстремизм в вопросах охраны природы уместен далеко не всегда. Нет-нет, мои друзья-экологи, я никогда не примирюсь, например, с разработкой золоторудных месторождений на водораздельных хребтах Камчатки и, главное, с устройством там хранилищ жидких, смертельных для всего живого ядовитых отходов «золотого» производства. Не смирюсь с установкой нефтяных платформ на шельфе Камчатки. Известно же, что «ружье, висящее на сцене в первом акте пьесы, в последнем обязательно выстрелит». Но сейчас я считаю, что на Карагинском острове могут и должны сочетаться два вида, две системы природопользования. Западная часть острова с его рыбными промыслами, покосами, богатыми ягодниками и умопомрачительными урожаями грибов должна удовлетворять жизненно необходимые материальные потребности людей. Северная же его часть, начиная от правобережья долины реки Маркеловской, и восточные побережья от мыса Голенищева до Перешейка должны находиться под юрисдикцией строжайших природоохранных законов.

На Карагинском острове необходимо безотлагательно восстановить комплексный природный заказник с жестким, без всяких «в виде исключения...», режимом охраны. Но под особо охраняемую территорию должны быть выделены лишь северная и восточная части острова. Желательна и безусловная охрана косы Лекало. Но, к большому сожалению, я понимаю, что пока достижение последнего нереально.

Какие «материальные» выгоды может дать (и с избытком даст) территория зоологического заказника «Карагинский остров»? Прежде всего – доходы от грамотно разрекламированного, хорошо поставленного и экологически приемлемого туризма. Все доступные уже сейчас природные территории Камчатки скоро будут не столь интересны для людей, их увидевших. Они захотят посетить уголки по-настоящему дикой природы. Реки Маркеловская и Комаровская, бухта Северная и гора Высокая, мысы Голенищева и Крашенинникова –

это надо видеть! Любознательные туристы захотят побывать на восточном побережье острова, увидеть непрерывную пятикилометровую ленту птичьего базара, посетить некоторые птичьи колонии и, возможно, своими руками окольцевать чайчат и бакланят. А быт островных оленеводов, самобытная культура которых на территории заказника, безусловно, должна не только сохраняться, но и всячески поддерживаться, может стать не менее привлекательным, чем уклад бедуинских стойбищ в египетской пустыне. Увидеть все это захотят тысячи и тысячи ценителей дикой природы. Но для этого нужна большая работа умных хозяев острова и хорошая реклама.

Кто из современных настоящих руководителей не хотел бы получить признание и благодарность от передовой мировой общественности? Взятие на безусловное сохранение таких уникальных природных территорий, какой является остров Карагинский, и даст такое признание.

Очень хочется надеяться, что вы не пожалели времени, потраченного на знакомство с полюбившимся мне островом. Я рассказал о нем, о его природе далеко не все. Уж о птицах-то точно не все, что знаю. Не хотел перегружать свое повествование чисто орнитологическими наблюдениями, они интересны, однако больше подходят для литературы специальной. Но важно то, что неизвестного о птицах Карагинского острова несоизмеримо больше, чем посчастливилось узнать нам.

В конце 20-х годов двадцатого столетия два «поля» на острове провел замечательный исследователь В. Разумовский. По прошествии сорока лет счастливая встреча с Карагинским островом выпала мне. Кто из нынешних поколений исследователей следующий? Поверьте: время открытий продолжается, остров Карагинский хранит очень много удивительного, никем до вас не познанного.

Он ждет вас, исследователи!

Любителям же природы, собравшимся на свидание с Карагинским островом, советую не брать на веру все, что успели

втиснуть в Интернет беспардонные «туристические зазывалы». Из их восторженных воплей я узнал для себя об острове немало нового. Почти убедился, что мало я по нему ходил, если, ослепленный скромной, берущей за душу красотой цветущих тундр, не заметил ни кедров, ни лиственниц. Непростительно мне, исследователю-охотоведу, зоологу не знать, что, оказывается, на Карагинском острове туристы смогут лицезреть волков и рысей, лосей и «краснокнижных сусликов», и, конечно же, розовых чаек на гнездовье. Извините, не знал, что в его водоемах живут караси, налимы и щуки. Правда, сколько-то одичавших оленей там еще сохраняется, и вашим гидом на острове может оказаться их настоящий убийца. Фамилию не называю, ему есть чем «гордиться», отрекомендуется сам.

Но на самом деле в Интернете есть очень теплые отзывы о встречах с островом людей, которые, просто час-два полежав на мягкой тундровой подушке, глядя в чистое небо и слушая удивительно радостную песню подорожника, увезли с собой любовь к этому маленькому кусочку нашей Родины.

Список упоминаемых видов птиц

Баклан берингов (берингийский) (*Phalacrocorax pelagicus*)
Баклан краснолицый (*Phalacrocorax urile*)
Белобрюшка (*Cyclorhynchus psittacula*)
Беркут (*Aquila chrysaetus*)
Веретенник большой (*Limosa limosa*)
Ворон (*Corvus corax*)
Вьюрок горный сибирский (*Leucosticte arctoa*)
Гага обыкновенная тихоокеанская
(*Somateria mollissima v-nigrum*)
Гага сибирская (стеллерова) (*Polysticta stelleri*)
Гагара краснозобая (*Gavia stellata*)
Глушыш (*Fulmarus glacialis*)
Гуменник тундровый (*Anser fabalis serrirostris*)
Дрозд бурый (*Turdus eunomus*)
Дятел пестрый большой (*Dendrocopos major*)
Дятел пестрый малый (*Dendrocopos minor*)
Жаворонок полевой (*Alauda arvensis*)
Зеленушка китайская (*Chloris cinica*)
Казарка канадская алеутская (*Branta canadensis leucopareia*)
Кайра толстоклювая (*Uria lomvia*)
Кайра тонкоклювая (*Uria aalge*)
Каменушка (*Histrionicus histrionicus*)
Канюк мохноногий (*Buteo lagopus*)
Конек краснозобый (*Anthus cervinus*)
Конюга большая (*Aethia cristatella*)
Конюга-крошка (*Aethia pusilla*)
Крачка алеутская (*Sterna aleutica*)
Крачка полярная (*Sterna paradisaea*)
Крачка речная (*Sterna hirundo*)
Кроншнеп средний (*Numenius phaeopus*)
Кукушка глухая (*Cuculus saturatus*)
Кукушка обыкновенная (*Cuculus canorus*)
Куропатка белая (*Lagopus lagopus*)

Куропатка тундряная (*Lagopus mutus*)
Ласточка береговая (*Riparia riparia*)
Моевка (*Rissa tridactyla*)
Мородунка (*Xenus cinereus*)
Орлан белоплечий (тихоокеанский) (*Haliaeetus pelagicus*)
Поганка серошекая (*Podiceps griseigena*)
Подорожник лапландский (*Calcarius lapponicus*)
Поморник длиннохвостый (*Stercorarius longicaudus*)
Поморник короткохвостый (*Stercorarius parasiticus*)
Поморник средний (*Stercorarius pomarinus*)
Сверчок охотский (*Locustella ochotensis*)
Свиязь (*Anas penelope*)
Синьга американская (*Melanitta americana*)
Соловей-красношейка (*Luscinia calliope*)
Топорок (*Fratercula cirrhata*)
Трясогузка белая (*Motacilla alba*)
Трясогузка желтая (*Motacilla flava*)
Турпан горбоносый (*Melanitta deglandi*)
Улит большой (*Tringa nebularia*)
Фифи (*Tringa glareola*)
Чайка озерная (*Larus ridibundus*)
Чайка сизая (*Larus canus*)
Чайка тихоокеанская (*Larus schistisagus*)
Чеглок (*Falco subbuteo*)
Чечевица (*Carpodacus erythrinus*)
Чечетка (*Acanthis flammea*)
Чирок-свистунок (*Anas crecca*)
Чистик тихоокеанский (*Cerphus columba*)
Шилохвость (*Anas acuta*)
Щур (*Pinicola enucleator*)

Книги автора о природе Камчатки

Герасимов Н.Н. Беседы о птицах Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2014. – 178 с.

Герасимов Н.Н. Птицы Карагинского острова. – М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2016. – 132 с.

Герасимов Н.Н., Герасимова А.И. 20 лет с дикими гусями. – М.: Вече, 2011. – 128 с.

Содержание

Об авторе	5
Предисловие к первому изданию	8
Предисловие ко второму изданию	9
Страна моей мечты	11
Оссора	17
Первые встречи	19
О чем хотел рассказать ручей	25
О некоторых «плюсах» и «минусах» фауны Карагинского острова	30
Бухта Ложных Вестей	38
Село Ягодное	49
Наши будни. Найдёновы	55
Кузьма	61
Путь на север	65
Бухта Северная	76
Тюлени мыса Голенищева	82
Могилки	85
База Северная	89
Сулой – это страшно	97
Карта острова	102
На реке Маркеловской	131
Наша цель – Птичий	136
Олени	166
Коваленков	171
Орнитологический заказник	175
Кузнецовы	177
Моя семья	180
Мы идем на Верхотурова	187
«Какой он красивый, наш остров!»	197
Минуло сорок лет	199
Послесловие	211
Список упоминаемых видов птиц	215
Книги автора о природе Камчатки	217

Благотворительный фонд «Центр охраны дикой природы» (ЦОДП) – российская негосударственная природоохранная организация, учрежденная в 1992 г. Социально-экологическим союзом.

Основные направления деятельности – решение актуальных экологических задач путем разработки и осуществления разнообразных проектов, информационная, методическая и консультационная поддержка природоохранных инициатив, содействие координации действий природоохранных организаций, поддержка деятельности заповедников, национальных парков и других охраняемых природных территорий.

117312 Москва, ул. Вавилова, д. 41, офис 2

Тел./факс: +7 (499) 124-71-78

biodivers@biodiversity.ru

www.biodiversity.ru

www.oopt.info

Камчатский филиал Тихоокеанского института географии ДВО РАН

Основные направления научно-исследовательской деятельности:

– изучение биологического разнообразия и экологии отдельных групп флоры и фауны Камчатского региона в условиях изменяющейся окружающей среды и антропогенного воздействия;

– разработка путей и методов повышения эколого-экономической эффективности природопользования на Камчатке и ее шельфах.

Филиал насчитывает более 60 сотрудников. Исследования проводятся в 5 лабораториях (гидробиологии, экологии растений, орнитологии, экологии высших позвоночных и эколого-экономических исследований).

683000 г. Петропавловск-Камчатский, ул. Партизанская, д. 6

Тел./факс: +7 (4152) 41-24-64

kftigkamchatka@mail.ru

http://www.kftig.com

Научно-популярное издание

Николай Николаевич Герасимов

**Остров Карагинский:
путешествие в непознанный мир Природы**

Фото в тексте автора и из его архива

Фото на вкладке: *М.В. Березин, Е.Ю. Ткачева, О.А. Хрулева*

Фото на обложке: *М.В. Березин, Ю.Н. Герасимов, А.Е. Варламов*

Дистанционный снимок о. Карагинского: *Esri, DigitalGlobe, GeoEye, i-cubed, USDA, USGS, AEX, Getmapping, Aerogrid, IGN, IGP, swisstopo, and the GIS User Community*

Карта о. Карагинского: *В.Е. Кириченко*

Редактор *И.В. Травина*

Корректор *Н.И. Маркелова*

Оригинал-макет и обложка: *Е.В. Чернова*

Подписано в печать 23.07.2018. Формат 60х84/16.

Гарнитура «Georgia». Бумага офсетная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 12,6. Усл. печ. л. 13,7.

Тираж 1000 экз. Заказ № ВЗК-03922-18.

Благотворительный фонд «Центр охраны дикой природы»

117312 Москва, ул. Вавилова, д. 41, офис 2

Тел./факс: 8 (499) 124-71-78

biodivers@biodiversity.ru

www.biodiversity.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета

в АО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати – ВЯТКА».

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Тел. (8332) 53-53-80, info@gipp.kirov.ru

9

785936

991004